

ISSN 2664-374X

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Основан
в 1997 году*

Серия Е
**Юридические
науки**

2/2019

**Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального
университета. Серия Е: Юридические науки»**

Главный редактор – д.ю.н., доцент, профессор, зав. кафедрой административного и финансового права **Е. М. Сынкова**.

Зам. главного редактора – к.ю.н., доцент **Н. В. Асеева**.

Ответственный секретарь – к.ю.н., доцент **Н. А. Тимошенко**.

Технический секретарь – специалист-редактор 1 категории **А. К. Миронова**.

Члены редколлегии: – к.ю.н., доцент **Е. А. Матвиенко**; к.ю.н., доцент **Е. Ю. Краснонос**; к.ю.н., доцент **М. П. Тишаков**; к.ю.н., доцент **О. В. Никольская**; к.ю.н., доцент **Н. В. Асеева**; к.ю.н., доцент **Л. Ю. Одегова**; к.ю.н., доцент **Е. Н. Дорошева**; д.ю.н., доцент, профессор **Е. М. Сынкова**; к.ю.н., доцент **С. Н. Пашков**; к.ю.н., доцент **Е. В. Цыба**; к.ю.н., доцент **В. Н. Швайковская**; к.ю.н., доцент **Е. В. Горбатенко**; к.ю.н., доцент **А. В. Ефремова**; к.ю.н., доцент **Л. А. Семькина**; к.ю.н., доцент **Н. В. Семькин**; к.ю.н., доцент **Н. А. Тимошенко**; к.ю.н., доцент **О. А. Левендаренко**; к.ю.н., доцент **Э. Е. Манивлец**; к.ю.н., доцент **С. Н. Меркулов**; к.ю.н., доцент **Т. В. Тютюнник**; к.ю.н., доцент **Г. А. Хань**; к.ю.н., доцент **А. И. Журба**; д.ю.н. **С. В. Лихачев**; к.ю.н., доцент **Д. С. Каблов**; к.ю.н., доцент **И. К. Василенко**; к.ю.н., доцент **В. Ю. Поляков**; к.ю.н., доцент **Н. А. Бардашевич**; к.ю.н., доцент **Е. В. Кулакова**.

**The Editorial Board of the journal «Bulletin of Donetsk National University.
Series E: Legal science»**

Editor in Chief – Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Head. Department of Administrative and Financial Law **E. M. Synkova**.

Deputy Editor-in-Chief – Candidate of Laws, Associate Professor **N. V. Aseeva**.

Executive Secretary – Candidate of Laws, Associate Professor **N. A. Timoshenko**.

Technical Secretary – 1st category editor **A. K. Mironova**.

Members of the editorial board: - Ph.D., Associate Professor **E. A. Matvienko**; Candidate of Law, Associate Professor **E. Yu. Krasnonosov**; Candidate of Law, Associate Professor **M. P. Tishakov**; Candidate of Law, Associate Professor **O. V. Nikolskaya**; Candidate of Law, Associate Professor **N.V. Aseeva**; Candidate of Law, Associate Professor **L. Yu. Odegova**; Candidate of Law, Associate Professor **E. N. Dorosheva**; Doctor of Law, Associate Professor, Professor **E. M. Synkova**; Candidate of Law, Associate Professor **S.N. Pashkov**; Candidate of Law, Associate Professor **E. V. Tsyba**; Candidate of Law, Associate Professor **V.N. Shvaykovskaya**; Candidate of Law, Associate Professor **E.V. Gorbatenko**; Candidate of Law, Associate Professor **A.V. Efremova**; Candidate of Law, Associate Professor **L. A. Semykina**; Candidate of Law, Associate Professor **N. V. Semykin**; Candidate of Law, Associate Professor **N. A. Timoshenko**; Candidate of Law, Associate Professor **O. A. Levendarenko**; Candidate of Law, Associate Professor **E.E. Manivlets**; Candidate of Law, Associate Professor **S.N. Merkulov**; Candidate of Law, Associate Professor **T. V. Tyutyunnik**; Candidate of Law, Associate Professor **G. A. Han**; Candidate of Law, Associate Professor **A.I. Zhurba**; Doctor of Law **S. V. Likhachev**; Candidate of Law, Associate Professor **D.S. Kablov**; Candidate of Law, Associate Professor **I. K. Vasilenko**; Candidate of Law, Associate Professor **V. Yu. Polyakov**; Candidate of Law, Associate Professor **N. A. Bardashevich**; Candidate of Law, Associate Professor **E. V. Kulakova**.

Адрес редакции: ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк

Тел.: +38(071) 36-707-35, +38(099)226-26-74 (Viber)

E-mail: jur.conf@donnu.ru; redact@donnu.ru

URL: <http://donnu.ru/vestnikE>

*Печатается по решению Ученого совета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
Протокол № 6 от 02.07.2019 г.*

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Серия Е: Юридические науки

№ 2/2019

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Гулина С. Н., Трусев В. С.</i> Некоторые вопросы, касающиеся законности принятия процессуальных решений	3
<i>Ефремова А. В.</i> Система источников права социального обеспечения Донецкой Народной Республики	10
<i>Ковалёв И. П.</i> Понятие и генезис института возмещения вреда	18
<i>Косач Н. Е.</i> О структуре и содержании положений о Министерствах	25
<i>Левендаренко О. А.</i> Особенности применения задержания и заключения под стражу по делам о преступлениях несовершеннолетних	31
<i>Меркулов С. Н.</i> К вопросу о международных стандартах прав обвиняемого в уголовном процессе	39
<i>Овинникова Р. В.</i> Категории «политическая система общества» и «политический режим»: теоретико-правовая характеристика	46
<i>Одегова Л. Ю., Рудь Ю. А.</i> История становления евразийской экономической интеграции на постсоветском пространстве	53
<i>Семеняка Я. Н.</i> Современные проекты организации местного самоуправления на Донбассе: правовое измерение	61
<i>Семькина Л. А.</i> Понятие специального субъекта преступления	68
<i>Степанова Ю. С.</i> К вопросу о содержании права собственности	74
<i>Тимофеева А. А.</i> основополагающие принципы международного гуманитарного права	80
<i>Тимошенко Н. А., Герасименко В. К.</i> Объект преступления и его виды	85
<i>Хань Г. А., Бубела В. И., Круть О. В.</i> Особенности планирования расследования преступлений, совершенных организованными преступными группами	91
<i>Харжевская Т. С.</i> Таможенное регулирование перевозки особо опасных грузов	99
<i>Чихрадзе А. М.</i> Соотношение налоговой тайны с иными видами тайн, охраняемых законом	106
Правила для авторов	113

Bulletin of Donetsk National University

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Series E: Legal sciences

№ 2/2019

CONTENTS

<i>Gulina S., Trusov V.</i> Some issues concerning the law of acceptance of procedure decisions	9
<i>Efremova A.</i> System of sources of the right of social security of Donetsk People's Republic	17
<i>Kovalev I.</i> Concept and genesis of institute of human remedies	24
<i>Kosach N.</i> The structure and content regulation on the ministry	29
<i>Levendarenko O.</i> Peculiarities of application of detention and determination by guarantee in case of crimes of minors	38
<i>Merkulov S.</i> The issue of the accused of international standards rights in criminal proceedings	45
<i>Ovinnikova R.</i> Categories «political system of society» and «political regime»: theoretical and legal characteristics	52
<i>Odegova L., Rud J.</i> History of the formation of Eurasian economic integration in the post-soviet space	59
<i>Semenyaka Y.</i> Modern projects of organization of local self-governance in the Donbass: legal measurement	67
<i>Semykina L.</i> The concept of a special subject of crime	73
<i>Stepanova J.</i> To the question of the content of ownership	79
<i>Timofeeva A.</i> Fundamental principles of international humanitarian law	84
<i>Timoshenko N., Gerasimenko V.</i> Object of crime and its types	89
<i>Khan G., Bubela N., Krut O.</i> Features of planning of the investigation of crimes committed by organized criminal groups	97
<i>Kharzhevskaya T.</i> Customs regulation of the transport of specially dangerous goods	105
<i>Chikhradze A.</i> Relationship of tax secret with other types of secrets protected by law	112
Guidelines for authors	113

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ, КАСАЮЩИЕСЯ ЗАКОННОСТИ ПРИНЯТИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ

Данная работа представляет собой вопросы взаимодействия справедливости и законности в уголовном судопроизводстве. Способы взаимного влияния друг на друга, современные средства обеспечения законности и справедливости уголовно-процессуальной деятельности должны стать важнейшим направлением изысканий в современной уголовно-процессуальной науке. В этой связи речь пойдет о комплексном подходе к исследованию справедливости и законности уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: обеспечение законности, правовой порядок, общественный порядок, законность

В уголовном судопроизводстве законность является основополагающей идеей, получившей нормативное закрепление. Законной признается лишь такая уголовно-процессуальная деятельность, которая протекает в полном соответствии с установленными законом правилами и требованиями. Положения уголовно-процессуального закона предусматривают не только конкретные правила поведения, но и некоторые альтернативы, проявление усмотрения в различных ситуациях. Отсутствие четко определенных, конкретных правил поведения ставит задачу перед правоприменителями выбора поведения: законного и справедливого.

Вопросы взаимодействия справедливости и законности в уголовном судопроизводстве подлежат подробному изучению в целях выработки оптимальных нормативных правил регулирования уголовно-процессуальных отношений. Способы взаимного влияния друг на друга, современные средства обеспечения законности и справедливости уголовно-процессуальной деятельности должны стать важнейшим направлением изысканий в современной уголовно-процессуальной науке. В этой связи речь может идти о комплексном подходе к исследованию справедливости и законности уголовного судопроизводства.

Существует множество различных определений законности. Но практически в каждом из них выделяется то главное, что и образует суть, основу законности, – строгое, неуклонное соблюдение, исполнение норм права участниками общественных отношений. Именно это присуще законности любого исторического периода независимо от условий места и времени. В конкретных исторических условиях эта сущность наполняется конкретным содержанием и приобретает соответствующие формы. Законность провозглашается, а нередко и закрепляется в законодательстве в качестве принципа, требования соблюдать правовые предписания, обращенного к субъектам общественных отношений.

Мы знаем, что законность отображает соблюдение норм права. Расследование преступлений, обеспечение законности в этой деятельности – это одна из важнейших государственных задач, разрешаемых следователями. Раскрыть сущность, содержание предварительного расследования невозможно без определения места этой деятельности в единой системе функционирования государственных органов.

Основополагающим является требование законности. Оно аккумулирует многие свойства, которые должны быть присущи процессуальным решениям следователя. Как правильно отмечает Ю. В. Манаев, понятие законности процессуальных решений следователя неразрывно связано с общим определением законности в теории права, что обусловлено сложной структурой и многоплановостью этого явления, а также субъективными различиями подходов к его изучению [1, с. 34].

Обеспечение законности относительно лиц, фигурирующих в ходе расследования преступления, прежде всего, начинается с надлежащего их привлечения к уголовному процессу, создание для них необходимых условий, который позволяют им исполнять свои обязанности, с гарантированием прав и законных интересов. Однако, не смотря на важность гарантий и обеспечения прав, свобод и законных интересов граждан и законности в целом, эти проблемы в научном и практическом плане недостаточно изучены. Особенно страдает от этого стадия предварительного расследования преступлений, поскольку именно на этом этапе к человеку могут быть применены методы принудительного характера, то есть лишение свободы, а при этом часто допускается нарушение законов.

Процессуальные решения, которые следователь принимает по уголовному делу, должны отвечать ряду специальных требований. Некоторые из этих требований закреплены в уголовно-процессуальном законе, а другие выработаны теорией уголовного процесса.

На основании статьи 3 Конституции Донецкой Народной Республики (далее ДНР) человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность Донецкой Народной Республики, ее государственных органов и должностных лиц.

Уголовно-процессуальное и уголовное законодательство, учитывая возможности нарушения законности, прав граждан при расследовании уголовных дел и рассмотрении их в судах, предусматривает, например, такие правовые институты, как обжалование принятых решений, отмена в установленном законом порядке постановлений, определений, приговоров и других актов, которые принимаются по делу.

Исследования, которые ведутся в Российской Федерации и в ДНР по проблемам защиты, обеспечения прав и законных интересов граждан, много в чем базируются на соответствующих научных достижениях. Считаем, что в первую очередь обеспечение законности, прав граждан непосредственно зависит от самих исполнителей, тех, кто проводит предварительное расследование по уголовным делам, и от лиц, привлеченных к этой служебной сфере.

В нашей стране законность остается народной, поскольку ее основное содержание определяет Народный Совет ДНР, который исполняет законодательную

и нормативную деятельность. На основании статьи 2 Конституции Донецкой Народной Республики носителем суверенитета и единым источником власти в ДНР является ее народ. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления [2, с. 3]

Деятельность правоохранительных и иных органов, поведение отдельных граждан должны быть направлены на укрепление законности и правопорядка, на соблюдение норм права. Название правоохранительные органы вытекает из их деятельности, которая направлена на охрану, соблюдение правовых распоряжений, на обеспечение режима законности. Постоянное повышение роли и значения законности, а также ее укрепление является объективной закономерностью развития общества. Для ДНР это обусловлено сложностью построения демократического, социального государства, расширением демократии и гласности, а также повышением ответственности каждого человека за судьбу суверенного государства. Задача заключается в обеспечении режима законности, строгом исполнении законов и подзаконных актов, а также защиты прав граждан.

Законность выступает конкретизацией понятия уголовно-процессуального права, его аспектом, свойством, стороной и направлена на характеристику поведения участников уголовного процесса и содержания и формы нормативных актов относительно права. Сущность законности заключается в соблюдении всеми правосубъектными участниками общественных отношений правовых норм в самом широком смысле слова. Всеобщее исполнение права приводит к установлению правового режима, тождественного законности. Правовой режим в свою очередь выражается через общественное правосознание в совокупности основных начал – принципов уголовно-процессуального права, которые составляют содержание принципа законности. Другими словами, принцип законности произведен от правового режима и не имеет самостоятельного содержания, а состоит из других процессуальных принципов. В то же время он является правовой нормой общего характера и служит критерием и основой для законодательства и для урегулирования отклоняющегося поведения участников общественных отношений, способствуя поддержанию правового режима. Применительно к правовому государству понятие принципа законности эквивалентно понятию верховенства права.

Исходя из вышесказанного, данные признаки понятия законности можно представить в следующем определении: законность в уголовном процессе – это правовой режим производства по уголовным делам, заключающийся в соблюдении уголовно-процессуальных норм всеми правосубъектными участниками судопроизводства, который отражен через общественное правосознание в системе уголовно-процессуальных принципов.

Если законность свести к процессу законотворчества или результатам законодательной деятельности, к качеству нормотворческой работы или к методу деятельности государственных органов, то в таких случаях законность действительно может нарушить только соответствующее должностное лицо.

Особенность осуществления законности при расследовании преступлений заключается в том, что лица и органы, занимающиеся этой деятельностью, не

только сами должны соблюдать соответствующие правила государственной дисциплины, но и следить за тем, чтобы иные участники, привлеченные к уголовному процессу, соблюдали установленные правила.

При предварительном расследовании сущность соблюдения законности, прежде всего, заключается в не нарушении уголовно-процессуального и уголовного законодательства, поскольку речь идет о преступлении, уголовном деле и порядке его расследования. Реальным результатом действий права в режиме законности в целом стоит правопорядок. Режим законности создает у граждан уверенность в том, что порядок в государстве обеспечен, что их права и законные интересы будут строго охраняться, а те, кто их нарушит, будут наказаны и нарушенное право будет восстановлено.

Таким образом, обеспечение законов, которые приняты в разрез с интересами народа, его воли, не создает режима законности, а наоборот расшатывает законность и правопорядок. По этому поводу М. Робеспьер писал, что любой закон, который нарушает неотъемлемые права человека, несправедлив, является тираничным по своей сути, он не может быть законом [3, с. 12]

Законность, как определенный режим в государстве, одинаково касается как должностных лиц, так и отдельных граждан, однако первые обязаны нести повышенную ответственность за соблюдение и исполнение законов.

Нарушение законности включает и нарушение сложного механизма обеспечения неукоснительного и правильного применения законов, а также защиту прав граждан. В результате правовые распоряжения внедряются в жизнь, реализуется та или иная предоставленная возможность, защищаются права граждан.

Отступления от требований закона, в этом случае, недопустимы, в том числе и по мотивам целесообразности, получения выгоды и т.д., какими бы весомыми на первый взгляд они не казались тому или иному лицу. Видимая ежеминутная выгода от нарушений при одних обстоятельствах может причинить вред, принятие незаконных решений и ошибок, и привести к нарушению прав граждан и др.

Проблема ошибок так же сложна, как и проблемы законности. Правоохранительные органы, отдельно суды, прокуратура, органы расследования, как и врачи, не имеют права на ошибку в своей работе, так как ошибка может стоить чести, достоинства, свободы, имущества и самой жизни человека [4, с. 9].

Как и любая другая деятельность, уголовно-процессуальная не застрахована от ошибок, недочетов и нарушений. Немецкий ученый Карл Бейер по этому поводу сказал, что особое значение приобретает обеспечение законности и прав граждан при производстве по каждому головному делу, потому что это связано с вмешательством в жизнь граждан, а именно обвиняемого (подсудимого).

Таким образом, обеспечение законности означает сделать ее целиком возможной и реальной, не допустить нарушений, ошибок, ущемления прав и законных интересов граждан.

Известно, что совершению преступлений нередко предшествует нарушение законности. В их предупреждении и пресечении немалую роль могут сыграть и народные депутаты ДНР и депутаты местного значения, которые в соответствии со своим статусом имеют право рассматривать предложения, заявления и жалобы

граждан, устранять нарушения законности и применять другие, предусмотренные законом меры для обеспечения режима законности.

Особенная роль в этом принадлежит Народному Совету ДНР как законодательному органу, которому отведена роль в системе государственных органов для обеспечения основных прав и свобод граждан.

Народный Совет ДНР, создавая правовую базу для урегулирования общественных отношений, играет основополагающую роль в создании условий для обеспечения режима законности в стране, защиты прав, свобод и законных интересов граждан, в том числе и при расследовании преступлений.

Как мы знаем, органы расследования, дознания, прокуратуры, суда имеют правовую возможность самостоятельно действовать, оценивать жизненные ситуации с позиции права, обеспечивать законность, защищать ее режим и интересы граждан. Роль следователя в обеспечении законности связана с созданием режима законности, благоприятных юридических условий для использования прав и осуществления обязанностей лицами, привлеченными к сфере расследования преступлений. В этом плане режим законности может нарушить только следователь или другое компетентное должностное лицо, а не просто гражданин. Сам же следователь в своей работе должен строго и точно следовать требованиям закона, а также обязан разъяснять права, обязанности и ответственность участников следственных и иных процессуальных действий, создавать реальные условия для их осуществления.

В уголовном судопроизводстве законность является основополагающей идеей, получившей нормативное закрепление. Законной признается лишь такая уголовно-процессуальная деятельность, которая протекает в полном соответствии с установленными законом правилами и требованиями. Положения уголовно-процессуального закона предусматривают не только конкретные правила поведения, но и некоторые альтернативы проявления его в различных ситуациях. Отсутствие четко определенных, конкретных правил поведения ставит перед правоприменителями задачу выбора поведения: законного и справедливого.

Вопросы взаимодействия справедливости и законности в уголовном судопроизводстве подлежат подробному изучению в целях выработки оптимальных нормативных правил регулирования уголовно-процессуальных отношений. Способы взаимного влияния друг на друга, современные средства обеспечения законности и справедливости уголовно-процессуальной деятельности должны стать важнейшим направлением изысканий в современной уголовно-процессуальной науке. В этой связи речь может идти о комплексном подходе к исследованию справедливости и законности уголовного судопроизводства.

Это значит, что следователь выступает не «пользователем» законности, а непосредственным «создателем».

Органы расследования имеют реальную возможность должным образом исполнять возложенные на них обязанности и разрешать поставленные задачи, обеспечивая при этом законность, хотя это не всегда достижимо.

Таким образом, из вышесказанного видно, что собственная личная деятельность следователя весьма сложна и многогранна, одной из функций которой

является обеспечение прав и законных интересов личности, государства и общества в целом. Именно следователь в первую очередь обязан создать надежный режим законности при расследовании преступлений. В то же время деятельность следователя тесно связана с деятельностью прокурора, суда и других органов, которые также способствуют обеспечению законности при расследовании преступлений.

Законность достигается путем создания возможности для всех лиц, привлеченных к сфере предварительного расследования, осуществлять свои права, вести активную процессуальную деятельность. Законность, прежде всего, означает ограничение свобод поведения лиц, указанных в законе. Нарушение законности связано не только с неисполнением требований закона, но и с послаблением деятельности в ее обеспечении.

Подводя итоги, можно сказать, что юридические гарантии законности действуют в совокупности, образуя целостную, обладающую внутренним единством систему, которая способствует и призвана служить процессу поддержания режима законности в правовом государстве. Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод, что все гарантии законности необходимо изучать в системе, совокупности, которая определяется тем, что задача обеспечения законности является общей для всех отраслей государственной деятельности. Между общими и юридическими гарантиями существует тесная взаимосвязь.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Манаев, Ю. В. Законность и обоснованность процессуальных решений следователя в советском уголовном судопроизводстве: учеб. пособие / Ю. В. Манаев; М-во внутр. дел СССР. Высш. следств. школа. – Волгоград: [б. и.], 1977. – 87 с.
2. Конституция ДНР: Закон ДНР от 14 мая 2014 г. (с изм. и доп., внесенными Постановлениями Народного Совета ДНР от 27 февраля 2015 г., от 29 июня 2015, от 11 сентября 2015 г., от 29 декабря 2017 г., от 30 ноября 2018 г.) / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/konstitutusiya/> (дата обращения: 01.12.2018). – Загл. с экрана.
3. Робеспьер, М. Революционная законность и правосудие: Статьи и речи / М. Робеспьер; пер. с фр. Н. Лапшиной; под ред. и с предисл. А. Герцензона. – М.: Госюриздат, 1959. – 275 с.
4. Михайленко, А. Р. Расследование преступлений: Законность и обеспечение прав граждан / А. Р. Михайленко; Ин-т адвокатуры при Киев. нац. ун-те им. Тараса Шевченко. – К.: ЮРИНКОН ИНТЕР, 1999. – 445 с.
5. Beyer, K. Das straverfahren in der DDR / K. Beyer; пер. с нем. А. А. Половцов. – Berlin, 1967.
6. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики с изм., внесенными Законом от 23.09.2014 № 35-1/1 (утв. Постановлением Верховного Совета Донецкой Народной Республики № ВС 28-1 от 19.08.2014) / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 28.10.2018). – Загл. с экрана.

SOME ISSUES CONCERNING THE LAW OF ACCEPTANCE OF PROCEDURE DECISIONS

This work is a question of the interaction of justice and law in criminal proceedings. Ways of mutual influence on each other, modern means of ensuring the legality and fairness of criminal procedure should be the most important direction of research in modern criminal procedure science. In this regard, we will focus on an integrated approach to the study of justice and legality of criminal proceedings.

Keywords: rule of law, legal order, public order, law

Гулина Светлана Николаевна
старший преподаватель кафедры
уголовного права и процесса
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: sng.nauka@gmail.com

Gulina Svetlana
Senior Lecturer at the Department of
Criminal Law and Procedure of
Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: sng.nauka@gmail.com

Трусов Виктор Семенович
старший преподаватель кафедры
уголовного права и процесса
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: sng.nauka@gmail.com

Trusov Viktor
Senior Lecturer at the Department of
Criminal Law and Procedure of
Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: sng.nauka@gmail.com

УДК 340

Ефремова А.В.

СИСТЕМА ИСТОЧНИКОВ ПРАВА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

В статье проведен анализ и характеристика системы источников права социального обеспечения Донецкой Народной Республики, с целью дальнейшего ее совершенствования в виде принятия отдельных законов и иных нормативно-правовых актов, которые позволят укрепить и повысить уровень защищенности и социальной обеспеченности лиц, проживающих на территории Донецкой Народной Республики.

Ключевые слова: социальная защита, социальное обеспечение, государство, лица, проживающие на территории Донецкой Народной Республики, Конституция, закон, пенсия, государственная социальная помощь.

Для любого современного государства социальное обеспечение является центральным институтом права, который призван обеспечивать компромисс между людьми, проживающими на его территории и властью, в лице управляющего аппарата. Уровень социального обеспечения в государстве является важнейшим показателем уровня жизни людей, а равно и социально-экономическим мерилем самого государства и всей его деятельности. Система источников права социального обеспечения отражает реальную действительность социальной обеспеченности населения, т.к. наличие отдельных правовых возможностей появляется только при законодательном закреплении последних в нормативно-правовых актах, действующих на территории государства. Данные положения делают тему исследования довольно актуальной и значимой для исследователей. Совершенствование системы источников права в сфере социального обеспечения является необходимостью в социально-экономических реалиях развития и становления государственности в Донецкой Народной Республике.

Степень научной разработанности темы исследования. При проведении данного исследования выявилась недостаточность научной разработанности по теме на территории Донецкой Народной Республики. В основу легли научные работы следующих авторов: И. М. Сироты, А. В. Верховцева, Э. Г. Тучковой и других.

Объектом исследования являются общественно-правовые отношения в сфере социального обеспечения на территории Донецкой Народной Республики.

Предметом исследования является система источников права социального обеспечения Донецкой Народной Республики.

Целью настоящего исследования является анализ и характеристика системы источников права социального обеспечения Донецкой Народной Республики, для дальнейшего его совершенствования в виде принятия отдельных законов и иных

нормативно-правовых актов, которые позволят укрепить и повысить уровень защищенности и социальной обеспеченности лиц, проживающих на территории Донецкой Народной Республики.

Определение понятия источников права социального обеспечения связано с выяснением формы выражения норм права, принимаемых компетентными на то органами государства, предназначенных для регулирования отношений в области социального обеспечения. Источники права социального обеспечения различаются по своей юридической силе в зависимости от положения нормотворческого органа в механизме государства [1, с. 39].

В соответствии со статьей 63 Конституции Донецкой Народной Республики Народный Совет Донецкой Народной Республики – Парламент Донецкой Народной Республики является постоянно действующим высшим и единственным законодательным (представительным) органом государственной власти Донецкой Народной Республики. [2,ст.63]

Система источников права социального обеспечения Донецкой Народной Республики представлена в виде следующих нормативно-правовых актов, краткая характеристика социальной направленности которых также является ключевым моментом исследования:

1. Конституция Донецкой Народной Республики (ст. 4) предусматривает, что социальная политика направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, народное благосостояние, доступность основных материальных и духовных благ. В Донецкой Народной Республике охраняются труд и здоровье людей, обеспечивается социальная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются гарантии социальной защиты. Право на социальное обеспечение является одним из основных социально-экономических прав населения: каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях установленных законом (ст. 32)

2. В соответствии с Законом Донецкой Народной Республики «Об основах общеобязательного социального страхования» от 30.04.2015 г. № 37-ІНС основной формой социального обеспечения является социальное страхование. В Донецкой Народной Республике общеобязательное социальное страхование – это система прав, обязанностей и гарантий, которая предусматривает предоставление социальной защиты, включающей материальное обеспечение граждан в случае болезни, полной, частичной или временной потери трудоспособности, потери кормильца, безработицы по независящим от них обстоятельствам, а также в старости и в других случаях, предусмотренных законом, за счет денежных фондов, которые формируются путем уплаты страховых взносов собственником или уполномоченным им органом, гражданами, а также бюджетных и других источников, предусмотренных законом в государственные или негосударственные страховые фонды [3].

Субъектами общеобязательного социального страхования являются застрахованные граждане, а в отдельных случаях – члены их семей и другие лица,

страхователи и страховщики. Застрахованным является физическое лицо, в пользу которого осуществляется общеобязательное социальное страхование.

Страхователями по общеобязательному социальному страхованию являются работодатели и застрахованные лица, если иное не предусмотрено законами Донецкой Народной Республики.

Страховщиками являются государственные внебюджетные целевые страховые фонды, а также негосударственные целевые страховые фонды, действующие на основании соответствующего законодательства Донецкой Народной Республики. Страховые фонды берут на себя обязательства по сбору страховых взносов и выплате страховых взносов при наступлении страховых случаев.

Задачей социального страхования является формирование денежных фондов, из которых покрываются затраты, связанные с содержанием нетрудоспособных или лиц, не участвующих в трудовом процессе, а также сокращение разрыва в уровне материального обеспечения неработающих и работающих членов общества [4, с. 250].

Основными источниками средств общеобязательного социального страхования являются взносы работодателей и застрахованных лиц. Бюджетные и другие источники средств, необходимых для осуществления общеобязательного социального страхования, предусматриваются соответствующими законодательными актами Донецкой Народной Республики по отдельным видам общеобязательного социального страхования. Общеобязательному социальному страхованию подлежат:

1. Лица, работающие на условиях трудового договора (контракта):

– на предприятиях, в организациях, учреждениях независимо от их форм собственности и хозяйствования;

– у физических лиц.

2. Лица, которые обеспечивают себя работой самостоятельно (члены творческих союзов, творческие работники, не являющиеся членами творческих союзов), граждане – субъекты предпринимательской деятельности.

Граждане Донецкой Народной Республики, которые работают за пределами территории Донецкой Народной Республики и не застрахованы в системе социального страхования государства, в котором они находятся, имеют право на обеспечение по общеобязательному социальному страхованию в Донецкой Народной Республике при условии уплаты страховых взносов, если иное не предусмотрено международными договорами Донецкой Народной Республики, согласие на обязательность которых предоставлена Народным Советом Донецкой Народной Республики.

3. Закон Донецкой Народной Республики «О социальной защите инвалидов» от 15.05.2015 г. № 48-ІНС.

Настоящий Закон определяет государственную политику в области социальной защиты инвалидов в Донецкой Народной Республике, целью которой является обеспечение инвалидам равных с другими гражданами возможностей в реализации гражданских, экономических, политических и других прав и свобод, предусмотренных Конституцией Донецкой Народной Республики, а также в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Донецкой Народной Республики. Социальная

защита инвалидов – система гарантированных государством экономических, социальных и правовых мер, обеспечивающих инвалидам условия для преодоления, замещения (компенсации) ограничений жизнедеятельности и направленных на создание им равных с другими гражданами возможностей участия в жизни общества. Социальная поддержка инвалидов – система мер, обеспечивающая социальные гарантии инвалидам, устанавливаемая законами и иными нормативными правовыми актами, за исключением пенсионного обеспечения. Законодательство Донецкой Народной Республики о социальной защите инвалидов состоит из соответствующих положений Конституции Донецкой Народной Республики, настоящего Закона, других законов и иных нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики. Если международным договором (соглашением) Донецкой Народной Республики установлены иные правила, чем предусмотренные настоящим законом, то применяются правила международного договора (соглашения) [5].

4. Закон Донецкой Народной Республики «О системе органов государственной исполнительной власти Донецкой Народной Республики» от 24.04.2015 г. № 35-ІНС. Статья 34 данного нормативно-правового акта предусматривает следующие полномочия Совета Министров Донецкой Народной Республики в социально-трудовой сфере:

1. Совет Министров Донецкой Народной Республики в социально-трудовой сфере:

1) обеспечивает реализацию конституционных гарантий в области социальной защиты граждан, трудовых отношений, способствует развитию дополнительных форм социального обеспечения и благотворительности;

2) принимает меры по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения;

3) реализует молодежную политику, принимает меры по социальной адаптации молодого поколения, развитию физической культуры, спорта и туризма;

4) организует работу по оказанию населению Донецкой Народной Республики всех видов лечебно-профилактической помощи, осуществляет контроль за реализацией республиканских программ медицинской помощи и сохранением гарантированного уровня бесплатной медицинской помощи;

5) обеспечивает социальную поддержку граждан;

6) осуществляет развитие сети организаций социальной защиты населения, здравоохранения, образования, культуры и спорта;

7) содействует организации пенсионного обеспечения населения, медикосоциальной экспертизы, реабилитации инвалидов;

8) принимает меры по реализации трудовых прав граждан, управляет социально-демографическими процессами, рациональным использованием;

9) разрабатывает и осуществляет комплексные меры по регулированию рынка труда, отношений в области труда и занятости населения, формированию и рациональному использованию трудовых ресурсов в условиях развития различных форм собственности;

10) определяет основные направления социальной защиты населения в сфере жилищно-коммунального обслуживания;

11) осуществляет государственное управление, регулирование и контроль за повышением качества и эффективности жилищного строительства;

12) способствует развитию эффективного рынка жилья и современных финансовых механизмов, обеспечивающих доступность приобретения жилья для всех категорий граждан;

13) осуществляет меры в области охраны семьи, материнства и детства, улучшения демографической ситуации;

14) организует развитие санаторно-курортной сферы.

5. Закон Донецкой Народной Республики «Об обращениях граждан» от 20.02.2015 г. № 13-ІНС. Настоящим Законом регулируются правоотношения, связанные с реализацией гражданином Донецкой Народной Республики (далее – гражданин) закрепленного за ним Конституцией Донецкой Народной Республики права на обращение в государственные органы, органы местного самоуправления, средства массовой информации, в учреждения и организации, на которые возложено осуществление публично значимых функций, и их должностным лицам, а также устанавливается порядок рассмотрения обращений граждан указанными органами и должностными лицами.

6. Закон Донецкой Народной Республики «О внесении изменений в Закон Донецкой Народной Республики «Об обращениях граждан» от 31.08.2018 г. № 245-ІНС. Настоящим законом гражданам ДНР дается право обращаться в органы и организации не только в письменном виде, но и в форме электронного документа, что значительно расширяет правовые возможности обращающихся.

Новшеством законодательства Донецкой Народной Республики стал следующий ряд законов:

1. Закон Донецкой Народной Республики «О социальной защите членов семей лиц, погибших при защите Донецкой Народной Республики» от 06.10.2018 г. № 256-ІНС.

2. Закон Донецкой Народной Республики «О внесении изменений в Закон Донецкой Народной Республики «О профессиональных союзах»» от 20.08.2018 г. № 235-ІНС.

3. Закон Донецкой Народной Республики «О внесении изменений в статьи 4 и 13 Закона Донецкой Народной Республики «О социальной защите ветеранов войны»» от 10.07.2018 г. № 227-ІНС.

5. Закон Донецкой Народной Республики «О внесении изменений в статьи 20-1 и 26-1 Закона Донецкой Народной Республики «Об отпусках»» от 28.02.2018 г. № 218-ІНС.

Представленный перечень действующих на территории Донецкой Народной Республики законов, позволяет сделать вывод о несовершенстве системы источников права в области социального обеспечения в виде наличия законодательных пробелов в правовом регулировании социального обеспечения в целом. В результате проведенного исследования предлагается разработать и внести для рассмотрения Народным Советом Донецкой Народной Республики следующие законы, которые будут регулировать каждый отдельный вид социально-обеспечительных отношений на территории Республики:

1. Закон «О государственной помощи семьям с детьми». Данный закон должен установить единую систему государственной помощи семьям с детьми, в связи с их рождением и воспитанием, которая будет обеспечивать гарантированную государством материальную поддержку материнства, отцовства и детства. Действие данного закона будет распространяться на:

1. Граждан Донецкой Народной Республики, проживающих на территории Донецкой Народной Республики.

2. Граждан Донецкой Народной Республики, проходящих военную службу по контракту, службу в качестве лиц рядового и начальствующего состава в органах внутренних дел, в Государственной противопожарной службе, в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, таможенных органах.

3. Постоянно проживающих на территории Донецкой Народной Республики иностранных граждан и лиц без гражданства, а также беженцев.

4. Временно проживающих на территории Донецкой Народной Республики и подлежащих обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством иностранных граждан и лиц без гражданства.

Данный закон будет устанавливать следующие виды государственных пособий:

1. Пособие по беременности и родам.

2. Единовременное пособие женщинам, вставшим на учет в медицинских организациях в ранние сроки беременности.

3. Единовременное пособие при рождении ребенка.

4. Единовременное пособие при передаче ребенка на воспитание в семью.

5. Единовременное пособие беременной жене военнослужащего, проходящего военную службу по призыву.

6. Ежемесячное пособие на ребенка военнослужащего, проходящего военную службу по призыву.

7. Ежемесячное пособие по уходу за ребенком.

Выплата государственных пособий гражданам, имеющим детей, будет производиться за счет средств Фонда социального страхования ДНР в виде пособия по беременности и родам, единовременного пособия женщинам, вставшим на учет в медицинских организациях в ранние сроки беременности, единовременного пособия при рождении ребенка, ежемесячного пособия по уходу за ребенком лицам, подлежащим обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством.

2. Закон «О государственной социальной помощи». Данный закон должен устанавливать правовые и организационные основы оказания государственной социальной помощи малоимущим семьям, малоимущим одиноко проживающим гражданам и иным категориям граждан. А также определять порядок учета прав граждан на меры социальной защиты, социальные услуги, предоставляемые в рамках социального обслуживания и государственной социальной помощи, иные социальные гарантии и выплаты, установленные законодательством Донецкой Народной Республики.

Государственная социальная помощь должна оказываться в зависимости от следующих целей:

- для поддержания уровня жизни малоимущих семей, а также малоимущих одиноко проживающих граждан, среднедушевой доход которых ниже величины прожиточного минимума;
- адресное использование бюджетных средств;
- усиление адресности социальной поддержки нуждающихся граждан;
- создание необходимых условий для обеспечения всеобщей доступности и общественно приемлемого качества социальных услуг;
- снижение уровня социального неравенства;
- повышение доходов населения.

3. Закон «Об общеобязательном государственном пенсионном страховании».

Принятие данного нормативно-правового акта позволит усовершенствовать правовое регулирование пенсионного страхования, которое фактически на данном этапе практически отсутствует на территории Республики. При этом, необходимо учесть при принятии указанного закона понятие каждого из видов пенсии, разграничивая их, что обеспечит правильное понимание их гражданами государства, обозначить круг субъектов, имеющих право на ту или иную разновидность пенсионного обеспечения в виде пенсионного страхования. Пенсионный Фонд Донецкой Народной Республики осуществляет свою деятельность и регулярно, в сроки, установленные законодательством ДНР, получает пенсионные отчисления из доходов работающих лиц с целью формирования материальной базы фонда.

Также необходимо учесть роль и значение пенсионного обеспечения, которое состоит в том, что оно является важнейшей составляющей социальной защиты населения, основными задачами и целями которого является защита от бедности граждан после наступления пенсионного возраста, повышения уровня жизни пенсионеров, установления зависимости размеров пенсий от величины заработка и трудового стажа, обеспечение финансовой стабильности пенсионной системы и поощрение граждан к сбережению средств на старость.

На сегодняшний день пенсионное обеспечение является одним из наиболее актуальных вопросов во всем мире, в том числе и в нашем государстве, в связи с тем, что имеет место снижение количества работоспособного населения как следствие демографического кризиса, а также рост количества нетрудоспособных граждан, главным образом пенсионеров; кроме того, происходит значительное ухудшение здоровья и качества жизни пенсионеров на фоне очевидно недостаточного для их полноценной жизни размера пенсии, которая носит уравнительный характер, отсутствует зависимость от трудового вклада работника.

Также в систему права социального обеспечения Донецкой Народной Республики входят многочисленные подзаконные акты, изданные в процессе деятельности Министерством труда и социальной политики Донецкой Народной Республики, это позволяет функционировать системе социального обеспечения в принципе, однако ни один подзаконный акт, не может полно и всесторонне регулировать правовые отношения, он чаще всего носит прикладной характер, направленный на вопросы узкопрофильные и остросостоящие. Предложенный перечень законов, необходимых для принятия, не

является исчерпывающим, и впоследствии, именно это станет основанием для разработки и принятия новой концепции в сфере социального обеспечения лиц, постоянно или временно проживающих на территории Донецкой Народной Республики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сирота, И. М. Право социального обеспечения в Украине: учебник для вузов / И. М. Сирота. – 6-е изд. – Х.: «Одиссей», 2006. – 432 с.
2. Конституция ДНР: Закон ДНР от 14 мая 2014 г. (с изм. и доп., внесенными Постановлениями Народного Совета ДНР от 27 февраля 2015 г., от 29 июня 2015, от 11 сентября 2015 г., от 29 декабря 2017 г., от 30 ноября 2018 г.) / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/konstitutusiya/> (дата обращения: 15.05.2019). – Загл. с экрана.
3. Об основах общеобязательного социальном страховании: Закон Донецкой Народной Республики от 30.04.2015 № 37-ИНС / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakon-dnr-o-obshheobyazatelnom-sots-strahovanii/> (дата обращения: 10.05.2019). – Загл. с экрана.
4. Верховцев, А. В. Государственное и социальное страхование / А. В. Верховцев. – М.: ИНФРА-М, 2004. – 250 с.
5. О социальной защите инвалидов: Закон Донецкой Народной Республики от 15.05.2015 №48-ИНС / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakon-dnr> (дата обращения: 12.05.2019). – Загл. с экрана.

Поступила в редакцию 22.05.2019 г.

SYSTEM OF SOURCES OF THE RIGHT OF SOCIAL SECURITY OF DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

The article analyzes and characterizes the system of sources of social security law in the Donetsk People's Republic, with a view to further improving it in the form of adopting certain laws and other legal acts that will strengthen and increase the level of security and social security of people living in Donetsk People's Republic.

Keywords: social protection, social security, state, persons residing in the territory of the Donetsk People's Republic, Constitution, law, pension, state social assistance.

Ефремова Анна Владимировна
кандидат юридических наук, доцент
кафедры гражданского права и процесса
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: skymops@gmail.com

Efremova Anna
Candidate of Laws, Associate Professor of
the Department of Civil Law and Process of
Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: skymops@gmail.com

УДК 347.513

Ковалёв И. П.

ПОНЯТИЕ И ГЕНЕЗИС ИНСТИТУТА ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА

Статья посвящена исследованию понятия и генезиса института возмещения вреда. Определены и охарактеризованы основные этапы его исторического развития, сформулировано понятие и обозначены особенности института возмещения вреда в соответствии с положениями теории отечественного гражданского права и законодательного регулирования.

Ключевые слова: возмещение вреда; обязательства по возмещению вреда, генеральный деликт; специальные деликты.

Частно-правовое регулирование общественных отношений может быть эффективным только при условии соблюдения двух основных условий: 1) права, свободы и законные интересы участников гражданско-правового оборота не будут нарушаться; 2) в случае нарушения гражданских прав, свобод и интересов, участникам гражданских правоотношений будут обеспечены надлежащие условия для защиты, восстановления гражданских прав, свобод и интересов и возмещения причиненного их нарушением вреда и убытков. Для обеспечения этих условий в гражданском праве выкристаллизовался институт возмещения вреда, который является основным способом защиты нарушенных гражданских прав, свобод и интересов.

Исследование института возмещения вреда посвящены обычно отдельные разделы учебных пособий, которые мало концентрируются на общетеоретических аспектах данного института. Теме института возмещения вреда посвящены диссертационное исследование и научные публикации Т.С. Киваловой.

Малоисследованными остаются теоретические аспекты института возмещения вреда, а именно его понятие и историческое развитие, которым и посвящена данная статья.

Целью статьи является рассмотрение понятия и генезиса института возмещения вреда.

Т. С. Кивалова говорит о трех периодах формирования института возмещения вреда: 1) формирование категории обязательств возмещения ущерба в контексте общего развития цивилистики Российской империи на протяжении второй половины XIX – начала XX в.; 2) попытка формирования оригинальной советской концепции обязательства возмещения вреда на протяжении существования СССР (так как этапы развития государства и права не совпадают, этот период можно датировать точнее – вторая половина 20-х гг. XX в. – вторая половина 80-х гг. XX века); 3) развитие концепции обязательства возмещения ущерба в отечественной правовой мысли после обретения Украиной независимости (90-е гг. XX в. – до нашего времени) [1, с. 13]. Считаем, что следует согласиться с автором по следующим причинам.

© Ковалёв И. П., 2019

Правовое регулирование института возмещения вреда сформировалось далеко не сразу. И хотя прообраз этого института мы находим еще в римском праве, его формирование в Украине и Российской Федерации началось и продолжалось в русле права Российской империи.

Ученые Российской империи уделяли крайне мало внимания разведкам института возмещения вреда, что было вызвано доминированием догматического, исторического и сравнительно-правового методов гражданско-правовых исследований. К исследованию указанного института дореволюционная наука обращается только в 30-х годах XIX века – начинаются исследования природы гражданско-правовой ответственности, условий ее правомерности и неправомерности, роли вины нарушителя и потерпевшего и механизма возмещения убытков. Особенностью этого периода стало то, что публичные и частные правонарушения не были четко разграничены, поэтому часто гражданско-правовой деликт перетекал в уголовно-наказуемые правоотношения, что приводило к смешению гражданско-правовой вреда и вреда, который был причинен в результате общественной опасности преступления.

Относительно правовой природы возмещения вреда дореволюционные цивилисты разделились на две группы: 1) одни ученые отождествляли возмещение ущерба и гражданско-правовую ответственность; 2) другие же считали этот институт самостоятельным, и говорили именно о «возмещении ущерба» или о «вознаграждение за вред». И хотя последняя позиция доминировала в теории гражданского права, своего законодательного выражения она так и не нашла [1, с. 14].

В советский период научный поиск в направлении института возмещения вреда начался довольно поздно, лишь в послевоенный период, что связано с определенной либерализацией гражданско-правовых отношений. В довоенные годы речь о возмещении гражданско-правовой вреда вообще идти не могла, поскольку государство выступало главным нарушителем имущественных и личных неимущественных прав, свобод и интересов граждан. В послевоенные годы, особенно после принятия в 1961 г. Основ гражданского законодательства Союза ССР и республиканских кодексов, активизируются исследования обязательств возмещения вреда как в отношении генерального, так и специальных деликтов, а также исследования смежных с исследуемым институтом категорий.

Советская теория возмещения вреда, как и дореволюционная, также характеризовалась определенной двойственностью: существовала дискуссия относительно оснований ответственности за причинение вреда. Было сформировано две теории: 1) «теория причинения»; 2) ответственность на основе вины. Однако сторонники обеих теорий рассматривали институт возмещения вреда как проявление ответственности за гражданско-правовой деликт, а, следовательно, обязательства по возмещению вреда оценивались как деликты.

Современный этап был обусловлен уходом от доминирования социалистической теории и необходимостью поиска путей пересмотра и совершенствования и существующей правовой системы, законодательства, в том числе гражданского. Однако следует указать, что до определенного момента, а

именно, до разработки проектов ГК Украины и принятия ГК Украины в 2003 году, все научные исследования осуществлялись на устаревшем законодательстве, которое уже не соответствовало требованиям времени. А значит, по-настоящему о начале современного этапа научной разведки института возмещения вреда, мы можем говорить только после принятия ГК Украины. За годы, прошедшие после вступления в силу, появился ряд работ, в которых на уровне диссертационных исследований рассматривались различные виды обязательств возмещения вреда, причиненного гражданскими правонарушениями в различных сферах общественной жизни [2, с. 449].

Однако даже сегодня мы можем говорить о том, что в результате фундации на советской теории деликтов, в современные цивилистической литературе сохраняется тенденция недостаточно четкого определения соотношения обязательств возмещения вреда и деликтных обязательств, а также обязательств возмещения вреда, деликтных обязательств и деликтной ответственности [2, с. 449]. Такое положение не учитывает изменения фактических гражданских отношений, вызванного глобализационными и регионализационными условиями современного мира. Другим фактором, который требует осовременивания цивилистического подхода к институту возмещения вреда, является универсализация этого института, который распространяется на все больший круг отношений и обеспечивает защиту все большего количества прав и свобод участников гражданско-правового оборота. Все это вызывает необходимость перехода цивилистической науки в этой сфере от исследования только советской теории к учету достижений теории и практики применения данного института в практике гражданского права зарубежных стран. Это не означает полного отказа от советской и дореволюционной теории возмещения вреда, поскольку они являются базовыми для отечественной правовой системы, но они должны быть трансформированы с учетом современных реалий.

По мнению Т. С. Киваловой, современный концептуальный подход к определению сущности и свойств обязательств возмещения вреда заключается в понимании их как недоговорных правоотношений, возникающих вследствие причинения вреда, где кредитор (лицо, которому причинен вред или лицо, указанное в законе) вправе требовать от должника (причинителя вреда или от субъекта, указанного в законе) возмещения ущерба в полном объеме при наличии условий, указанных в законе [1, с. 18].

Таким образом, возмещение вреда можно определить как правовой институт недоговорных характера, который возникает вследствие причинения вреда и согласно которому потерпевший вправе требовать возмещения причиненного вреда в полном объеме от лица, которое вред нанесло, или которое прямо указана в законе как ответственное за ущерб.

При этом следует заметить, что понятие обязательств возмещения вреда рассматривается под разными углами зрения: и как правовой институт, и как правоотношения. Как правовой институт, они представляют собой совокупность норм, регулирующих отношения, связанные с возмещением вреда, причиненного участникам гражданских отношений. Как правоотношения, они могут быть охарактеризованы в самом общем виде как правовая связь между субъектами

гражданских отношений, возникающих в связи с возмещением вреда. Правовой институт возмещения вреда и правоотношения возмещения вреда неразрывно связаны между собой, поскольку наличие соответствующих норм в гражданском законодательстве является нормативным основанием возникновения соответствующих прав и обязанностей. Вместе с тем, правоотношения по возмещению вреда является результатом реализации норм гражданского законодательства о возмещении вреда. Таким образом, институт и правоотношения возмещения вреда, находясь в диалектической взаимосвязи, в определенном смысле представляют собой статику и динамику регулирования соответствующих гражданских отношений [1, с. 17].

Особенностью исследуемых отношений является дуалистический характер метода их правового регулирования, в котором присутствуют как диспозитивный, так и императивный элемент, при этом преобладает императивный, что не характерно для частного права и имеет целью выполнения главной задачи гражданско-правового регулирования – защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов.

Как мы уже выяснили, институт возмещения вреда имеет недоговорной характер, он возникает в результате совершения гражданского правонарушения, то есть когда кто-то нарушает гражданские права, свободы и законные интересы участника гражданских правоотношений. Следовательно, эти отношения возникают вне договора или иных правомерных гражданских правоотношений, то есть в результате деликта, поэтому другим названием отношений по возмещению вреда является деликтные отношения, а саму вред называют деликтным.

Институт обязательств по возмещению вреда имеет системно-структурный характер, что обеспечивает функциональное взаимодействие его компонентов и возможность дифференциации его отдельных частей для выяснения их места в системе, различия и особенности практического применения. Это проявляется в том, что ГК Украины институт возмещения вреда разделяет на три части: общие положения о возмещении вреда (ст. 1166-1194 ГК Украины); возмещение вреда, причиненного увечьем, другим повреждением здоровья или смертью (ст. 1195-1208 ГК Украины); возмещение вреда, причиненного вследствие недостатков товаров, работ (услуг) (ст. 1209-1215 ГК Украины). Необходимо обратить внимание на несколько условный характер такой классификации гражданско-правовых норм, регулирующих отношения, связанные с возмещением вреда. Особенно это касается общих положений этого института. В эту часть включены как нормы, имеющие общий характер и применяющиеся ко всем видам деликтных обязательств (ст. 1166-1169, 1171, 1190, 1191, 1193 ГК Украины и др.), так и нормы о специальных деликтах (ст. 1173-1189 ГК Украины и т.д.). Именно поэтому названные обязательства нуждаются в дополнительной дифференциации, ее можно осуществлять по различным основаниям в зависимости от того, какой деятельностью нанесен ущерб, – обычной или связанной с повышенной опасностью для окружающих, оперативно-хозяйственной или такой, в которой воплощены властные функции; в зависимости от того, кем и кому нанесен ущерб и т. п. Но какой бы критерий не применялся при классификации деликтных

обязательств, в ее основу всегда положено сочетание общего (генерального) деликта со специальным [5, с. 412].

Система обязательств по возмещению вреда отражает их внутреннюю структуру, а также сферу действия данной категории в целом и в соотношении между отдельными их видами (группами). В зависимости от субъектного состава обязательства по возмещению вреда подразделяются на следующие разновидности: а) возмещение юридическим или физическим лицом вреда, причиненного их работником или другим лицом; б) возмещение вреда, причиненного субъектами публичного права; в) возмещение вреда, причиненного несовершеннолетними и недееспособными физическими лицами и лицом, которое не осознавало значения своих действий и (или) не могла руководить ими; г) возмещения вреда, причиненного совместно несколькими лицами.

По признакам, которые характеризуют объект правовой охраны, выделяют обязательства по возмещению ущерба: а) причиненного личным неимущественным правам физического или юридического лица; б) причиненного имуществу физического или юридического лица; в) возмещению ядерного ущерба; г) по возмещению морального вреда.

Дальнейшая дифференциация обязательств по возмещению вреда усматривается целесообразным в такой последовательности:

- 1) возмещение вреда, причиненного лицом в случае осуществления им права на самозащиту;
- 2) возмещение юридическим или физическим лицом вреда, причиненного их работником или другим лицом;
- 3) возмещения вреда, причиненного актами законодательной и исполнительной власти;
- 4) возмещение вреда, причиненного актами правоохранительных органов и органов судебной власти;
- 5) возмещение вреда, причиненного физическими лицами с частичной или неполной гражданской дееспособностью, недееспособными, с проблемами психического или физического состояния и лицами с ограниченной гражданской дееспособностью;
- 6) возмещение вреда, причиненного в результате преступления;
- 7) возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности;
- 8) возмещение ядерного ущерба;
- 9) возмещение вреда, причиненного физическому лицу увечьем, другим повреждением здоровья или смертью;
- 10) возмещение вреда, причиненного вследствие недостатков товаров, работ (услуг);
- 11) возмещение морального вреда [6, с. 711].

Правоотношения, возникающие в связи с возмещением вреда, причиненного преступлением, фактически тождественны правоотношениями гражданско-правовой ответственности. Поэтому функции обязательств возмещения вреда в этих случаях тождественны функциям юридической гражданско-правовой ответственности и обеспечивают:

- 1) возмещение (компенсацию) ущерба;
- 2) наказание нарушителя путем возложения на него негативных последствий его противоправного поведения;
- 3) осуществление воспитательного (предупредительно-воспитательного) воздействия на нарушителя и других участников гражданских отношений [3, с. 157–158].

В случаях причинения ущерба не в результате виновных действий другого лица обязательства возмещения вреда, как правило, выполняют лишь одну функцию – компенсационную. Однако в случаях возмещения вреда, возникшего у лица, которое своими правомерными действиями пыталось предотвратить вред, который угрожал другому лицу, охраняемым законом гражданским интересам и т.п., компенсационные обязательства выполняют две функции: 1) компенсационную (возмещение материального ущерба, компенсацию морального вреда и т.д.); 2) стимулирующую (поощрения лица, которому был нанесен ущерб, что компенсируется в данном случае, к совершению правомерных, полезных для других лиц и общества действий в будущем, осуществление таким образом мотивационного воздействия на сознание участников гражданских отношений с целью стимулировать их поведение в необходимом для общества русле [4, с. 99]).

Исходя из вышеприведенного, можем сделать следующие выводы. Институт возмещения вреда – это правовой институт недоговорного характера, который возникает вследствие причинения вреда согласно которому потерпевший вправе требовать возмещения причиненного вреда в полном объеме от лица, вред нанесла, или которая прямо указана в законе как ответственный за ущерб. Генезис этого института в частном праве Украины и Российской Федерации прошел через три этапа: 1) дореволюционный; 2) советский; 3) современный, и сегодня характеризуется как таковой, что требует своего переосмысления и совершенствования на основе применения историко-правового и сравнительного методов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ківалова, Т. С. Зобов'язання відшкодування шкоди за цивільним законодавством України: теоретичні проблеми: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / Т. С. Ківалова; наук. консультант Є. О. Харитонов; Нац. ун.-т «Одеська юридична академія». – Одеса, 2008. – 40 с.
2. Ківалова, Т. С. Стан та перспективи розвитку досліджень інституту зобов'язань відшкодування шкоди у вітчизняному цивільному праві / Т. С. Ківалова // Актуальні проблеми держави і права. – 2011. – Вип. 59. – С. 445–454.
3. Ківалова, Т. С. Функції інституту зобов'язань відшкодування шкоди / Т. С. Ківалова // Наукові праці Одеської національної юридичної академії: збірник наукових праць. – Одеса: Юридична література. – 2008. – Т. 7. – С. 152–159.
4. Луценко, І. Позитивна та негативна сторони впливу правових стимулів / І. Луценко // Підприємництво, господарство і право. – 2008. – № 4. – С. 99–102.
5. Цивільне право України. Договірні та недоговірні зобов'язання: [підручник] / [С. С. Бичкова, І. А. Бірюков, В. І. Бобрик та ін.]; за заг. ред. С. С. Бичкової. – 3-те вид., змін, та допов. – К.: Алерта, 2014. – 496 с.

6. Цивільне право: підручник: у 2 т. / В. І. Борисова (кер. авт. кол.), Л. М. Баранова, Т. І. Бегова та ін.; за ред. В. І. Борисової, І. В. Спасибо-Фатєєвої, В. Л. Яроцького – Х.: Право, 2011. – Т. 2. – 816 с.

Поступила в редакцію 12.05.2019 з.

CONCEPT AND GENESIS OF INSTITUTE OF HUMAN REMEDIES

The article is devoted to the study of the concept and genesis of harm remedy institute . The main stages of its historical development are defined and characterized, the concept of harm remedy is defined and features of the institution of compensation for harm are outlined in accordance with the provisions of the theory of domestic civil law and legislative regulation.

Keywords: compensation for harm; general tort; special delicts.

Ковалёв Игорь Павлович

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: foxmob@mail.ru

Kovalev Igor

PhD in Law, Senior Lecturer at the Department of Civil Law and Process of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: foxmob@mail.ru

УДК 342.9

Косач Н. Е.

О СТРУКТУРЕ И СОДЕРЖАНИИ ПОЛОЖЕНИЙ О МИНИСТЕРСТВАХ

В статье рассматриваются проблемные вопросы структуры и содержания нормативных правовых актов о министерствах. Целью данной статьи является обоснование предложений относительно упорядочения и единообразия содержания положений о министерствах. Содержится предложение о разработке и принятии общего положения о министерстве или общее положение об органе исполнительной власти. Общее положение будет служить основой для разработки положений о конкретных министерствах или положений о других органах исполнительной власти.

Ключевые слова: функции управления, компетенция, полномочия, структура, министерство.

В условиях формирующегося республиканского законодательства и системы органов исполнительной власти, особое внимание должно уделяться содержанию нормативных правовых актов, являющихся основой деятельности этих органов, в том числе и министерств.

Правовой статус органа государственной исполнительной власти, как и правовой статус органа государственной власти в целом, состоит из трех компонентов. Первый компонент – целевой: юридически закрепленные цели, задачи, функции. Второй – организационно-структурный: порядок образования, реорганизации, ликвидации, подчиненности и процедур деятельности. Третий – компетенционный: совокупность властных полномочий, подведомственность. Закрепляться данные компоненты могут в разных нормативных правовых актах. Для министерства ключевым нормативным правовым актом является положение о министерстве.

Вопросы относительно компонентов правового статуса, функций министерства, и проблемы их отображения в компетенции органов являются не только теоретическими, но и практическими. Грамотное правовое отображение поможет правильно оценивать решения и действия органов государственной власти при их обжаловании, а также совершенствовать правовой статус органов и улучшать на этой основе их управленческую деятельность.

При ознакомлении со структурой и содержанием положений о министерствах Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) видны существенные отличия между ними. Так, структура Временного положения о министерстве связи ДНР представлена следующими разделами: общие положения (содержат указания на функции министерства), организационная структура, полномочия и в приложении структура министерства [1]. Структура Положения о министерстве информации

© Косач Н. Е., 2019

ДНР представлена разделами: общие положения, основные задачи министерства, функции и полномочия министерства, права и обязанности министерства, организация деятельности министерства, порядок реорганизации и ликвидации [2].

Структура Положения о Министерстве экономического развития ДНР представлена разделами: общие положения, полномочия министерства, функции министерства, права министерства, организация деятельности министерства, имущество министерства, заключительные положения [3].

Структура Положения о Министерстве финансов ДНР представлена разделами: общие положения (с указанием на функции министерства), основные задачи министерства, полномочия и функции министерства, организация деятельности министерства, реорганизация и ликвидация министерства [4].

Структура Положения о Министерстве промышленности и торговли ДНР представлена разделами: общие положения, основные задачи министерства, функции министерства, полномочия, права министерства, организация деятельности, имущество, реорганизация и ликвидация, заключительные положения [5].

Структура Положения о Министерстве строительства и жилищно-коммунального хозяйства ДНР представлена разделами: общие положения (с указанием на функции), задачи министерства, полномочия министерства, права министерства, организация деятельности, министр, заключительные положения [6].

В рассмотренных нормативных правовых актах, отличаются названия и очередность разделов. Однако, главная проблема в том, что смешиваются функции и полномочия по своему содержанию. Между ними не прослеживается разница и при объединении их в одном разделе, и при расположении в отдельных разделах. Получается, что при разработке положений о конкретных министерствах используются разные подходы. Так не должно быть, поскольку теряется единообразие при закреплении правового статуса министерств и при использовании терминов.

В научной литературе вопросы единообразного закрепления правового статуса министерств и других органов исполнительной власти Донецкой Народной Республики не рассматривались.

Поэтому целью данной статьи является обоснование предложений относительно упорядочения и единообразия содержания положений о министерствах. Для этого необходимо определить общие нормативные правовые основы деятельности министерств как органов исполнительной власти.

Закон ДНР «О системе органов исполнительной власти Донецкой Народной Республики» является базовым для нормативных правовых актов, закрепляющих правовой статус конкретных органов исполнительной власти и должен содержать точные формулировки. Термин «управленческие функции» используется в статье 1 закона ДНР «О системе органов исполнительной власти Донецкой Народной Республики» для определения компетенции органа исполнительной власти. В этой же статье закреплено, что орган исполнительной власти ДНР – государственный

орган ДНР, осуществляющий в пределах своей компетенции государственное управление и включенный в структуру исполнительных органов государственной власти ДНР [7].

Возникает вопрос: все ли органы государственной власти осуществляют государственное управление или только органы исполнительной власти? Можно предположить следующее: либо государственная власть реализуется не только через управление, либо все органы государственной власти осуществляют управление в пределах своей компетенции. Причиной, порождающей такую неопределенность, может послужить то, что в науке административного права нет единого понимания термина управления, а законодатель использует не совсем юридическую терминологию.

Взаимодействие государства и права в социальном управлении происходит постоянно. Право регулирует управленческую деятельность самого государства, которая, в свою очередь, осуществляется путем принятия соответствующих правовых актов. В правоведении получили признание исследования юридической действительности с использованием управленческих подходов. Но признают, что до сих пор не выработано единой стратегической линии в развитии данного научного направления [8, с. 17–18]. Недооцениваются специфические юридические аспекты управленческой деятельности, многие юридические проблемы не получили адекватного освещения с точки зрения теории управления [9, с. 7]. Не уделяется должного внимания общим закономерностям социального управления, которым подчиняется правовое воздействие на общественные отношения как специфическая форма управленческого воздействия [10, с. 6, 8, 13].

Представляется неприемлемой сложившаяся ситуация, когда нет терминологического единства между теорией государства и права и наукой административного права. Исследователи должны использовать одни и те же термины для обозначения одних и тех же явлений. Нельзя согласиться с тем, что нет реальной потребности в использовании в рамках административного права широкого понимания государственного управления. Это понимание как раз наиболее точно отражает суть самого явления. Если юридическая наука не будет использовать наработки наук об управлении, она потеряет адекватное представление о своем предмете исследования. Но при этом юридическая наука должна предложить свою юридическую терминологию, отображающую управленческие категории. Уже давно в литературе отмечено, что при анализе компетенции органов управления важно учитывать, что законодательство, охватывая своими понятиями различные виды управленческой деятельности, часто употребляет для характеристики управленческих функций терминологию, лишь внешне сходную с терминологией науки управления [11, с. 68].

В законодательстве необходимо использовать юридическую терминологию. Следует вообще отказаться от понятий «сфера управления» и «управление», так как их нельзя назвать юридическими. Юридическая характеристика органа власти отличается от функциональной, которая раскрывает его в качестве структуры, выполняющей определенные функции управления. Юридическая характеристика всегда связана с наделением органа власти необходимой компетенцией.

Проблемы взаимосвязи понятий «управленческие функции» и «компетенция» в законодательстве ДНР ранее уже рассматривались автором статьи [12, с. 68]. Необходимо в п. 4 ч. 1 ст. 1 Закона ДНР «О системе органов исполнительной власти Донецкой Народной Республики» уточнить содержание определения «компетенция органа исполнительной власти Донецкой Народной Республики». Компетенция органа исполнительной власти ДНР – это совокупность полномочий органа исполнительной власти ДНР. Указание на то, что – это совокупность полномочий по осуществлению определенных управленческих функций, является неверным. Те функции, для осуществления которых создается орган исполнительной власти, перечисляются в соответствующем нормативном правовом акте отдельно, наряду с целями и задачами. После этого указываются конкретные полномочия органа (по принятию правовых актов, осуществлению каких-либо юридически значимых действий, заключению административных договоров).

Исходя из рассмотренного, можно утверждать, что функции управления (управленческие функции) органа государственной власти входят в его правовой статус (отдельно указываются в соответствующем нормативном правовом акте), и находят юридическое отображение в конкретных полномочиях. Полномочия, в свою очередь, также закрепляются в соответствующем нормативном правовом акте и образуют компетенцию органа государственной власти.

Таким образом, можно сделать вывод, что понятие компетенции, характеризует орган государственной власти не в полном объеме. Для правильной и полной характеристики необходимо использовать понятие правового статуса. Кроме того, функции управления или управленческие функции являются частью правового статуса, а не компетенции. Юридическое отображение они находят в полномочиях, которые и образуют компетенцию. Поэтому неверно именовать раздел в положении о министерстве «полномочия и функции министерства» или делать отдельные разделы «полномочия министерства», «функции министерства», «права министерства».

Поэтому предлагается разработать и принять общее положение о министерстве или общее положение об органе исполнительной власти. Общее положение будет служить основой для разработки положений о конкретных министерствах или положений о других органах исполнительной власти. Данное положение должно содержать следующие разделы: общие положения (с указанием на цели, задачи и функции органа), полномочия, организация деятельности, структура, реорганизация и ликвидация, заключительные положения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Положение о Министерстве связи Донецкой Народной Республики (утверждено Постановлением Совета Министров Донецкой Народной Республики от 10.01.2015 года № 1-17) / Официальный сайт Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://doc.dnr-online.ru/wp-content/uploads/2015/03/PostanovN1_17_10012015.pdf
2. Положение о Министерстве информации Донецкой Народной Республики (утверждено Постановлением Совета Министров Донецкой Народной Республики от 10 августа 2018

- г. № 10-37) / Официальный сайт Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://doc.dnr-online.ru/wp-content/uploads/2018/09/Postanov_N10_37_10082018_ch.pdf
3. Положение о Министерстве экономического развития Донецкой Народной Республики (утверждено Постановлением Совета Министров Донецкой Народной Республики от 17.12.2016 г. № 13-3) / Официальный сайт Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://doc.dnr-online.ru/wp-content/uploads/2018/07/Postanov_N13_3_17122016.pdf
4. Положение о Министерстве финансов Донецкой Народной Республики (утверждено Постановлением Совета Министров Донецкой Народной Республики от 22.07.2015 г. № 13-33) / Официальный сайт Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://doc.dnr-online.ru/wp-content/uploads/2015/03/PostanovN13_33_22072015.pdf
5. Положение о Министерстве промышленности и торговли Донецкой Народной Республики (утверждено Постановлением Совета Министров Донецкой Народной Республики от 26.09.2016. №11-29) / Официальный сайт Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://doc.dnr-online.ru/wp-content/uploads/2018/07/Postanov_N11_29_26092016.pdf
6. Положение о Министерстве строительства и жилищно-коммунального хозяйства Донецкой Народной Республики (утверждено Постановлением Совета Министров Донецкой Народной Республики от 22.07.2015 г. № 13-25) / Официальный сайт Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://doc.dnr-online.ru/wp-content/uploads/2015/03/Postanov_N13_25_22072015.pdf
7. О системе органов исполнительной власти Донецкой Народной Республики: Закон Донецкой Народной Республики от 24 апреля 2015 года № I-148 П-НС / Официальный сайт Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://old.dnr-online.ru/wp-content/uploads/2015/03/Zakon_DNR_O_sisteme_organov_ispolnitelnoy_vlast_I_148P_NS.pdf
8. Шувалов, И. И. Правотворчество в механизме управления обществом: необходимость комплексного исследования / И. И. Шувалов. – М.: Норма, 2005. – 144 с.
9. Тихомиров, Ю. А. Право и социальное управление в развитом социалистическом обществе / Ю. А. Тихомиров. – М.: Юридическая литература, 1978. – 220 с.
10. Рассолов, М. М. Проблемы управления и информации в области права / М. М. Рассолов. – М.: Юрид. лит., 1991. – 223 с.
11. Лазарев, Б. М. Компетенция органов управления (правовые проблемы оформления и реализации) / Б. М. Лазарев. – М.: Юридическая литература, 1972. – 280 с.
12. Косач, Н. Е. О взаимосвязи понятий «компетенция» и «управленческие функции» / Н. Е. Косач // Вестник Института экономических исследований. – 2016. – № 4. – С. 116–121.

Поступила в редакцию 12.06.2019 г.

THE STRUCTURE AND CONTENT REGULATION ON THE MINISTRY

The article deals with the problematic issues of the structure and content of normative legal acts on ministries. The purpose of this article is to substantiate proposals for streamlining and uniformity of the content of the provisions on ministries. It contains a proposal for the development and adoption

of a general provision on the ministry or a general provision on the executive body. The general provision will serve as the basis for developing regulations on specific ministries or regulations on other executive bodies.

Keywords: management functions, competence, authority, structure, ministry.

Косач Наталья Евгеньевна

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры административного и
финансового права
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: kosachn@rambler.ru

Kosach Natalya

PhD in Law, Associate Professor, Associate
Professor of the Department of
Administrative and Financial Law of Donetsk
National University
DPR, Donetsk
E-mail: kosachn@rambler.ru

УДК 343.1

Левендаренко О.А.

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАДЕРЖАНИЯ И ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В данной научной статье проведен анализ таких мер пресечения, как задержание и заключение под стражу и особенности их применения в отношении несовершеннолетних обвиняемых (подозреваемых). Предложены изменения в уголовно-процессуальное законодательство Донецкой Народной Республики в части оснований применения указанных мер пресечения.

Ключевые слова: несовершеннолетние обвиняемые, меры пресечения, задержание по подозрению в совершении преступления, заключение под стражу.

С принятием нового Уголовно-процессуального кодекса Донецкой Народной Республики (далее – УПК) [1] начался новый этап развития демократического социального правового государства.

Одним из необходимых условий реализации конституционного принципа законности в процессе уголовного судопроизводства и достижения поставленных перед ним задач является обоснованное применение к несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым) мер пресечения. Это позволяет правильно, с максимально возможным соблюдением интересов общества, прав и законных интересов несовершеннолетних расследовать и рассматривать конкретные уголовные дела, последовательно и целенаправленно осуществлять борьбу с преступностью несовершеннолетних уголовно-процессуальными средствами, вести эффективную профилактическую работу среди подростков-правонарушителей.

Между тем, проведенные научные исследования свидетельствуют о недооценке многими практическими работниками требований уголовно-процессуального закона о необходимости тщательного исследования данных, относящихся к личности несовершеннолетних обвиняемых (подсудимых) при применении к ним мер пресечения, в частности кратковременного задержания по подозрению в совершении преступления и заключения под стражу, которые существенно ограничивают права и законные интересы лиц данной возрастной категории. В процессе расследования допускается ряд ошибок, связанных с установлением роли несовершеннолетнего в совершении преступления, иных, предусмотренных УПК обстоятельств, которые могут повлиять на выбор конкретной меры пресечения.

Сотрудниками органов предварительного расследования и суда не всегда полно исследуются обстоятельства, которые составляют криминологическую

характеристику преступлений, совершенных подростками. Указанные обстоятельства также не учитываются при решении вопроса о применении мер пресечения в отношении несовершеннолетних, что иногда ведет как к необоснованному применению конкретного вида меры пресечения вообще, так и к нарушению процедурных требований, установленных законом.

Нельзя утверждать, что эта проблема не привлекала внимания ученых. Различные ее аспекты освещались в работах С. И. Викторского, В. К. Вуколова, Н. И. Гуковской, А. И. Долговой, К. Е. Игошева, В. С. Зеленецкого, Е. Д. Лукьянчикова, Г. М. Миньковского, Г. Е. Омельченко, Д. П. Письменного, Е. В. Ремизовой, В. Я. Рыбальской и других ученых. Однако вопросы, связанные с особенностями применения к несовершеннолетним задержания и заключения под стражу, исследовались или в связи с решением более широких проблем, или с точки зрения отдельных их аспектов. К тому же продолжает оставаться дискуссионным ряд положений, касающихся оснований применения к несовершеннолетним вышеуказанных мер пресечения и целого ряда других вопросов.

Необходимость их решения обуславливается не только потребностями научно-исследовательской, но и правотворческой и правоприменительной деятельности. Этими соображениями объясняется выбор автором темы данной научной статьи.

Целью данной статьи является подготовка рекомендаций по усовершенствованию норм уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих применение к несовершеннолетним обвиняемым задержания и заключения под стражу.

Возрастные особенности несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и подсудимых обуславливают также процессуальные правила и тактические приемы применения в отношении них мер пресечения. В статье 162 УПК указывается на необходимость решения вопроса об избрании меры пресечения только при наличии достаточных оснований полагать, что подозреваемый, обвиняемый или подсудимый будет скрываться от следствия и суда, препятствовать установлению истины по уголовному делу или будет заниматься преступной деятельностью, а также препятствовать исполнению решения суда. Решая вопрос о виде меры пресечения, следователь обязан учитывать также тяжесть совершенного преступления, возраст обвиняемого, состояние здоровья, семейное положение и другие данные о его личности (ст. 164 УПК). Особенно важное значение все эти основания имеют по делам о преступлениях несовершеннолетних, поскольку неправильное решение о выборе меры пресечения всегда связано с негативными последствиями как для подростка в частности, так и для всего хода судопроизводства вообще. Применение меры пресечения к несовершеннолетним должно также влиять на него с воспитательной точки зрения, обеспечивать надлежащее его поведение. Это возможно лишь при условии, что принято справедливое решение при избрании в отношении подростка определенной меры пресечения. Не следует также пренебрегать и тем, что законодатель предусматривает применение в отношении лиц, не достигших 18-летнего возраста, меры пресечения в виде заключения под стражу и задержания лишь в исключительных случаях (ст. 461 УПК), что также обязывает следователя к более

тщательному исследованию всех обстоятельств уголовного дела. Учет обстоятельств, характеризующих личность несовершеннолетнего, обязывает следователя определить наиболее целесообразную, в том или ином конкретном случае, меру пресечения.

Статья 163 УПК предусматривает такие меры, которые можно применить к несовершеннолетним: подписка о невыезде, личное поручительство, залог, задержание по подозрению в совершении преступления, заключение под стражу. Вместе с тем, УПК предусматривает специфические меры, которые могут быть применены только к несовершеннолетним правонарушителям – передачу их под надзор родителей, опекунов, попечителей или администрации детского учреждения (ст. 462 УПК).

Применение мер пресечения является необязательным, когда связанные с ними задачи могут быть достигнуты иным путем. В таких случаях у обвиняемого появляется обязанность являться по вызовам следователя и сообщать о перемене места жительства. С учетом особенностей этой категории дел об этом обязательстве должны знать родители несовершеннолетнего или лица, которые несут ответственность за его поведение.

Перед тем, как рассмотреть наиболее строгую меру пресечения, предусмотренную ст. 169 УПК, – заключение под стражу, считаем целесообразным уделить внимание такой мере уголовно-процессуального принуждения как задержание по подозрению в совершении преступления, которая предусмотрена ст.ст. 117, 128 УПК.

В соответствии со ст. 461 УПК задержание и заключение под стражу к несовершеннолетним могут применяться только в исключительных случаях, когда это обуславливается тяжестью совершенного преступления при наличии оснований и в порядке, предусмотренном ст. 117, 162, 164 и 169 УПК. По содержанию этого указания закона вполне понятно, что основания, необходимые для применения задержания как меры пресечения, не являются основополагающими и тесно связаны с обстоятельствами, предусмотренными ст. 164 УПК – теми, которые подлежат установлению при избрании любой меры пресечения. Таким образом, даже при наличии оснований, предусмотренных ст. 117 УПК, орган дознания, следователь, прокурор и суд должны учитывать тяжесть совершенного преступления, возраст правонарушителя, состояние здоровья и другие обстоятельства о личности обвиняемого. Именно перечисленные обстоятельства позволяют понять в каждом конкретном случае применения задержания в отношении несовершеннолетнего, является ли этот случай исключительным, на что закон обращает особое внимание.

Однако между задержанием и заключением под стражу, кроме сроков содержания, есть и ряд иных процессуальных отличий. Так, если заключение под стражу может применяться в качестве меры пресечения в случае совершения несовершеннолетним преступления, за которое законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок более трех лет (в исключительных случаях – на срок не более трех лет), то задержание может применяться в случае совершения преступления, за которое законодатель предусмотрел наказание в виде лишения

свободы независимо от сроков. Такое несоответствие, на наш взгляд, является не совсем оправданным, поскольку и первая, и последняя меры пресечения связаны с лишением несовершеннолетнего свободы, то есть являются равнозначными по своей правовой природе. Считаем, что указанные нормы в отношении несовершеннолетних следует сбалансировать, это поможет избежать ошибок при применении правоприменителем данных мер в отношении подростков.

Учитывает законодатель при избрании в отношении подростков кратковременного задержания и возрастные особенности последних. Так, задержание несовершеннолетних следует осуществлять в дневное время, о чем также обязательно оповещаются их родители, опекуны или попечители. Содежаться подростки в местах предварительного заключения должны отдельно от взрослых и др. Однако, обращаясь к тактическим приемам применения задержания в отношении несовершеннолетних, опять же обратим внимание на круг обстоятельств, которые при этом должны быть установлены и учтены следователем. Решая этот вопрос, следует заметить, что установление обстоятельств, которые подлежат доказыванию (ст. 164 УПК), усложняется из-за сжатых процессуальных сроков. Дело в том, что между физическим и процессуальным задержанием несовершеннолетнего подозреваемого проходит очень мало времени, и фактически в полном объеме невозможно установить все обстоятельства о личности подростка, однако, как нам представляется, делает возможным установить первоочередные обстоятельства. Так, если известен домашний адрес подростка, не составит большого труда осуществить выемку паспорта или свидетельства о рождении несовершеннолетнего с тем, чтобы установить его точный возраст. В результате беседы с родителями подростка возможно установить и состояние здоровья несовершеннолетнего правонарушителя. Не вызовет трудностей допрос соседей по месту жительства подростка с целью установления данных о его личности, а при необходимости – допрос сотрудников полиции, которые могут оказать следователю достоверные данные о подростке. На наш взгляд, проведение указанных мероприятий способствовало бы более объективному исследованию обстоятельств, подлежащих доказыванию по делам этой категории.

Но, к сожалению, изучение следственной и судебной практики свидетельствует о другом. Так, в большинстве случаев применения в отношении несовершеннолетних кратковременного задержания, почти в 36 % не установлены характеризующие данные на несовершеннолетних правонарушителей, свидетельствующих об исключительности избрания указанного меры пресечения. Следователи объясняют такую практику тем, что в случае задержания по подозрению в совершении преступления они более оперируют все же не данными о личности подростка, а тяжестью совершенного им преступления и основаниями, указанными в ст.ст. 117, 128 УПК. Не подвергая острой критике указанную позицию практических сотрудников, считаем целесообразным подчеркнуть, что она по сути не соответствует норме уголовно-процессуального закона об исключительности применения в отношении несовершеннолетних указанной меры пресечения (ст. 461 УПК). В связи с этим представляются обоснованными высказанные в юридической литературе рассуждения о том, что, говоря об исключительности применения

указанного пресечения, законодатель требует выяснить, действительно ли он необходим с учетом возрастных особенностей несовершеннолетних вообще и конкретного подростка в частности [2, с. 55]. Указанное мнение, на наш взгляд, ориентирует следователей именно на учет обстоятельств, предусмотренных ст.ст. 164, 460 УПК.

Считаем, что учитывая недостатки в работе органов предварительного расследования по применению задержания по подозрению в совершении преступления в отношении несовершеннолетних и исходя из требований закона, необходимо определить тот круг обстоятельств, который будет свидетельствовать о целесообразности и обоснованности избрания указанной меры пресечения. К ним, на наш взгляд, следует отнести следующие:

1. Несовершеннолетний подозревается в совершении преступления, которое в соответствии с уголовным законом является тяжким или особо тяжким.

2. Для кратковременного задержания несовершеннолетнего в наличии одно из оснований, предусмотренных ст. 117 УПК.

3. Характеризующие данные на несовершеннолетнего подозреваемого свидетельствуют о систематичности его антиобщественного поведения.

4. В материалах уголовного дела имеются другие данные о личности несовершеннолетнего правонарушителя, которые не препятствуют применению к нему кратковременного задержания (данные о возрасте, состоянии здоровья, семейном положении и др.).

Указанная выше схема, по нашему мнению, ориентирует следователей подходить к вопросу применения в отношении подростков кратковременного задержания более осторожно, что, разумеется, уменьшит количество ошибок в их практической деятельности.

Следующая, еще более строгая мера пресечения, которая может быть применена к несовершеннолетним правонарушителям, – заключение под стражу. Именно она требует более тщательного рассмотрения, поскольку вопросы, связанные с применением данной меры пресечения, являются дискуссионными и требуют от ученых более тщательного исследования.

Как уже не раз было отмечено, ст. 461 УПК требует применять заключение под стражу в отношении несовершеннолетних в исключительных случаях, направляя органы, ведущие процесс, на более тщательное изучение обстоятельств, подлежащих доказыванию при избрании меры пресечения. По смыслу данной статьи указанные обстоятельства можно разделить на следующие виды:

1. Общие основания, позволяющие применить любую меру пресечения в отношении несовершеннолетнего (перечислены в ст. 162 УПК).

2. Специальные основания (перечислены в ст. 169 УПК), которые позволяют применить в качестве меры пресечения именно заключение под стражу.

3. Обстоятельства, свидетельствующие о целесообразности применения заключения под стражу (перечислены в ст.ст. 164, 460 УПК).

Первая группа оснований четко указана в законе и расширительному толкованию не подлежит. Что касается второй и третьей группы обстоятельств, то вопрос об их роли при избрании заключения под стражу в качестве меры

пресечения остаются до конца не решенными и требуют, на наш взгляд, законодательного урегулирования.

Речь идет, в первую очередь, о понятии «исключительный случай», которое предусматривает ст. 461 УПК в случае применения в отношении несовершеннолетнего заключения под стражу. Вводя в уголовно-процессуальный закон указанное понятие, закон не толкует его, но указывает при этом, что такая исключительность может действовать лишь тогда, когда это связано с тяжестью совершенного преступления. Следовательно, возникает вопрос: что законодатель понимает под тяжестью совершенного преступления? На этот вопрос УПК также не дает ответа, и остается только предположить, что понятие тяжесть совершенного преступления охватывает тяжкие преступления, за которые уголовный закон предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок более пяти, но не более десяти лет (п. 4 ст. 15 УК ДНР) и особо тяжкие преступления, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше десяти лет или более строгое наказание (п. 5 ст. 15 УК ДНР) [3, с. 677]. По содержанию же ст. 15 УК ДНР преступления небольшой и средней тяжести (пп. 2, 3) не относятся к категории тяжких и за совершение их несовершеннолетними последним применением в качестве меры пресечения заключения под стражу просто невозможно. Однако при этом в ст. 169 УПК законодатель указывает, что заключение под стражу возможно по делам о преступлениях, за которые законодатель предусмотрел наказание в виде лишения свободы на срок более трех лет. В исключительных случаях – не более трех лет. Получается, что по смыслу закона общая норма о мере пресечения в виде лишения свободы (ст. 169 УПК) просто не может распространяться на несовершеннолетних обвиняемых, поскольку к последним просто невозможно применить заключение под стражу за совершение, например, преступления средней тяжести, а тем более небольшой тяжести. Но законодатель (ст. 461 УПК), направляя органы, ведущие процесс, на учет ст. 169 УПК при применении в отношении подростков заключения под стражу, просто делает указанные нормы противоречивыми. Указание же закона на исключительность случаев применения в отношении несовершеннолетних заключение под стражу делает невозможным применение указанной меры пресечения в отношении подростков во всех необходимых для этого случаях, поскольку термин «исключительный» следует понимать в трех значениях: который представляет собой исключение из общих правил, привычных норм, который является исключительным; особый; необычный, редкий; единственный, только один [4, с. 677].

Однако, как правильно заметил И.Л. Петрухин, такое исключение на практике превратилось в правило [5, с. 182]. Таким образом, мы в целом разделяем мнение некоторых ученых, что понятие «исключительные случаи» не соответствуют ни одному из приведенных значений слова «исключительный» [6, с. 135]. По-разному трактуется указанное понятие и на практике. Одни следователи, ссылаясь на «исключительность» применения в отношении подростков заключения под стражу, слишком осторожно подходят к решению этого вопроса, в результате чего несовершеннолетние, совершая преступление повторно, уже находясь при этом под

следствием, остаются на свободе. Другие следователи, наоборот, даже несмотря на то, что несовершеннолетний совершает преступление впервые, применяют в последнем заключения под стражу, руководствуясь тем, что преступление относится к категории тяжких. Считаем, что это не является результатом непонимания следователями требований закона, поскольку именно закон имеет определенные пробелы относительно порядка применения к подросткам такой меры пресечения, как заключение под стражу. На наш взгляд, во избежание таких недоразумений, необходимо, прежде всего, исправить редакционные ошибки, допущенные в действующем УПК. Считаем, что ст. 461 УПК должна более конкретно толковать особенности применения заключения под стражу в отношении подростков. Итак, если законодатель предписывает органам, ведущим процесс, применять к несовершеннолетнему указанный меру пресечения лишь за совершение преступлений, которые считаются тяжкими (п.п. 4, 5 ст. 15 УК ДНР), об этом конкретно необходимо указать в законе. Что же касается «исключительных случаев», то они должны применяться на практике, но, как представляется, за совершение преступлений, которые законодатель относит к небольшой и средней тяжести при наличии при этом определенных условий (совершение преступления повторно, систематичность антиобщественного поведения и др.). На наш взгляд, именно такая схема позволит подвести понятие «исключительность» к его истинному значению.

Таким образом, учитывая вышеизложенное, предлагаем сформулировать ст. 461 УПК в следующей редакции:

«Задержание и заключение под стражу несовершеннолетнего

Заключение под стражу в качестве меры пресечения могут применяться к несовершеннолетним по делам о преступлениях, за которые законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок более пяти лет. В исключительных случаях указанные меры могут быть применены по делам о преступлениях, за которые законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы и на срок не более пяти лет, при наличии оснований и в порядке, предусмотренном статьями 117, 162, 164, 169 настоящего Кодекса».

Однако такая формулировка нормы закона не обязывает орган дознания, следователя, прокурора и суд применять заключение под стражу за совершение несовершеннолетним всех тяжких и особо тяжких преступлений, а лишь допускает такую возможность. По делам же о преступлениях небольшой и средней тяжести применять в отношении подростков заключения под стражу фактически невозможно, однако в исключительных случаях, когда для этого есть необходимые основания, закон предоставляет такую возможность.

Такие изменения в уголовно-процессуальном законодательстве относительно порядка применения рассмотренных нами мер пресечения по делам о преступлениях несовершеннолетних, на наш взгляд, положительно повлияют на работу органов предварительного следствия и суда по уголовным делам данной категории.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовно-процессуальный Кодекс Донецкой Народной Республики (утвержден Постановлением Совета Донецкой Народной Республики № 240-ІНС от 24 августа 2018 г.)

- / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/ugolovno-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 27.02.2019). – Загл. с экрана.
2. Гуковская, Н. И. Расследование и судебное разбирательство дел о преступлениях несовершеннолетних / Н. И. Гуковская, А. И. Долгова, Г. М. Миньковский; Всесоюз. ин-т по изучению причин и разраб. мер предупреждения преступности. – М.: Юрид. лит., 1974. – 208 с.
3. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики / Официальный сайт Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnr-online.ru/ugolovnyj-kodeks-dnr/> (дата обращения: 27.02.2019). – Загл. с экрана.
4. Словарь русского языка [Текст]: в 4 т. – 2-е изд. – М.: Рус.яз., 1981. – Т. 1. – 696 с.
5. Петрухин, И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе / И. Л. Петрухин. – М.: Наука, 1989. – 256 с.
6. Михайлов, В. А. Меры пресечения в российском уголовном процессе / В. А. Михайлов. – М.: Право и Закон, 1996. – 304 с.

Поступила в редакцию 27.03.2019 г.

PECULIARITIES OF APPLICATION OF DETENTION AND DETERMINATION BY GUARANTEE IN CASE OF CRIMES OF MINORS

In this scientific article, an analysis of such preventive measures as arrest and detention and the characteristics of their use in relation to juvenile defendants (suspects) is carried out. Amendments to the criminal procedural legislation of the Donetsk People's Republic in terms of the grounds for the use of these preventive measures are proposed.

Keywords: juvenile defendants, preventive measures, arrest on suspicion of committing a crime, imprisonment.

Левендаренко Олег Александрович

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и
процесса
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: levendarenko1977@gmail.com

Levendarenko Oleg

PhD in Law, Associate Professor, Associate
Professor of the Department of Criminal Law
and Procedure of Donetsk National
University
DPR, Donetsk
E-mail: levendarenko1977@gmail.com

УДК 343.121:341.231.14

Меркулов С.Н.

К ВОПРОСУ О МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТАХ ПРАВ ОБВИНЯЕМОГО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье раскрыты понятие и содержание «стандартов прав» обвиняемого в уголовном процессе, дано определение и охарактеризована сущность презумпции невиновности, проанализированы нормы уголовного процессуального законодательства и решения Европейского суда по правам человека относительно юридического содержания и правовой сущности основных стандартов прав обвиняемого в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: права обвиняемого, международные стандарты прав человека в уголовном процессе, уголовно-процессуальное принуждение, презумпция невиновности, уголовное судопроизводство, органы расследования.

С момента провозглашения независимости наше государство находится на этапе реформирования политической, экономической и правовой систем общества, приведения их в соответствие с международными стандартами прав человека. Конституционное положение о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, является основой для уголовно-процессуального законодательства Донецкой Народной Республики (далее – ДНР). Следует отметить, что международно-правовые акты не содержат однозначного определения «международного стандарта» прав человека.

В действующем законодательстве ДНР понятие «стандарт» также отсутствует. Юридическая энциклопедия дает следующее определение «международных стандартов» – это международно-правовые нормы и принципы, закрепляющие стандартизированные правила поведения субъектов международного права в тех или иных сферах межгосударственного сотрудничества [1, с. 736].

Распространено мнение о том, что к ним относятся различные международные документы общего характера или международные договора, содержащие определенные нормы международного права и ратифицированные всеми или большинством государств. Так, Г. А. Мюллерсон указывает, что термином международного стандарта прав человека охватываются разнообразные нормы, такие как правила международных договоров, резолюции международных организаций, политические договоренности [2, с. 289].

Многие исследователи высказываются о признании в качестве международных стандартов определенных обязанностей государств. Так, Р. Г. Вагизов писал, что их следует понимать именно как общепризнанные нормы поведения государств, которые осуществляются государствами в отношении своих граждан и лиц, находящихся под их юрисдикцией [3, с. 34–36].

© Меркулов С. Н., 2019

С. М. Ягофаров понимает под международными стандартами только определенные принципиальные положения, реальное воплощение которых часто затруднено их лаконичным характером, и создает определенные трудности в их понимании, а соответственно и в практическом применении [4, с. 91]. Учитывая источники закрепления, форму и внутреннее содержание понятия, значение и влияние на общественные отношения, в науке были освещены основные родовые признаки, присущие категории «международные стандарты прав человека»:

1) они универсальны. Международные стандарты прав человека являются едиными для всех государств, присоединившихся к соответствующему международному акту. Требования, устанавливаемые ими, имеют одинаковую степень императивности независимо от того, в каком государстве они применяются.

Важной социальной функцией международных стандартов в области прав человека является то, что они устанавливают «минимальный уровень» определения и защиты прав человека, то есть тот уровень осознания и вербализации прав человека, в котором находит выражение консенсус различных участников мировых политико-правовых процессов;

2) по своей сути они являются моделью, эталоном, устанавливают нормы по содержанию прав человека и их надлежащему соблюдению.

Таким образом, международный стандарт следует считать образцом, идеальной моделью, парадигмой, закрепляющей определенные нормы (принципы) в области прав человека, которые обуславливают обязательность совершения определенных действий (или воздержания от их совершения), внедрение определенных мер и т.д. со стороны любого субъекта, способного влиять на обеспечение и защиту прав человека;

3) они имеют общий характер, который заключается в том, что стандарт не указывает конкретных обязанностей, их адресатов и т.п., а только в общих чертах закрепляет определенное правило или принцип, необходимость внедрения которого предполагается определенным международно-правовым актом или вытекает из общепризнанной мировой практики;

4) сфера охвата международных стандартов прав человека – это области общественных отношений, в которых реализуются права человека, требования по соблюдению и охране которых устанавливаются соответствующими стандартами;

5) эти нормы имеют наиболее значимый характер. То есть надлежащие условия реализации этих принципов и норм составляют необходимую основу для безопасного и благоприятного функционирования личности и являются предпосылкой гармоничного развития правового государства и гражданского общества;

6) они имеют особую форму закрепления. Общепризнанной формой закрепления международных стандартов прав человека является многосторонний (двусторонний) международный договор. Вместе с тем, соответствующие нормы и принципы реализуются в национальном законодательстве, будучи имплементированы в национальные источники, и тем самым приобретают общий и универсальный характер.

На основании вышесказанного, можно сделать вывод о том, что международные стандарты прав человека – это универсальные принципы и нормы

общего характера, устанавливающие идеальные модели фиксации, реализации и/или охраны прав человека, являющиеся выражением образцового понимания и реализации прав человека, их собственной и инструментальной ценности для государства и общества.

В теории уголовного процесса предлагалось международные стандарты обеспечения прав человека в сфере уголовного судопроизводства классифицировать на:

- 1) стандарты, имеющие статус общепризнанных норм;
- 2) стандарты для лиц, в отношении которых применены или могут быть применены принудительные меры;
- 3) стандарты для лиц, пострадавших от преступления;
- 4) стандарты в сфере ювенальной юстиции;
- 5) стандарты развития уголовного судопроизводства, включающие в себя меры по созданию благоприятных условий для реализации всего комплекса указанных выше стандартов;
- 6) стандарты в сфере этики и гуманизации уголовного судопроизводства [5, с. 178–183].

Наиболее полное определение международных стандартов предлагает Д. В. Симонович, который считает, что международным стандартом обеспечения прав человека в уголовном процессе является положение, отражающее общие принципы и практику обеспечения прав человека, установленные Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) и протоколами Совета Европы к ней, а также принятыми на ее основе решениями Европейского суда по правам человека (судебные прецеденты) и являющиеся обязательными для выполнения национальными компетентными органами в ходе уголовного судопроизводства [6, с. 20]. Права человека уникальны по характеру, важности и объему социально-гуманитарных проблем. Они определяют статус человека в любом обществе, и является конструктивным средством осуществления цивилизованной деятельности людей, удовлетворения их интересов и потребностей.

В уголовном судопроизводстве права человека имеют специфическое содержание, поскольку закон разрешает применение мер, ограничивающих данные права в предусмотренном законом порядке. Деятельность органов дознания и предварительного следствия связана с применением к подозреваемым и обвиняемым мер процессуального принуждения. В уголовном судопроизводстве все отношения, которые возникают, изменяются или прекращаются в ходе применения или отмены конкретных мер принуждения имеют характер властных общественных отношений. Принуждение пронизывает все производство по уголовным делам, и оно всегда связано с определенными ограничениями прав и свобод субъектов уголовного процесса.

Особо важное значение имеет соблюдение международных стандартов прав человека в уголовном судопроизводстве при предъявлении лицу обвинения.

По результатам анализа международных нормативных актов, учитывая определение европейских стандартов соблюдения прав человека в сфере уголовного

судопроизводства, предложенное учеными и с учетом признаков, которые являются характерными для всех международных стандартов вообще, считаем, что международные стандарты прав человека при обвинении лица в совершении уголовного преступления – это общепризнанные мировым сообществом, универсальные и закрепленные в Конвенции о защите прав человека и основных свобод и в прецедентных решениях Европейского суда по правам человека наиболее значимые, основополагающие нормы, устанавливающие модель охраны и (или) реализации прав человека во время его обвинения в совершении уголовного преступления и являющиеся обязательными для выполнения национальными компетентными органами.

В науке уголовного процесса была предложена система европейских стандартов прав человека в уголовном судопроизводстве. Д. В. Симонович считает, что ее составляют: 1) право на справедливое судебное разбирательство (ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод); 2) право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 5 Конвенции); 3) право на уважение частной и семейной жизни (ст. 8 Конвенции) 4) разумные сроки производства [7, с. 97].

Естественно, что не все указанные положения, используемые в уголовно-процессуальной деятельности, применяются при реализации обвинения. Определимся с теми, которые должны соблюдаться компетентными органами и должностными лицами при обвинении лица в совершении уголовного преступления. Важным положением, которое приобрело значение евростандарта, является презумпция невиновности. Председатель Европейского суда по правам человека Жан-Поль Коста в одном из своих интервью Радио Свобода в июле 2011 года указывал, что презумпция невиновности является одной из ключевых основ справедливых судебных процессов. Это означает, что все судопроизводство должно действовать по принципу, содержанием которого является следующее положение: человек, в отношении которого есть какие-то подозрения, является невиновным, а если оно виновато, то это должны доказать правоохранительные органы.

Презумпция невиновности – это правовое положение, согласно которому обвиняемый (подсудимый) считается невиновным, пока его вина не будет доказана в установленном законом порядке, причем виновным лицо может быть признано приговором суда, вступившим в законную силу.

Обратим внимание на нормативное закрепление данного евростандарта в Конвенции. В ней указано, что каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана в законном порядке (ч. 2 ст. 6). Это положение определяет: а) границы действия презумпции невиновности (в рамках производства по уголовным преступлениям) б) момент признания лица виновным в совершении такого правонарушения (когда вина доказана в законном порядке); в) недопустимости иной процедуры признания лица виновным, чем это предусмотрено в законе, то есть презумпция признается одним из элементов справедливого судебного разбирательства (именно такое толкование указанной нормы Конвенции предоставляет Европейский суд по правам человека в своем решении по делу Дефир против Бельгии от 27 февраля 1980) [8].

Рассмотрим, как презумпция невиновности влияет на суть и реализацию обвинения в уголовном судопроизводстве.

Назначение презумпции невиновности прежде всего заключается в том, чтобы противостоять в уголовном судопроизводстве обвинительному уклону, субъективизму, тенденциозности или даже произволу – всему, что превращает уголовное судопроизводство в орудие расправы над обвиняемым, отождествляет обвиняемого с виноватым, делает его фактически бесправным.

Положения Конвенции о решении независимым и беспристрастным судом спора относительно обоснованности выдвинутого против лица уголовного обвинения (ч. 1 ст. 6) указывает на то, что обвинение должно быть обоснованным и обязанность такого обоснования возлагается на лиц, которым закон предоставляет право выдвигать обвинение против личности. Европейский суд в своем решении по делу Барбера, Мессега и Ябардо против Испании от 6 декабря 1998 отметил, что обязанностью стороны обвинения является информирование лица о предъявленном обвинении, чтобы оно могло подготовить и должным образом представить аргументы в свою защиту, а доказательства, положенные в основу вывода суда о виновности обвиняемого, должны соответствовать требованиям достаточности и убедительности [9].

Таким образом, из приведенного решения следует, что презумпция невиновности расценивается Европейским судом как основание для существования права человека быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном языке о характере и основании предъявленного ему обвинения и право иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты.

При реализации обвинения по положениями п. 3 (а) ст. 6 Конвенции лицо должно быть незамедлительно и подробно проинформировано о характере и основании предъявленного против него обвинения. Именно это положение является следующим международным стандартом соблюдения прав обвиняемого. Исходя из этого принципа, обвиняемого следует информировать как о фактической стороне обвинения, то есть привести доказательства, которые стали причиной предъявления обвинения, так и о правовой квалификации, то есть предоставить их юридическую оценку.

Под термином «причины обвинения» понимается деяние, совершение которого вменяется обвиняемому в вину, а под термином «характер» – правовая квалификация деяния, в котором обвиняется лицо [10, с. 1008].

Детальность предоставляемой информации должна предоставлять обвиняемому возможность подготовить свою защиту. Следует учитывать необходимость предоставления по просьбе обвиняемого дополнительной информации и то, была ли она достаточной.

Немедленное информирование о предъявленном обвинении требует сокращения времени между моментом предъявления обвинения и сообщением об этом лицу.

Информирование обвиняемого о выдвинутом против него обвинении должно быть сделано на понятном ему языке (п. 3 (а) ст. 6). Право на бесплатную помощь переводчика, которое предусмотрено Конвенцией, предусматривает освобождение обвиняемого от расходов на переводчика. Так, в деле «Озтюрк против Германии» Европейский суд признал невозможным возложение на обвиняемого расходов на переводчика даже в случае вынесения решения не в его пользу [11].

Следует отметить, что с одной стороны, осуществление уголовного судопроизводства на государственном языке обеспечивает единообразие в уголовном производстве, а с другой стороны, положения, составляющие содержание принципа языка уголовного судопроизводства являются гарантией соблюдения законных интересов участников процесса, не владеющих языком судопроизводства или недостаточно владеющих им, поскольку обеспечивают понимание юридической сущности и содержания всего уголовного производства. Уровень понимания языка судопроизводства или его применения неизбежно зависит от оценки факта и права и определяет уровень необходимой помощи. Однако обвиняемый должен быть поставлен в такие условия, чтобы он мог понять ход рассмотрения уголовного дела и участвовать в нем в той мере, в какой это необходимо, чтобы обеспечить справедливое судебное разбирательство. Исходя из этого, в процессе производства по уголовным делам следует выяснить вопрос о степени владении языком уголовного судопроизводства. Лица, не владеющие языком судопроизводства – это лица, которые не могут высказываться на данном языке и не понимают устную речь судопроизводства. Лица, недостаточно владеющие языком судопроизводства, – это лица, которые плохо понимают разговорный язык судопроизводства и не могут свободно изъясняться на нем [12, с. 786].

Считаем, что главным критерием, который может определить степень владения языком судопроизводства является собственное мнение обвиняемого. Если он чувствует даже незначительные осложнения в общении на языке, используемом в ходе уголовного производства, которые не позволяют ему принимать участие в процессе, то к участию в данном производстве должен быть привлечен переводчик.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Юридична енциклопедія: в 6 т. / редкол. : Ю. С. Шемшученко (голова редкол.) [та ін.]. – К. : Укр. енцикл., 1998. – Т. 5: П – С. – 2003. – 736 с.
2. Мюллерсон, Р. А. Права человека: идеи, нормы, реальность / Р. А. Мюллерсон. – М.: Проспект, 1991. – 289 с.
3. Вагизов, Р. Г. Международно-правовые стандарты в сфере защиты прав человека: нормативно-правовая основа международной системы защиты прав человека / Р. Г. Вагизов // Российская юстиция. – 2008. – № 5. – С. 34–36.
4. Ягофаров, С. М. Международные стандарты по правам человека и российское уголовное судопроизводство: учебное пособие / С. М. Ягофаров. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2006. – 91 с.
5. Сімонович, Д. В. Міжнародні стандарти з прав людини у сфері кримінального судочинства: зміст та класифікація / Д. В. Сімонович // Право і суспільство. – 2010. – № 2. – С. 178–183.
6. Сімонович, Д. В. Європейські стандарти забезпечення прав людини у досудових стадіях кримінального процесу України: автореф. дис. ... канд. юрид. наук; спец. 12.00.09 – кримінальний процес та криміналістика; судова експертиза; оперативно-розшукова діяльність / Д. В. Сімонович. – Х., 2011. – 20 с.
7. Сімонович, Д. В. Європейські стандарти забезпечення прав людини у досудових стадіях кримінального процесу України / Д. В. Сімонович // Проекти КПК та проблеми сучасного

стану кримінально-процесуального законодавства: матеріали науково-практичного семінару (Харків, 6 лютого 2008 р.). – Х.: Харк. нац. ун-т внутр. справ, 2008. – С. 97–103.

8. Решение Европейского Суда по правам человека по делу «Девир против Бельгии» от 27 февраля 1980 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.echr.ru/documents/doc/2461476/2461476.htm.

9. Научно-правовое заключение по вопросу нарушения конвенциональных норм при вынесении приговора / Независимый экспертно-правовой совет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.neps.ru/node/1698>.

10. Сучасний тлумачний словник української мови: 100 000 слів / за заг. ред. В. В. Дубічинського. – Х.: ВД «ШКОЛА», 2009. – 1008 с.

11. Рішення Європейського суду з прав людини у справі «Озтюрк проти Німеччини» від 21 лютого 1984 року [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.licasoft.com.ua/index.php/component/lica/?href=0&view=text&base=5&id=222764&menu=317086>.

12. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. Н. А. Петухова, Г. Н. Загорского. – М.: ИКФ «ЭКМОС», 2002. – 786 с.

Поступила в редакцию 27.03.2019 г.

THE ISSUE OF THE ACCUSED OF INTERNATIONAL STANDARDS RIGHTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article reveals the concept and content of the «standards of rights» of the accused in criminal proceedings, defines and characterizes the essence of the presumption of innocence, analyzes the rules of criminal procedural law and the decision of the European Court of Human Rights regarding the legal content and legal essence of the basic standards of rights of the accused in criminal proceedings.

Keywords: rights of the accused, international human rights standards in criminal proceedings, criminal procedural coercion, and presumption of innocence, criminal proceedings, and investigative bodies.

Меркулов Сергей Николаевич
кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного права и процесса
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: merkulovepf@mail.ru

Merkulov Sergey
PhD in Law, Associate Professor of the
Department of Criminal Law and Procedure
of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: merkulovepf@mail.ru

УДК 323.22/.28

Овинникова Р. В.

КАТЕГОРИИ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ОБЩЕСТВА» И «ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ»: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

В данной статье рассмотрен теоретико-правовой аспект категорий «политическая система общества» и «политический режим», их юридическое содержание. Осуществлено выявление причин их отождествления. Обоснована позиция относительно необходимости их разграничения, а также предложен подход к соотношению рассматриваемых понятий.

Ключевые слова: политическая система общества, политический режим, государственный режим.

Научная разработка категории «политическая система общества» представляется относительно новым направлением развития политико-правовой мысли. Вместе с тем изучение данного основополагающего теоретико-правового феномена в теории государства и права осуществляется преимущественно путем заимствования понятийного аппарата и наработок политологии.

Актуальность выбранной темы исследования обоснована необходимостью выработки самостоятельного теоретико-правового подхода к понятию «политическая система общества», рассмотрения его юридического значения. В этом контексте отдельный интерес представляет разграничение категорий «политическая система общества» и «политический режим», поскольку в научной литературе встречаются неединичные случаи фактического отождествления данных понятий, их подмены, путем обозначения названными терминами одного и того же явления политико-правовой действительности.

Целью данного исследования является выработка концептуального теоретико-правового подхода к разграничению понятий «политическая система общества» и «политический режим».

Научная разработка теории политической системы осуществлялась в период создания целостной совокупности научных знаний о политике, объединения разрозненных знаний о политических явлениях и процессах.

Вместе с тем, еще при концептуальном оформлении политико-правового феномена «политическая система общества» в работе Толкотта Парсонса «Система современных сообществ» данным автором был описан и его юридический аспект [1, с. 26].

Общепринятым является тезис о том, что подход американского социолога усматривает политическую систему в ее функциональной значимости интеграции

общества, в обеспечении эффективной деятельности и реализации общей цели. Данная формулировка не отражает всей полноты сущностного содержания рассматриваемой теории. Так, политическая система общества рассматривается в контексте определения качественных характеристик форм и методов осуществления государственной власти, – например, при описании значения демократической революции [1, с. 52]; контекстуальных свойств политической системы европейского типа [1, с. 54]; процесса формирования эпохи ранней современности в результате промышленной и демократической революций [1, с. 65]; особенностей Советской политической системы [1, с. 79]; направлений модернизации Японии после революции Мэйдзи [1, с. 86]. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что при концептуальном оформлении теории политической системы Толкотт Парсонс не разграничивал категории «политическая система общества», «политический режим» и «форма правления», используя характеризующие их свойства для описания политической системы.

В настоящее время большинство ученых-юристов по-прежнему не разграничивают понятия «политическая система общества» и «политический режим», однако представляется, что такое разграничение имеет важное теоретико-правовое значение, поскольку позволит сформировать правильное и полное понимание сущности данного явления. Следует отметить, что на сегодняшний день единый подход к формулированию дефиниции, а также выделению сущностных характеристик понятия «политическая система общества» как теоретико-правового явления не выработаны.

Наиболее абстрактным, неконкретизированным можно считать понимание политической системы как сферы общества, связанной с особой деятельностью – политикой; как совокупности лиц и институтов, участвующих в политическом процессе [2, с. 183]. Такая трактовка рассматриваемого политико-правового феномена не раскрывает его важных, сущностных характеристик с точки зрения теории государства и права.

В отдельную группу можно выделить трактовки понятия «политическая система», которые характеризуются эклектичностью в подборке ключевых составляющих данного явления. Так, например, К. Г. Волынка понимает под политической системой совокупность политических институтов и организаций, политической деятельности, политических отношений, политических норм, принципов и традиций, политического сознания, культуры и СМИ в их взаимодействии, которые отображают интересы и волю социальных объединений, реализующих политическую власть, борющихся за ее осуществление в рамках права через государство [3, с. 240]. К данному подходу можно также отнести и дефиниции И. А. Соловьева и В. П. Пугачева [4, с. 41].

Существует также научная точка зрения, предполагающая в качестве основной черты, характеризующей политическую систему общества, и определяющую данное понятие – акцент на реализации политической власти и функции управления в обществе.

М. А. Идрисова рассматривает собственно-юридическую природу политической системы, понимая под данным определением систему управления,

с помощью которой общество регулирует все существующие в нем социальные системы; целостную, упорядоченную совокупность политических институтов, политических ролей, отношений, процессов, принципов политической организации общества, подчиненных существующим в нем политическим, социальным, юридическим, идеологическим, культурным нормам, историческим традициям и установкам политического режима конкретного общества [5, с. 11].

Такая трактовка по своему содержанию в части элементов, составляющих политическую систему, основополагающей функции управления, подчиненности политическому режиму, – корреспондирует с пониманием рассматриваемого явления учеными М. С. Кельманом, А. Г. Мурашиным, А. В. Юсовым [6, с. 183], А. В. Малехиным [7, с. 296].

Ю. С. Васютин [8, с. 19] рассматривает политическую систему в двух аспектах: как совокупность государственных и общественных институтов, политических партий, движений, профсоюзов, экономических структур и т.п., в рамках которых проходит политическая жизнь общества и осуществляется политическая власть, а также – как общественно-политическую сферу всех явлений и процессов, которые существуют в обществе.

В соответствии с правовой концепцией политическая система – это совокупность государственных и негосударственных социальных институтов, которые осуществляют власть, управление обществом, регулируют отношения между гражданами, социальными и этническими группами, обеспечивают стабильность общества, определенный порядок в нем [9, с. 75].

В работе О. Е. Гришина «Устойчивость политической системы: понятие, подходы, регуляторы» приводится «конкретное значение политической системы», которое заключается в том, что она «...обуславливает подлинный сложный механизм формирования и функционирования власти в обществе, реализуемой различными политическими факторами» [1, с. 19]. Кроме того, автор приводит ряд регуляторов устойчивости политической системы, среди которых, например, практика частичной или полной смены правительственной команды, демократизация центрального правительства, развитие участия общества в избирательном процессе, самоуправление [1, с. 23] и другие процессы. Представляется, что такие признаки в большей степени присущи именно политико-правовому режиму того или иного государства и в своей совокупности и сопоставлении друг с другом позволяют представить качественную характеристику политико-правового режима в стране как демократического или же недемократического. Вместе с тем, нельзя отрицать, что рассматриваемые факторы влияют на устойчивость политической системы, что свидетельствует о взаимосвязи таких политико-правовых категорий как «политическая система общества» и «политико-правовой режим».

Так, В. О. Миронов и Н. В. Зин отмечают, что «политический режим по своему содержанию близок к политической системе общества. Он призван решать проблемы взаимоотношений между государством и гражданским обществом, властью и индивидом». [2, с. 9]. Таким образом, в данном случае раскрывается основополагающая характеристика политического режима – способ распределения

и реализации власти в государстве. Кроме того, утверждается, что взаимоотношение между названными элементами составляют содержание и политической системы общества.

Отождествление категорий «политическая система общества» и «политический режим» осуществлено в работе О. Л. Тупицы «Профспілки в політичній системі сучасного суспільства: виміри функціонування». [3, с. 94]. Так, данный автор рассматривает две модели осуществления деятельности профсоюзами: модель подчинения в тоталитарной политической системе и модель конкуренции и свободного выбора в политической системе либерально-демократического общества.

Политический (государственный) режим рассматривается как обобщенная характеристика форм и методов осуществления государственной власти в той или иной стране [4, с. 265]. При этом, к элементам государственного режима относят источник происхождения государственной власти; особенности организационно-правового разделения властей; соревновательность, поиски компромисса в деятельности государственных органов или, напротив, ограничение политической деятельности, ориентация на борьбу с политическими оппонентами и их подавление; реализация политических свобод граждан или, наоборот, их формальное провозглашение; самоуправление территориальных коллективов или же полное подчинение назначенным сверху чиновникам. Такое определение концентрирует в себе особенности государственно-властных отношений, само по себе представляет общее описание рассматриваемого явления и требует конкретизации в указанных признаках.

Также политический режим определяется как совокупность характерных для определенного типа государств политических отношений, применяемых властью средств и методов регулирования сложившихся отношений государственной власти и общества, господствующих форм идеологии, социальных и классовых взаимоотношений, состояния политической культуры [2, с. 9]. Данное понятие включает в себя более широкий круг элементов и позволяет сформировать конкретизированное представление о рассматриваемом политико-правовом феномене.

По мнению Ю. А. Кудрявцева, государственный (политический) режим – это основной институционально-функциональный элемент формы государства, характеризующий политику государства, проводимую государственным аппаратом, использующим в совокупности соответствующие либеральные и принудительные методы воздействия на общественные отношения в процессе осуществления государственной власти [5, с. 8]. Предлагаемое понятие предусматривает такую определяющую характеристику политического режима как его производность от формы государства. Вместе с тем, представляется, что акцент на способах воздействия на общественные отношения только одним субъектом – государственным аппаратом, сужает сущность данного явления.

Приведенные дефиниции подразумевают отождествление политического и государственного режимов, их синонимичность. Данный вопрос является дискуссионным, в теории государства и права отсутствует единый подход

относительно соотношения категорий «политический режим» и «государственный режим».

Так, обосновывается мнение о том, что политический режим и государственный режим соотносятся как целое и его часть: «...политический режим представляет собой более широкое явление, чем государственный режим. Политический режим включает в себя не только методы государственного властвования, но и характерные способы деятельности негосударственных политических организаций (партий, движений, клубов, союзов)» [6, с. 159]. Таким образом, государственный режим, представляя собой более узкое понятие, не охватывает все явления политико-правовой жизни, а также всех субъектов, которые в ней задействованы.

Представляется, что отождествление категорий «политическая система общества» и «политический режим» происходит именно тогда, когда политический режим рассматривается в широком смысле – путем объединения под данным определением всех явлений политико-правовой действительности, а также включения в его структуру, так называемых, негосударственных субъектов.

По мнению В. Г. Постникова, «...политический режим придает устойчивость и определенность между элементами политической системы, а самой системе – внутреннюю и внешнюю форму проявления» [7, с. 54]. Следует согласиться с данной позицией, поскольку рассматриваемые явления политико-правовой действительности являются производными от других, более широких по своей сущности и содержанию. Так, политическая система общества является частью социальной системы, а политический режим – формы государства. Кроме того, они предполагают наличие собственной внутренней структуры, определенной совокупности элементов. Таким образом, данные явления нельзя сопоставлять как целое и его часть. Вместе с тем, нельзя отрицать их взаимосвязь. По мнению автора, политический режим оказывает влияние на политическую систему общества, на ее подсистемы, опосредует формирование политической системы на конкретном этапе общественного развития.

Прежде всего, политический режим влияет на институциональную подсистему политической системы общества – определяет способ формирования, порядок осуществления деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества.

В нормативной подсистеме политической системы общества находит отображение, так называемый, «дух» закона, который определяется господствующим политическим режимом, а также особенности осуществления правотворчества, правореализации и правоприменения.

Что касается функциональной подсистемы политической системы общества, то господствующий политическим режим оказывает непосредственное влияние на сущность политических отношений и правоотношений, которые складываются в обществе.

Идеологическая подсистема политической системы общества непосредственно связана с политическим режимом, господствующим в том или ином государстве.

Путем анализа основных подходов к трактовке понятия «политико-правовой режим», а также сопоставления данного политико-правового феномена с категорией «политическая система общества», выявлена причина их отождествления, которая заключается в том, что политико-правовой режим в научной литературе рассматривается в узком значении (как совокупность методов осуществления государственной власти), а также в широком (как механизм осуществления государственной власти и способ деятельности негосударственных политических организаций).

Автором обосновывается позиция о влиянии политического режима на политическую систему общества, а также об опосредовании ее формирования на определенном этапе общественного развития политическим режимом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Парсонс, Т. Система современных обществ / пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева; под ред. М. С. Ковалевой. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.
2. Артыкбаева, А. А. Современная трактовка понятия «политическая система общества» / А. А. Артыкбаева, А. Т. Тилекматова // Наука и новые технологии. – 2014. – № 1. – С. 183–185.
3. Волинка, К. Г. Теорія держави і права: навч. посіб. / К. Г. Волинка. – К.: МАУП, 2003. – 240 с.
4. Агеев, Г. В. Политическая система общества как объект системного анализа: теоретический аспект / Г. В. Агеев, В. А. Крючков, А. К. Сквоикова // Youth World Politic. – 2014. – № 2. – С. 41–51.
5. Идрисова, М. А. Трансформация политической системы общества в эпоху глобализации (теоретико-правовое исследование): автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.01 / М. А. Идрисова; Казанский государственный университет. – Казань, 2003 – 22 с.
6. Назаренко, О. Політична система суспільства: сутність, основні риси, функції / О. Назаренко // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. – 2012. – № 94. – С. 86–90.
7. Станкевич, А. М. Определение основных подходов к пониманию понятия политической системы общества / А. М. Станкевич, В. В. Наумов // Проблемы экономики и информатизации образования. Материалы XIV Международной научно-практической конференции, 2017. – С. 295–300.
8. Васютин, Ю. С. Политическая система российского общества, как фактор формирования и реализации государственной политики / Ю. С. Васютин // Государственная политика: методология, практика, направления совершенствования. Материалы международной научно-практической конференции (25 мая 2016 г.), 2016. – Т. 1. – С. 19–25.
9. Буник, В. П. Поняття політичної системи суспільства: теоретичний аспект / В. П. Буник // Science and Education a New Dimension. Humanities and Science. – 2014. – № 18. – С. 74–77.
10. Гришин, О. Е. Устойчивость политической системы: понятие, подходы, регуляторы / О. Е. Гришин // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-1. – С. 19–24.
11. Миронов, В. О. О понятиях и формах политического режима / В. О. Миронов, Н. В. Зин // Вестник Международного института управления. – 2017. – № 1(143). – С. 7–13.
12. Тупиця, О. Л. Профспілки в політичній системі суспільства: виміри функціонування: дис. ... д-ра політ. наук: 23.00.02 / О. Л. Тупиця; Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара. – Дніпропетровськ, 2008. – С. 94–129.

13. Гринюк, Р. Ф. Конституционное право зарубежных стран: учебное пособие / Р. Ф. Гринюк, Н. А. Захарченко, Е. Н. Дорошева. – Изд. 4-е, перераб. и доп. – Донецк: Кальмиус, 2012. – 335 с.

14. Кудрявцев, Ю. А. Государственный режим как теоретико-государственная категория / Ю. А. Кудрявцев // Theory And Practice Of The Restoration Of Rights. – 2015. – № 1(4). – С. 8–13.

15. Ярмонова, Е. Н. Политический режим как функциональная и динамическая характеристика государства / Е. Н. Ярмонова // Приоритетные модели общественного развития в эпоху модернизации: экономические, социальные, философские, политические, правовые аспекты. Материалы международной научно-практической конференции (г. Саратов, 25 марта 2016 г.); отв. ред.: Н. Н. Понарина, С. С. Чернов. В 5-ти частях. – Энгельс: Общество с ограниченной ответственностью «Академия управления», 2016. – С. 159–160.

16. Постников, В. Г. О политическом режиме / В. Г. Постников // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. – 2016. – № 13-3. – С. 50–55.

Поступила в редакцию 21.12.2017 г.

CATEGORIES «POLITICAL SYSTEM OF SOCIETY» AND «POLITICAL REGIME»: THEORETICAL AND LEGAL CHARACTERISTICS

The article is devoted to consideration of the theoretical framework of the categories «society's political system» and «political regime», and also to their legal content. The review highlighted the causes of their equating. It is proved the necessity of their separating. Moreover, it is suggested the approach to correlation between these concepts.

Keywords: society's political system, political regime, state's regime.

Овинникова Раиса Витальевна
ассистент кафедры теории и истории
государства и права
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: rayaovinnikova@mail.ru

Ovinnikova Raisa
Assistant of the Department of Theory and
History of State and Law of Donetsk
National University
DPR, Donetsk
E-mail: rayaovinnikova@mail.ru

УДК 341.1

Одегова Л.Ю.
Рудь Ю.А.

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В данном исследовании проанализирована история развития интеграционных процессов на территории постсоветского пространства, рассмотрены правовые формы сотрудничества, которые предшествовали появлению ЕАЭС. Также изучены особенности формирования правовой базы евразийской экономической интеграции, которая послужила основой для образования правовой основы Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: евразийская экономическая интеграция, постсоветское пространство, Евразийский экономический союз, интеграционные процессы, Таможенный союз.

Интеграционные процессы на рубеже XIX–XX веков стали неотъемлемой частью международных отношений между государствами, основной сущностью которых является консолидация совместных усилий стран для решения актуальных проблем в период мировой глобализации.

В современной юридической науке выделяют множество видов интеграции в зависимости от географического расположения государств, участвующих в указанных процессах, целей и задач интеграции, сферы общественных отношений, которые непосредственно попадают под межгосударственное регулирование.

Особый интерес для изучения интеграционных тенденций в мире представляет евразийская экономическая интеграция, обладающая региональным характером – один из наиболее эффективных примеров интеграции в мировом сообществе.

Теоретической основой исследования послужили труды И. А. Баскаковой, Р. В. Винникова, Е. А. Глушаковой, В. П. Зиновьева, Е. М. Ивановой, А. В. Казаковой, А. Я. Капустина, С. Ю. Кашкина, К. П. Курылева, А. А. Марышева, Д. В. Станиса, Е. Ф. Троицкого, Д. А. Файзуллаева, А. О. Четверикова и ряда других исследователей.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что для стран СНГ и государств-членов ЕАЭС большое теоретическое и практическое значение имеет изучение как теоретических вопросов развития этапов интеграционных процессов на территории постсоветского пространства, факторов, оказывающих влияние на данный процесс, так и правовой практики формирования интеграционных связей. Кроме того, необходимо учитывать внешнеполитический вектор развития Донецкой Народной Республики, направленный на сближение с государствами-участниками евразийских интеграционных объединений.

В этой связи целью данного научного исследования является конкретизация исторических аспектов развития интеграционных процессов на территории постсоветского пространства, уточнение и анализ правовых форм сотрудничества, предшествовавших возникновению ЕАЭС.

В целом, региональная интеграция представляет собой интеграционные процессы между отдельными группами государств, расположенных поблизости друг от друга, обычно в рамках одного континента земного шара или иного географического региона [1, с. 48].

Евразийская экономическая интеграция пережила длительный путь становления, прошла несколько этапов от идей евразийской интеграции к учреждению международной организации.

Развитие евразийской интеграции и межгосударственных взаимосвязей происходило на протяжении более 20 лет. Распад советского государства привел новообразованные независимые страны к необходимости выбора концепции дальнейшего взаимодействия, что в первую очередь было обусловлено экономическим фактором, а также нарастанием внешнего давления и внутренними кризисными процессами.

Следует подчеркнуть, что на протяжении всего периода становления евразийской интеграции большую помощь оказали правотворческие инициативы государств, принимающих активное участие в установлении данного регионального сотрудничества. Так же важно отметить, что и международно-правовые акты количественно и качественно изменялись в связи с прогрессом форм сотрудничества государств в данном направлении.

Начальным этапом становления евразийской интеграции следует считать образование СНГ и заключение между его государствами-членами первых соглашений интеграционного характера.

Тем не менее, многие соглашения, относящиеся к этому периоду, так и не были реализованы, они остались своеобразной «декларацией о намерениях», так как не накладывали никаких жестких обязательств на стороны, а конкретные обязательства следовало согласовывать в отдельных двусторонних и многосторонних договорах [2, с. 115].

Поскольку процесс интеграции шел медленно, институты СНГ работали неэффективно, вполне логичным развитием интеграционных инициатив Казахстана стало выступление Н. А. Назарбаева перед преподавательским составом МГУ 29 марта 1994 г. в рамках первого официального визита в Россию. В своей речи он предложил рассмотреть возможные пути создания нового объединения из стран-участниц СНГ – Евразийского союза (ЕАС) [3, с. 24–25].

В основу Договора о создании ЕАС предполагалось заложить идею формирования наднациональных органов с целью координации экономической, оборонной и внешней политики.

При этом концепция ЕАС не предполагала воссоздание СССР. Основными принципами, на которых мыслилось объединение в союз, могли бы стать: равенство, уважение суверенитета, территориальной целостности и неприкосновенности государственных границ, прав личности и индивидуальности

каждого человека. Принципиальное значение имело сформулированное казахстанским Президентом положение о том, что интеграция, основанная на равенстве, добровольности и прагматическом интересе, – это будущее Евразии, которая только в этом случае может стать глобальным фактором мировой экономики и политики XXI века.

Переломным моментом в политике углубления экономической интеграции стало подписание главами Правительств Казахстана, России и Беларуси 20 января 1995 г. Соглашения о Таможенном союзе, нацеленное на устранение препятствий для свободного экономического взаимодействия между хозяйствующими субъектами стран-участниц.

В марте 1996 года к Таможенному союзу присоединилась Кыргызская Республика. Республика Таджикистан стала его полноправным членом 26 февраля 1999 г. [4].

В 1996 году был подписан Договор об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях. В документе нашли отражение тесные экономические и культурные связи, общее историческое прошлое. Вместе с тем положения договора были устремлены в будущее – Казахстан, Беларусь, Кыргызстан и Россия заявили о неразрывных перспективах общего экономического развития. В 1998 году к договору также присоединилась Республика Таджикистан.

Помимо Соглашения о Таможенном союзе, следует выделить Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве (1999 г.), сыгравший важную роль в процессе становления евразийской интеграции.

Создание Таможенного союза предполагало в дальнейшем активизацию сотрудничества в сфере общего рынка товаров, услуг, капиталов, рабочей силы. Кроме того, была обозначена задача осуществления унификации различных отраслей законодательства, проведения согласованной внешнеэкономической политики по отношению к третьим странам.

Однако на данном этапе страны столкнулись с трудностями, которые выражались в возникновении ограничений и препятствий в реализации интеграционных программ. Именно для их преодоления и был сделан следующий крупный шаг в октябре 2000 года.

Так, в ходе октябрьского саммита проходившего в столице Республики Казахстан г. Астане президенты России, Белоруссии, Казахстана, Киргизии и Таджикистана подписали Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС). Характерной особенностью ЕврАзЭС следует выделить отсутствие наднационального характера органов, который бы определял сущность интеграционных процессов, кроме того он не ставил своей задачей формирование какого-либо интеграционного сообщества, а преследовал более скромную цель – «продвижение процесса формирования Таможенного союза и Единого экономического пространства». Это обстоятельство и предопределило в известной мере его временный, промежуточный характер.

В рамках ЕврАзЭС Республика Беларусь, Республика Казахстан и Российская Федерация в соответствии с «Договором о создании единой таможенной

территории и формировании Таможенного союза» от 6 октября 2007 г. приступили к формированию нового Таможенного союза.

Формирование Таможенного союза предусматривало создание единой таможенной территории, в пределах которой не применяются таможенные пошлины и ограничения экономического характера, за исключением специальных защитных, компенсационных мер. В рамках Таможенного союза применяется единый таможенный тариф и другие единые меры регулирования торговли товарами с третьими странами [5, с. 16].

Договор о создании единой таможенной территории и формировании Таможенного союза от 6 октября 2007 г. явился учредительным (базовым) международно-правовым актом, определяющим основы взаимодействия государств-участников (Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан) в процессе формирования Таможенного союза. В этот же день был подписан Договор о Комиссии Таможенного союза, которым был учрежден единый постоянно действующий регулирующий орган Таможенного союза.

В рамках Таможенного союза Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан была сформулирована концепция договорно-правовой базы Таможенного союза, т.е. совокупности международных договоров, заключенных между государствами-участниками, реализация которых создает Таможенный союз [6, с. 3].

Дальнейшая деятельность государств была направлена на создание Единого экономического пространства (далее – ЕЭП) между странами-участницами Таможенного союза (далее – ТС).

По мнению президента РАМП, доктора юридических наук, профессора А. Я. Капустина, в международно-правовом смысле Таможенный союз и Единое экономическое пространство можно рассматривать как специфический международно-правовой режим.

9 декабря 2010 г. три государства-члена ТС подписали 17 документов по созданию Единого экономического пространства, среди которых был План действий на 2010–2011 годы по формированию ЕЭП трех государств, предусматривавший разработку и подписание в течение двух лет, к 1 января 2012 года, двадцати международных договоров, обеспечивающих создание ЕЭП [7].

После учреждения ЕЭП в решении Коллегии Евразийской экономической комиссии от 12 апреля 2012 г. были уточнены основные параметры договорно-правовой базы ТС и ЕЭП. В документе указаны четыре группы соглашений: международные договоры, направленные на завершение формирования договорно-правовой базы Таможенного союза; перечень международных договоров, предусмотренных Планом мероприятий по введению в действие Таможенного кодекса Таможенного союза; иные международные договоры Таможенного союза; международные договоры по формированию Единого экономического пространства [8, с. 13].

18 ноября 2011 г. Президенты Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации подписали Договор о Евразийской экономической комиссии, которая была учреждена как единый постоянно действующий

регулирующий орган Таможенного союза и Единого экономического пространства. Евразийская экономическая комиссия обладала наднациональными полномочиями в сфере таможенно-тарифного и технического регулирования, установления торговых режимов в отношении третьих стран, конкурентной и энергетической политикой и др.

В этот же период была подписана Декларация о евразийской экономической интеграции, в которой зафиксировано намерение «завершить к 1 января 2015 года кодификацию международных договоров, составляющих нормативно-правовую базу Таможенного союза и Единого экономического пространства, и на этой основе создать Евразийский экономический союз».

К 1 января 2012 года была сформирована правовая база ЕЭП – рынка со 170 млн. потребителей, унифицированным законодательством, свободным передвижением товаров, услуг, капитала и рабочей силы. В основе ЕЭП лежат согласованные действия в ключевых областях регулирования экономики: в макроэкономике, сфере конкуренции, в области промышленных и сельскохозяйственных субсидий, транспорта, энергетики, тарифов естественных монополий.

2013 год стал одним из наиболее знаковых периодов в развитии и совершенствовании евразийских интеграционных процессов. В частности, продолжилась работа по обеспечению присоединения Кыргызской Республики к евразийскому интеграционному проекту, начало которой было положено решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС, принятым еще в 2011 году. В мае 2013 года был подписан Меморандум об углублении взаимодействия между Евразийской экономической комиссией и Кыргызской Республикой. Цель заключения Меморандума – поддержание и развитие сотрудничества, основанного на принципах взаимного уважения, углубление взаимодействия Кыргызской Республики с государствами-членами ТС и ЕЭП в различных сферах экономики.

3 сентября 2013 года Президент Армении Серж Саргсян заявил о намерении своей страны вступить в ТС и ЕЭП и интегрироваться дальше, участвуя в формировании Евразийского экономического союза.

На заседании Высшего Евразийского экономического совета 24 октября 2013 года в Минске Президенты стран-участниц рассмотрели обращение Республики Армения и поручили ЕЭК развернуть работу по присоединению. Созданная для этого Рабочая группа ЕЭК разработала соответствующую «дорожную карту». 24 декабря 2013 года «дорожная карта» по присоединению Республики Армения к ТС и ЕЭП была утверждена на заседании Высшего Евразийского экономического совета на уровне Глав государств. Главами государств «таможенной тройки» и Армении принято Заявление «Об участии Республики Армения в евразийском интеграционном процессе», приветствовавшее намерение Республики Армения присоединиться к ТС и ЕЭП и впоследствии стать полноправным членом Евразийского экономического союза.

В 2013–2014 годах Евразийская экономическая комиссия и уполномоченные органы Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации по поручениям Президентов своих стран вели активную подготовку Договора о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) [9].

Итогом многолетней кодификации международных договоров стал Договор о Евразийском экономическом союзе, подписанный 29 мая 2014 г.

1 января 2015 года начал функционировать ЕАЭС с участием России, Казахстана и Белоруссии. 2 января 2015 г. к договору присоединились Армения и 12 августа 2015 г. – Киргизия [10, с. 38].

Следует отметить, что за достаточно долгий период становления евразийского интеграционного пространства сформировалась обширная правовая база, которая в свою очередь стала основой для законотворчества в рамках созданного ЕАЭС.

В последнее время значительно возрастает интерес к формированию зоны свободной торговли с ЕАЭС, а также к другим формам международного сотрудничества со стороны других стран и региональных интеграционных объединений. В 2018 году путем заключения соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве были оформлены отношения с Китаем, также была осуществлена деятельность, ведущая к образованию зоны свободной торговли с Ираном. На 2019 год намечено продолжение переговорного процесса о заключении соглашений о зоне свободной торговли с Сингапуром, Израилем, Индией, Египтом, Сербией.

На сегодняшний день межгосударственные отношения по поводу евразийской экономической интеграции стремительно развиваются, охватывая страны, ранее составляющие одно государство – СССР.

Следует отметить, что Донецкой Народной Республикой намечен курс внешней политики, направленный на сближение с государствами-участниками Евразийского экономического союза, что вызывает насущную необходимость приведения национального законодательства к евразийским стандартам.

Так, 1 марта 2019 года Глава Донецкой Народной Республики Денис Пушилин подписал Указ «Об утверждении Концепции внешней политики Донецкой Народной Республики», в котором четко обозначены ключевые цели, задачи и основные направления внешней политики молодого государства. В документе указано, что основные цели внешней политики Донецкой Народной Республики реализуются через решение ряда задач, одной из которых является развитие дружественных отношений со странами постсоветского пространства и использование различных механизмов для участия в евразийских интеграционных объединениях, таких как Содружество Независимых Государств, Евразийский Экономический Союз, Шанхайская Организация Сотрудничества [11].

Безусловно это важный и необходимый шаг к дальнейшему развитию государства, особенно учитывая исторический опыт развития территорий, которые сегодня входят в Донецкую Народную Республику, а также неразрывную связь со славянским этносом.

Таким образом, на пути к формированию ЕАЭС как международной организации региональной интеграции страны постсоветского пространства прошли несколько ключевых этапов объединения с целью гармоничного развития внутренней экономики и выработали систему «общих ценностей», что в значительной мере позволило минимизировать «конфликты интересов», а также поспособствовало повышению эффективности интеграционного сотрудничества за счет углубления интеграционных процессов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кашкин, С. Ю. Основы интеграционного права: учебное пособие / С. Ю. Кашкин, А. О. Четвериков. – М.: Проспект, 2014. – 224 с.
2. Иванова, Е. М. Евразийская интеграция: путь от СНГ к ЕАЭС / Е. М. Иванова // Российский внешнеэкономический вестник. – 2015. – № 6. – С. 112–119.
3. Назарбаев, Н. А. Евразийский Союз: идея, практика, перспективы (1994–1997) / Н. А. Назарбаев. – М.: Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1997. – 479 с.
4. Исова, Л. Т. Геополитические измерения Евразийства в условиях глобализации / Электронный научный журнал «edu.e-history.kz» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/674> (дата обращения: 27.01.2019). – Загл. с экрана.
5. Курылев, К. П. Процесс развития евразийской интеграции: история, современные проблемы и перспективы / К. П. Курылев, Д. В. Станис // Современная наука. – 2014. – № 4. – С. 13–18.
6. Глушакова, Е. А. Политика формирования ЕАЭС / Е. А. Глушакова, Н. В. Зиньковская // «Евразийский Научный Журнал». – 2017. – № 4. – С. 298–301.
7. Капустин, А. Я. Договор о Евразийском экономическом союзе — новая страница правового развития евразийской интеграции / А. Я. Капустин // Предпринимательство и право: информ.-аналит. портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=5016> (дата обращения: 28.01.2019). – Загл. с экрана.
8. Капустин, А. Я. Право евразийского экономического союза: подходы к концептуальному осмыслению / А. Я. Капустин // Современный Юрист. – 2015. – № 1(10). – С. 10–14.
9. Евразийская экономическая интеграция: факты и цифры / Официальный сайт Евразийского Экономического Союза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/EEC_dig_facts1.pdf (дата обращения: 29.01.2019). – Загл. с экрана.
10. Винникова, Р. В. Этапы евразийской интеграции / Р. В. Винникова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2016. – Т. 1, вып. 1. – С. 34–39.
11. Об утверждении Концепции внешней политики Донецкой Народной Республики: Указ Глав Донецкой Народной Республики № 56 от 01.03.2019 / Официальный сайт Главы Донецкой Народной Республики Дениса Пушилина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://denis-pushilin.ru/doc/ukazy/Ukaz_N56_01032019.pdf (дата обращения: 02.03.2019). – Загл. с экрана.

Поступила в редакцию 18.05.2019 г.

HISTORY OF THE FORMATION OF EURASIAN ECONOMIC INTEGRATION IN THE POST-SOVIET SPACE

This study analyzed the history of the development of integration processes in the post-Soviet space, considered the legal forms of cooperation that preceded the emergence of the EAEU. The features of the formation of the legal base of the Eurasian economic integration, which served as the basis for the formation of the legal basis of the Eurasian Economic Union, were also studied.

Keywords: Eurasian economic integration, the post-Soviet space, the Eurasian Economic Union, integration processes, the Customs Union.

Одегова Людмила Юрьевна

кандидат юридических наук, доцент
кафедры конституционного и
международного права
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: milaodegova17@mail.ru

Odegova Lyudmila

PhD in Law, Associate Professor at the
Department of Constitutional and
International Law of Donetsk National
University
DPR, Donetsk
E-mail: milaodegova17@mail.ru

Рудь Юлия Андреевна

студентка 4 курса юридического
факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: yulia120798@yandex.ru

Rud Julia

4th year student of the Faculty of Law of
Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: yulia120798@yandex.ru

УДК 342.553

Семеняка Я. Н.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НА ДОНБАССЕ: ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

В статье рассматриваются и изучаются действующие законы и проекты Законов Донецкой и Луганской Народных Республик, а также Украины в сфере организации местного самоуправления. Делается акцент на их общей ценностной базе, отраженной в Европейской хартии местного самоуправления, а также – на совместимости с Минскими соглашениями и Комплексом мер их имплементации в части о местном самоуправлении. Проводится правовой анализ проекта децентрализации власти в Украине.

Ключевые слова: Донбасс, местное самоуправление, Минские соглашения, территориальные общины, Европейская хартия местного самоуправления.

С апреля 2014 года на Донбассе идёт вооруженный конфликт, в условиях которого разные его стороны предлагают свои варианты организации местного самоуправления на подконтрольных территориях. Кроме того, формирование новых органов местного самоуправления рассматривается как один из ключевых инструментов политико-правового урегулирования конфликта.

Вопросы законодательного обеспечения деятельности института местного самоуправления на Донбассе все еще остаются недостаточно изученными и исследованными. Целью исследования является выявление юридической специфики проектов организации местного самоуправления на Донбассе, предлагаемых Донецкой и Луганской Народными Республиками, а также Украиной.

Местное самоуправление в Украине с позиций юридической науки изучали такие ученые как: Ю. В. Делия, Т. А. Савостенко, В. Н. Мартиненко и др., в России – А. А. Старовойтов, В. Б. Аверьянова, М. А. Васильева, А. С. Пиголкин, В. П. Чиркин, К. М. Коркунов, Н. И. Лазаревский, А. В. Васильчиков и др. Вместе с тем местное самоуправление на Донбассе, особенно в условиях вооруженного конфликта, пока что так и не стало самостоятельным предметом юридического анализа.

Основная цель деятельности органов местного самоуправления заключается, прежде всего, в улучшении уровня и качества жизни местного населения и решении вопросов местного значения связанных с управлением собственностью, защитой и реализацией интересов территориальной общины.

Реорганизация местного самоуправления на Донбассе – одно из важнейших условий мирного урегулирования конфликта. Комплекс мер по имплементации Минских соглашений в части местного самоуправления предусматривает:

– «проведение диалога о модальностях проведения местных выборов и о будущем режиме районов Донецкой и Луганской областей;

– принять постановление Верховной Рады Украины с указанием территории, на которую распространятся особый режим;

– обеспечить помилование и амнистию путём введения в силу Закона, запрещающего преследование и наказание лиц в связи с событиями, имевшими место в отдельных районах Донецкой и Луганской областей;

– проведение конституционной реформы на Украине со вступлением в силу новой Конституции, предполагающей в качестве ключевого элемента децентрализацию (с учётом особенностей отдельных районов Донецкой и Луганской областей, согласованных с представителями этих районов), а также принятие постоянного законодательства об особом статусе отдельных районов Донецкой и Луганской областей» [1].

Украина и Российская Федерация, на которую в плане нормотворчества ориентируются Республики Донбасса, подписали и ратифицировали Европейскую Хартию о местном самоуправлении. Поэтому практически все проекты организации местного самоуправления на Донбассе имеют общую ценностную основу. Примечательно, что Хартия предусматривает, что в случае изменения границ самоуправляющихся территориальных общин следует предварительно заслушать их органы, а в случае необходимости провести референдум, если это предусмотрено Законом (ст. 5). Положения Хартии предоставляет право местных органов на объединение, правовую защиту местного самоуправления [2]. Не все эти положения нашли своё отображение в национальном законодательстве Украины, поскольку отсутствует Закон Украины «О местном референдуме».

Отсюда закономерным является интерес политических элит и территориальных общин Украины к идее реформирования местного самоуправления и территориальной организации власти, который сохраняется на протяжении многих лет. Существующая на Украине система местного самоуправления на сегодня не удовлетворяет потребности общества. Функционирование местного самоуправления в большинстве территориальных общин не обеспечивает создания и поддержания благоприятной жизненной среды, необходимой для всестороннего развития человека, его самореализации, защиты его прав, предоставления населению качественных и доступных административных и социальных услуг путем устойчивого развития общества.

С 2014 года на Украине заявлено о начале децентрализации власти. Она рассматривается как передача полномочий и бюджета от государственных органов власти органам местного самоуправления. Создаются объединенные территориальные общины, у которых появляется право самостоятельно решать местные вопросы образования, здравоохранения, благоустройства и т.д. Децентрализация на Украине призвана добровольно объединить и укрупнить территориальные общины, установить и закрепить финансовую децентрализацию, предоставить новые полномочия и возможности территориальным общинам.

В 2014 году вступил в силу Закон Украины «О сотрудничестве территориальных общин». Он закрепляет сотрудничество территориальных общин сёл, посёлков и городов в осуществлении общих проектов. Сотрудничество происходит на основании заключения договора. Инициаторами сотрудничества

выступают сельский, поселковый городской глава, депутаты сельского, поселкового, городского совета, члены территориальной общины в порядке местной инициативы. Сотрудничество территориальных общин осуществляется в формах делегирования исполнения одного или нескольких заданий с передачей ему необходимых ресурсов; реализации общих проектов; общего финансирования субъектами сотрудничества предприятий, учреждений и организаций коммунальной формы собственности – инфраструктурных объектов; создание общих коммунальных предприятий, учреждений, организаций; создание общего органа управления для общего исполнения установленных законом полномочий [3].

В 2015 году вступил в силу Закон Украины «О добровольном объединении территориальных общин». Законом закрепляется, что субъектами добровольного объединения территориальных общин являются смежные территориальные общины сёл, посёлков, городов. Основными условиями добровольного объединения территориальных общин являются: отсутствие другой территориальной общины, имеющей свой представительский орган местного самоуправления; неразрывность территории объединённой территориальной общины; принимать во внимание исторические, этнические, культурные и другие факторы при принятии решений по добровольному объединению; качество и доступность публичных услуг, предоставляемых в объединённой территориальной общине, не должны быть ниже, чем до объединения. Административным центром объединённой территориальной общины определяется населённый пункт (село, посёлок, город), имеющий развитую инфраструктуру и расположенный ближе к географическому центру территории объединённой территориальной общины.

Инициаторами добровольного объединения могут выступать сельский, поселковый и городской глава; не менее чем треть депутатов от общего состава совета; члены территориальной общины в порядке местной инициативы; органы самоорганизации населения соответствующей территории. Государство осуществляет информационно-просветительскую, организационную, методическую и финансовую поддержку добровольного объединения. Финансовая поддержка государства этому объединению осуществляется в виде субвенций на формирование соответствующей инфраструктуры согласно плану социально-экономического развития такой территориальной общины [4].

Законом Украины «Об особом порядке местного самоуправления в отдельных районах Донецкой и Луганской областей» вводится особый порядок местного самоуправления на территориях Донбасса, подконтрольных Республикам. Статья 3 данного Закона закрепляет, что «государство гарантирует недопущение уголовного преследования, привлечения к уголовной, административной ответственности и наказания лиц – участников событий на территории Донецкой и Луганской областей, также органам власти и их должностным лицам запрещается дискриминация, преследование и привлечение к ответственности лиц по поводу событий, имевших место в Донецкой и Луганской областях». «Органы местного самоуправления, местные органы исполнительной власти способом и в пределах полномочий, предусмотренных Законами и международными договорами, содействуют в отдельных районах Донецкой и Луганской областей использованию русского и других языков

в устной и письменной форме в сфере образования, в средствах массовой информации и создают условия для их использования в деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления, в судопроизводстве, в экономической и социальной деятельности, при проведении культурных мероприятий и в других сферах общественной жизни. Органам местного самоуправления предоставляется право назначения руководителей органов прокуратуры и судов. Соответствующие органы местного самоуправления имеют право заключать соглашения с центральными органами исполнительной власти относительно экономического, социального и культурного развития отдельных районов Донецкой и Луганской областей. Государство гарантирует содействие со стороны центральных органов исполнительной власти трансграничному сотрудничеству этих районов с регионами Российской Федерации» [5].

Решением городских, сельских, поселковых советов создаются отряды народной милиции, на которые возлагается реализация задачи по охране общественного порядка в населенных пунктах этих районов.

Также на Украине действует Закон «О военно-гражданских администрациях», которые рассматриваются как временные государственные органы в населенных пунктах проведения антитеррористической операции (до мая 2018 года), с мая 2018 года в районе проведения операции объединённых сил. Эти администрации являются юридическими лицами публичного права [6]. Так, полномочия их можно разделить на три вида: первый – это те полномочия, которые принадлежали гражданским государственным администрациям, второй – это полномочия советов органов местного самоуправления, третий – это специальные полномочия, например, по введению комендантского часа, по ограничению торговли, по обустройству КПП внутри населенных пунктов и за их пределами. Отметим, что фактически полномочия военно-гражданских администраций шире, чем гражданских администраций, действующих в областях Украины.

Фактически, прослеживается тот факт, что на Донбассе функционируют военно-гражданские администрации и органы местного самоуправления. Однако органы местного самоуправления «лишаются своей самостоятельности», поскольку функции, возложенные на мэров городов, выполняют руководители военно-гражданских администраций. Также значительное количество функций, отнесенных к органам местного самоуправления выполняют военно-гражданские администрации. Согласно Хартии о местном самоуправлении существование и взаимодействие военно-гражданских администраций и органов местного самоуправления противоречит принципу самоуправляемости территориальных общин.

Далее рассмотрим нормативно-правовую базу организации местного самоуправления, существующую в республиках Донбасса. Так, статья 8 Конституции ЛНР закрепляет и гарантирует местное самоуправление, а также устанавливает положение, что «органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти».

Часть 3 статьи 82 Основного закона ЛНР фиксирует положение, что «местное самоуправление осуществляется гражданами путем референдума, выборов и других форм прямого волеизъявления, через выборные и другие органы местного самоуправления» [7].

Далее отметим, что статья 2 Закона ЛНР «О местных выборах» закрепляет, что «местное самоуправление осуществляется территориальными общинами сел, поселков, городов, районов, как непосредственно, так и через местные советы и их исполнительные органы» [8].

Также в ЛНР действует Закон «Об организации деятельности органов местного самоуправления в переходной период». Положения этого Закона устанавливают гарантии деятельности *сельских, поселковых, городских и районных советов, сельских, поселковых и городских голов, исполнительных органов сельских, поселковых и городских советов, финансирование деятельности исполнительных органов на местах, структуру, численность и штатное расписание трудовой деятельности работников. Специфическим положением этого Закона выступает ст. 4, устанавливающая, что «в случае фактического прекращения деятельности органов местного самоуправления сел, поселков, городов и районов, а также их должностных лиц Глава Луганской Народной Республики имеет право передать их функции и полномочия соответствующим администрациям городов и районов Луганской Народной Республики» [9]. То есть, по сути, этой нормой делегируют полномочия местного самоуправления государственным исполнительным органам. Также Закон устанавливает, что иные вопросы, связанные с деятельностью органов местного самоуправления, не урегулированные настоящим Законом, определяются Главой Луганской Народной Республики. Тем самым де-юре, устанавливает, что вопросы местного значения может регулировать Глава государства.*

Законодательство Донецкой Народной Республики не так разностороннее, как в соседней Республике. Так, в статье 8 Конституции ДНР указано, что «в Донецкой Народной Республике гарантируется местное самоуправление. Оно самостоятельно в пределах своих полномочий». В Основном Законе ДНР обозначено положение, что органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти, а также наделены муниципальной собственностью [10].

Кроме того, местное самоуправление на правовом пространстве ДНР реализуется территориальными общинами определённых поселений непосредственно, а также посредством местных советов и их исполнительных органов [10].

Понятие местного самоуправления в ДНР закреплено в ст. 2 Закона Республики «О местных выборах» [11].

Поскольку в постановлении Совета Министров ДНР № 9-1 от 02.06.2014 года предусмотрено, что «...до принятия Законов ДНР, регулирующих отношения между субъектами право применять Законы Украины или Законы других государств, в частях не противоречащих Декларации о суверенитете Донецкой Народной Республики и Конституции принадлежит Министерствам и Ведомствам ДНР», то стоит отметить, что правовое регулирование местного самоуправления на территории Донецкой Народной Республики осуществляется согласно украинского, а не собственного законодательства. Это может говорить о том, что при осуществлении своих полномочий местные органы постоянно сталкиваются с проблемами толкования той или иной нормы украинского законодательства. Что существенно осложняет эффективность и быстроту в принятии решений по своей компетенции.

Фактически на территории ДНР и ЛНР действуют органы местного самоуправления и местные органы исполнительной власти, не имея при этом полностью сформированной нормативно-правовой базы. С украинской стороны, прослеживается то, что после Минского меморандума от 19 сентября 2014 года на Украине формально началась децентрализация власти. Были приняты законы «О сотрудничестве территориальных общин» и «Добровольном объединении территориальных общин», которые отображают положения Европейской Хартии о местном самоуправлении.

Вместе с тем, украинская сторона приняла закон «Об особом порядке местного самоуправления в отдельных районах Донецкой и Луганской областей», ввела на Донбассе военно-гражданские администрации, которые ограничивают права и свободы граждан, а также право территориальных общин на самоуправление. Также не обеспечено помилование и амнистия лицам, участвующим в событиях на территории Донбасса.

Поскольку Республики Донбасса идут по пути активного государственного строительства и создания собственной законодательной базы, представляется целесообразным проектирование собственных законов о местных органах власти и местном самоуправлении. При этом было бы уместно учесть международные принципы относительно местной власти, закреплённые в Европейской Хартии местного самоуправления. Кроме того, существует необходимость в правовом закреплении административно-территориального устройства Республик, которое позволит на научно-практическом уровне обосновать и создать систему местного самоуправления на их территориях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Комплекс мер по выполнению минских соглашений / Официальный сайт Президента России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/4804> (дата обращения 25.02.2019). – Загл. с экрана.
2. Европейская Хартия местного самоуправления (Страсбург, 10 октября 1985 года) ETS N 122 [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.glazychev.ru/bibliography/eu_khartia_mestn_samuuprav.htm (дата обращения 20.02.2019). – Загл. с экрана.
3. Закон України «Про співробітництво територіальних громад» // Відомості Верховної Ради (ВВР). – 2014. – № 34. – Ст. 1167 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/main/1508-18> (дата обращения 15.02.2019). – Загл. с экрана.
4. Закон України «Про добровільне об'єднання територіальних громад» зі змінами, внесеними Законом від 22.11.2018 № 2621 VIII // Відомості Верховної Ради (ВВР). – 2015. – № 13. – Ст. 91.
5. Закон України «Про особливий порядок місцевого самоврядування в окремих районах Донецької та Луганської областей» зі змінами, внесеними Законом від 04.10.2018 №2588-VIII // Відомості Верховної Ради (ВВР). – 2014. – № 45. – Ст. 2043 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1680-18> (дата обращения 16.02.2019). – Загл. с экрана.
6. Закон України «Про військово-цивільні адміністрації» зі змінами внесеними Законом від 18.01.2018 № 2268-VIII // Відомості Верховної Ради (ВВР). – 2015. – № 13. – Ст.87 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/141-19> (дата обращения 25.02.2018). – Загл. с экрана.

7. Конституция Луганской Народной Республики от 18 мая 2014 года № 1-І с изменениями, внесёнными Законом от 06.09.2018 № 263-ІІ (Принят Народным Советом ЛНР от 18.05.2014 № 1-І) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/591/> (дата обращения 17.02.2019). – Загл. с экрана.
8. Закон Луганской Народной Республики «О местных выборах» с изменениями, внесёнными Законом от 06.08.2015 № 55-ІІ (Принят Народным Советом ЛНР от 03.12.2014 № 2-ІІ) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/1129/?sphrase_id=205837 (дата обращения 18.02.2019). – Загл. с экрана.
9. Закон Луганской Народной Республики «Об организации деятельности органов местного самоуправления в переходный период» с изменениями, внесёнными Законом от 08.11.2018 №278-ІІ (Принят Народным Советом ЛНР от 30 апреля 2015 года № 21-ІІ) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/944/> (дата обращения 17.02.2019). – Загл. с экрана.
10. Конституция ДНР: Закон ДНР от 14 мая 2014 г. (с изм. и доп., внесенными Постановлениями Народного Совета ДНР от 27 февраля 2015 г., от 29 июня 2015, от 11 сентября 2015 г., от 29 декабря 2017 г., от 30 ноября 2018 г.) / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/konstitutsiya/> (дата обращения: 15.02.2019). – Загл. с экрана.
11. Закон ДНР «О местных выборах ДНР» с изменениями, внесёнными Законом от 07.08.2015 № 69-ІНС (Принят Народным Советом ДНР от 28.11.2014 № 01-ІНС) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-dnr-o-mestnyh-vyborah/> (дата обращения 17.02.2019). – Загл. с экрана.

Поступила в редакцию 26.04.2019 г.

MODERN PROJECTS OF ORGANIZATION OF LOCAL SELF-GOVERNANCE IN THE DONBASS: LEGAL MEASUREMENT

This article examines and examines the current laws and draft laws of the Donetsk and Lugansk People's Republics, as well as Ukraine in the field of organization of local self-government. The emphasis is placed on their common value base, reflected in the European Charter of Local Self-Government, as well as on compatibility with the Minsk Agreements and the Complex of Measures for their Implementation in the Part of Local Self-Government. A legal analysis of the project of decentralization of power in Ukraine is underway.

Keywords: Donbass, local government, Minsk agreements, territorial communities, European Charter of Local Government.

Семеняка Яна Николаевна
ассистент кафедры конституционного
и международного права
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: yana.semenyaka@mail.ru

Semenyaka Yana
Assistant of the Department of Constitutional
and International Law of Donetsk National
University
DPR, Donetsk
E-mail: yana.semenyaka@mail.ru

УДК 343.221.5

Семыкина Л. А.

ПОНЯТИЕ СПЕЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В статье проанализированы определения понятий «специальный субъект преступления» и «общий субъект преступления»; определено соотношение признаков специального субъекта, которые являются обязательными для исполнителя (соисполнителя) преступления и не обязательными – для других соучастников; разработаны предложения по совершенствованию понятия специального субъекта преступления

Ключевые слова: субъект преступления, обязательные признаки, дополнительные признаки, специальный субъект преступления, исполнитель преступления.

Становление и успешное развитие государства влечет за собой появление не только социально-экономических, политических, но и определенных юридических проблем. Одной из них является рост преступности, появление новых ее видов, трансформации форм и способов совершения уже известных преступных проявлений, среди которых преступления, совершенные специальными субъектами и специальными субъектами в соучастии с другими лицами. На современном этапе такие преступления получили распространение, характеризуются высоким уровнем общественной опасности и типичностью признаков, представляют собой актуальную и сложную проблему как теории, так и практики борьбы с преступностью.

На разных этапах развития уголовно-правовой науки вопросом определения понятий «субъект преступления», «специальный субъект преступления», уголовно-правовой характеристики их признаков были посвящены исследования многих ученых: А. Н. Трайнин, В. А. Навроцкий, В. Павлов, Н. С. Таганцев, В. М. Трубников, В. В. Устименко, Е. Л. Стрельцов, Н. С. Лейкина, Н. П. Грабовская и др. Вместе с тем, на современном этапе развития уголовно-правовой науки во время обострения проблем борьбы с преступностью в сфере служебной деятельности, появления новелл в уголовном законодательстве, возникает необходимость более тщательного изучения вопроса определения понятия специального субъекта преступления.

Целью статьи является уточнение определения понятия специального субъекта преступления. Эта цель обуславливает постановку и необходимость решения следующих задач: проанализировать определение понятия «специальный субъект преступления» и понятия «общий субъект преступления»; проанализировать и определить соотношение признаков специального субъекта, которые являются обязательными для исполнителя (соисполнителя) преступления и не

обязательными – для других соучастников; разработать предложения по совершенствованию понятия специального субъекта преступления.

Часть 1 статьи 14 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики (далее – УК ДНР) определяет преступление как виновно совершенное общественно опасное виновное деяние, запрещенное Уголовным кодексом под угрозой наказания [1]. Совокупность признаков, характеризующих общественно опасное деяние как преступление, называют составом преступления. Каждый состав преступления содержит в себе четыре обязательных элемента: объект преступления, объективную сторону преступления, субъективную сторону преступления и субъект преступления.

Признавая неразрывную связь объективных и субъективных признаков преступления, наука уголовного права в то же время изучает их отдельно, что нужно для их более глубокого понимания. Такой подход позволяет глубже познать объективную и субъективную стороны преступления, составляющие в реальной действительности единый и неделимый акт преступного поведения.

В составе преступления субъективные признаки охватывают как субъективную сторону, так и субъект преступления. То есть субъект преступления – это один из обязательных элементов состава преступления. В уголовно-правовой литературе советского и постсоветского времени единогласным было мнение, что субъектом преступления является физическое лицо, совершившее преступление и подлежащее уголовной ответственности. Итак, субъект преступления в общем понимании – это лицо, совершившее преступление. В более узком, специальном смысле субъект преступления – это лицо, способное нести уголовную ответственность в случае совершения им умышленного или неосторожного общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом [2, с. 256]. Вообще, по мнению Е. Л. Стрельцова, субъект преступления можно считать основным элементом состава преступления, так как именно субъект совершает виновные, противоправные, общественно опасные деяния, посягающие на объект преступления [3, с. 59].

Из всех многочисленных признаков, характеризующих личность преступника, закон выделяет такие, которые свидетельствуют о его способности нести уголовную ответственность. Действующий Уголовный кодекс не содержит понятия «субъект преступления», но в статье 18 дает его определение: «Вменяемое физическое лицо, достигшего возраста, установленного настоящим Кодексом». Следует отметить, что такое определение субъекта преступления является результатом многолетних исследований науки уголовного права.

Таким образом, признаками, характеризующими субъекта любого преступления являются: 1) физическое лицо; 2) лицо вменяемое; 3) лицо, совершившее преступление в возрасте, с которого может наступать уголовная ответственность. Хотя в литературе указываются и другие признаки субъекта, например: повторность, неоднократность, систематичность, особо опасный рецидивист, специальный субъект [4, с. 29].

Так, В. М. Трубников считает, что для полного и объективного анализа всех сторон, характерных личностных признаков человека, совершившего преступление,

недостаточно только наличия двух признаков – вменяемости и возраста. Для того, чтобы иметь полное и всеобъемлющее представление обо всех сторонах и свойствах этого лица, нужны знания и о его иных психических характеристиках, что особенно важно для установления причин и условий совершения преступления (всех его детерминантов), а также последующего осуществления процесса карательно-воспитательного воздействия [5, с. 112]. Действительно, для установления причин и условий совершения преступления (детерминантов) важно иметь представление о психических характеристиках лица, совершившего преступление, однако, на наш взгляд, это является задачей уголовно-исполнительного права, важным для осуществления уголовно-воспитательной политики. Кроме того, описания в Общей части УК всех возможных психических характеристик личности невозможно, в дополнение такие психические особенности человека, как темперамент и выражение эмоций, у каждого человека разные. Поэтому в уголовном законе законодатель указывает только на те признаки субъекта, которые являются обязательными для любого преступления.

Статья 18 УК ДНР, определяя понятие субъекта преступления в уголовном праве, указывает на его признаки, присущие субъекту преступления в любом случае. Вместе с этим при конструировании значительного количества составов преступлений законодатель, наряду с общими признаками субъекта, указывает на другие признаки, определяющие условия ответственности при совершении конкретных преступлений и, по сути, являются дополнительными признаками субъекта преступления. Субъект преступления, которому, наряду с общими присущи и дополнительные (специальные) признаки, называется специальным субъектом преступления. Соответственно составы таких преступлений носят название «составы преступлений со специальным субъектом».

Признаки специального субъекта всегда дополняют обязательные признаки общего субъекта. Такими признаками являются, например, признаки гражданства для субъекта государственной измены (ст. 320 УК ДНР); признаки должностного лица для субъекта получения взятки (ст. 343 УК ДНР).

Эти дополнительные признаки могут прямо указываться в тексте диспозиции конкретной статьи или непосредственно следовать из текста соответствующей уголовно-правовой нормы. Например, в ч. 1 ст. 356 УК ДНР, предусматривающей ответственность за заведомо незаконное задержание, не указано, кто является субъектом этого преступления. Однако из содержания этой статьи следует, что им могут быть работники правоохранительных органов, наделенные правом задерживать лиц.

В некоторых случаях, признаки специального субъекта могут быть указаны только в части статьи УК, предусматривающей квалифицирующие признаки преступления. Так, по ч. 3 ст. 190 УК ДНР состав легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества может быть квалифицированным, когда это деяние совершается лицом с использованием своего служебного положения, то есть специальным субъектом.

Признаки специального субъекта, дополняя признаки общего субъекта преступления, сужают круг лиц, которые могут подлежать уголовной ответственности.

Как указывалось выше, в плане общего учения о составе преступления признаки специального субъекта являются факультативными (дополнительными). Иное значение эти признаки приобретают в конкретном составе преступления, в котором они предусмотрены. Здесь они являются обязательными наряду с вменяемостью и возрастом уголовной ответственности.

Определение специальных признаков субъекта преступления обусловливается спецификой отдельных составов преступлений, совершение которых возможно исключительно в связи с соответствующим видом человеческой деятельности, которую могут осуществлять не все, а ограниченный круг субъектов.

А. Н. Трайнин правильно указывал, что «признаки, вводимые законом в состав преступления для характеристики субъекта преступления, направлены к следующей цели: законодатель при помощи этих признаков сужает круг лиц, могущих нести уголовную ответственность за определенное преступление или определенную группу преступлений, тем самым утверждая положение, что не всякое физическое вменяемое лицо может быть субъектом данного вида или данного рода преступлений [6, с. 128].

В зависимости от содержания признаки специального субъекта делятся на группы: социально-демографические признаки – пол, возраст виновного, наличие воинского долга (например, уклонение от прохождения военной и альтернативной гражданской службы, ст. 388 УК ДНР). Служебное положение лица – занятие виновным соответствующей должности или выполнения им соответствующих функций в государственной, общественной или коммерческой организации (мошенничество в сфере страхования – ч. 3 ст. 170 УК ДНР; получение взятки – ст. 343 УК ДНР и др.). Профессия виновного – наличие у него соответствующего образования или профессиональных навыков в трудовой или производственной сфере (например, неоказание помощи больному – ст. 125 УК ДНР и др.). Гражданско-правовой статус – гражданство (например, государственная измена, ст. 320 УК ДНР; шпионаж – ст. 321 УК ДНР). Взаимоотношения с потерпевшим – наличие у виновного родственных или иных связей, обуславливающих определенные обязанности или права (например, злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей – ст. 163 УК ДНР и др.). Признаки, характеризующие временный статус лица (ст. 308) (например, отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний – ст. 363 УК ДНР и др.).

Таким образом, как общий, так и специальный субъект преступления имеют следующие обязательные признаки: это физическое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности. Для общего субъекта наличие этих признаков является достаточным, специальный же субъект, помимо указанных, должен иметь и другие признаки, предусмотренные уголовным законом. Законодатель, путем введения признаков специального субъекта преступления сужает сферу распространения нормы, соотнося ее с определенным кругом ответственных лиц, признаки которых указаны в диспозиции конкретно взятой нормы.

Итак, специальный субъект преступления

а) кроме вменяемости и возраста уголовной ответственности, имеет и другие дополнительные юридические признаки;

б) наделен одним или несколькими такими признаками;

в) эти признаки зафиксированы в уголовном законе или прямо вытекают из него;

г) их наличие ограничивает круг лиц, которые могут нести ответственность по закону [7, с. 14].

В юридической литературе высказываются различные точки зрения относительно определения понятия специального субъекта преступления. В. С. Орлов, А. А. Пионтковский, А. М. Лазарев, Г. Н. Борзенков сходятся во мнении, что под специальным субъектом преступления следует понимать лицо, которое наряду с общими признаками субъекта обладает еще и дополнительными. Другие ученые под специальным субъектом преступления предлагали понимать лицо, которое обладает конкретными особенностями, указанными в диспозиции статьи. Данной точки зрения придерживались Н. С. Лейкина, Н. П. Грабовская [8, с. 389]. Следует согласиться с С. А. Андреевым, который указал, что существенным недостатком подобного определения является то, что в нем отсутствует указание на такие обязательные признаки общего субъекта преступления, как вменяемость и достижение возраста уголовной ответственности [9, с. 123].

К. А. Панько специальным субъектом считает «лицо, обладающее, кроме необходимых обязательных признаков (возраст, вменяемость), особыми дополнительными признаками, относящимися как к позитивной, так и к негативной деятельности субъекта, и ограничивающими возможность привлечения его к уголовной ответственности за совершение данного преступления» [10, с. 32].

Анализируя вышеуказанные определения специального субъекта, следует указать на то, что в нормах Особенной части УК признаки специального субъекта касаются только исполнителя преступления. Общее понятие субъекта преступления охватывает не только исполнителя, но и других соучастников преступления. Не существует преступлений, субъектом которых может быть только определенное лицо – есть преступления, исполнителем которых может быть только определенное лицо [1, с. 405]. Таким образом, признаки специального субъекта являются обязательными для исполнителя (соисполнителя) преступления и не обязательными – для других соучастников.

Таким образом, с учетом различного подхода ученых к определению понятия специального субъекта предлагается следующее определение: «Специальным субъектом преступления является физическое вменяемое лицо, совершившее в возрасте, с которого может наступать уголовная ответственность, преступление, исполнителем которого может быть только лицо, дополнительные признаки которого определяются или вытекают из содержания соответствующей статьи Особенной части Уголовного кодекса».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики с изменениями, внесенными Законом от 23.09.2014 № 35-1/1 (утвержден Постановлением Верховного Совета Донецкой Народной Республики № ВС 28-1 от 19.08.2014) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo->

- soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/ (дата обращения: 01.03.2018). – Загл. с экрана.
2. Курс уголовного права. Общая часть: учебник для вузов / под ред. докт. юрид. наук, проф. Н.Ф. Кузнецовой и канд. юрид. наук, доц. И.М. Тяжковой. – Т. 1: Учение о преступлении. – М.: ЗЕРЦАЛО, 1999. – 592 с.
3. Стрельцов, С. Л. Специальный субъект злочину у новому Кримінальному кодексі України / С. Л. Стрельцов // Новий Кримінальний кодекс України: Питання застосування і вивчення: Матер. міжнар. наук.-практ. конф. Харків, 25–26 жовтня 2001 р. / редкол.: Сташис В.В. та ін. – К.–Х.: Юрінком Інтер, 2002. – С. 59–61.
4. Лейкина, Н. С. Личность преступника и уголовная ответственность / Н. С. Лейкина. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. – 298 с.
5. Трубников, В. М. Нове про суб'єкт злочину / М. В. Трубников // Вісник національного університету внутрішніх справ: Спецвипуск. – Х.: НУВС, 2002. – С. 110–117.
6. Трайнин, А. Н. Избранные труды / А. Н. Трайнин // Серия «Антология юридической науки». – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. – 898 с.
7. Устименко, В. В. Специальный субъект преступления / В. В. Устименко. – Х.: Вища школа, 1989. – 104 с.
8. Лейкина, Н. С. Курс советского уголовного права. Общая часть. Т. 1. / Н. С. Лейкина, Н. П. Грабовская. – 1968. – 648 с.
9. Андреев, С. А. Специальный субъект преступления / С. А. Андреев // Вестник Омской юридической академии. – 2012. – № 2(19). – С. 122–125.
10. Панько, К. А. Признаки специального субъекта. Уголовное право / К. А. Панько. – М., 2001. – №3.
11. Навроцький, В. О. Основи кримінально-правової кваліфікації: навч. посібник / В. О. Навроцький. – К.: Юрінком Інтер, 2006. – 704 с.

Поступила в редакцію 27.03.2019 г.

THE CONCEPT OF A SPECIAL SUBJECT OF CRIME

Determinations of concepts «the special subject of crime» and «general subject of crime» are analysed in the article; correlation of signs of the special subject, that are obligatory for the performer of crime and not obligatory, is certain – for other accomplice; worked out suggestion on perfection of concept of the special subject of crime

Keywords: subject of crime, obligatory signs, additional signs, special subject of crime, performer of crime.

Семькина Людмила Александровна
кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного права и процесса
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: semikina1128@mail.ru

Semykina Lyudmila
Candidate of Law, Associate Professor of the
Department of Criminal Law and Procedure
of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: semikina1128@mail.ru

УДК 347.2/3

Степанова Ю. С.

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ

В статье поднимается проблема содержания права собственности, в частности ставится вопрос о целесообразности и обоснованности определения дефиниции субъективного права собственности посредством перечисления трех отдельных правомочий. Автором проводится анализ соответствующих положений, как римского права, так и современного отечественного гражданского права. Делается вывод, об отсутствии практической ценности «классической триады».

Ключевые слова: право собственности, правомочия собственника, владение, пользование и распоряжение.

Дискуссии относительно содержания права частной собственности, в которых принимали участие первоклассные юристы дореволюционной России (Г. Ф. Шершеневич, И. А. Поровский); советские ученые (А. В. Венедиктов, О. С. Иоффе) и отечественные ученые-современники (А. В. Дзера, Я. М. Шевченко, О. В. Розгон и др.) указывают с одной стороны на важность вопроса, с другой – на трудность его решения, в силу чего, данный спор, как в отечественной, так и в зарубежной цивилистике по праву можно отнести к категории *ewigen Controversen*.

Прежде всего, следует отметить, что в цивилистике термин «право частной собственности» употребляется в объективном и субъективном смысле. В первом случае, речь идет о комплексном, многоотраслевом институте, значительная часть норм которого имеет гражданско-правовую природу и закрепляет, регулирует и защищает принадлежность материальных благ субъектам частного права. Рассматривая право частной собственности в субъективном смысле, следует опираться на соответствующее общетеоретическое определение, конкретизированное с учетом специфики данной категории.

Право частной собственности, как и любое другое субъективное право, является возможностью, мерой определенного поведения, разрешенного законом управомоченному лицу – собственнику в отношении принадлежащего ему имущества, содержание которого традиционно в отечественной юридической науке раскрывается с помощью триады основных правомочий – право владения, пользования и распоряжения.

Так, О. В. Дзера, приводя определение данной категории, отмечает, что это «предусмотренное и гарантированное законом право собственника-гражданина осуществлять владение, пользование и распоряжение и другие важные правомочия

в отношении принадлежащего ему имущества по своему усмотрению и с любой целью, если иное не предусмотрено законом» [1, с. 8–9].

Близка к указанной точке зрения и позиция Н. С. Кузнецовой, которая считает правом частной собственности закрепленную в соответствующих нормах права возможность собственника владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащим ему имуществом по своему усмотрению в пределах, предусмотренных законом [2, с. 241], а также многих других известных ученых прошлого и современной цивилистики.

По этому поводу возникает уместный вопрос – исчерпываются ли правомочиями триады объем гарантированных собственнику законом имущественных возможностей и насколько целесообразно, определяя данную категорию, ссылаться на владение, пользование и распоряжение, поскольку в свое время еще академик А. В. Венедиктов подвергал критике определение с применением указанной триады, считая, что она (триада) «не выражает ни сущности, ни объема права собственности» [3, с. 13–22].

Убедительность аргументации сторонников указанной точки зрения свидетельствует в пользу ее справедливости, поскольку очевидно, что весь комплекс правомочий собственника отдельно, или вместе, может принадлежать и собственнику – в частности правом владения чужой вещью наделен депозитарий; правами владения и пользования – наниматель; владения и распоряжения – комиссионер, возможности которых урегулированы нормами обязательственного права; а введение ограниченных вещных прав создает аналогичную ситуацию на основании норм вещного права. Поэтому в любом случае, даже если владельцу оставлен только правовой титул, номинальное право – *nudum ius* как определяли его римляне (Gai.I.2.4.4), его юридические возможности сокращены до минимума, а правомочия приближены к нулевому объему, правовая природа самого титула по исторической традиции остается прочной и юридически бесспорной.

В римском праве, как отмечает В. А. Савельев, «квиритский владелец, имея *nudum ius*, сохранял свой статус, даже когда лишался реальных правомочий» [4, с. 104], ведь за ним оставалась возможность «общего господства» над имуществом, практическое значение которого заключалось в способности объема правомочий к самовосстановлению *ipso iure*, то есть без совершения каких-либо фактических или юридических действий, только при условии прекращения «конкуренции других вещных прав (или по снятии законодательных ограничений)» [5, с. 341].

Например, если субъект узурфрукта отказывался от дальнейшего его использования, то обремененное им имущество не получало статуса бесхозяйственного и юридическая и фактическая возможности реализации соответствующих правомочий возвращались к собственнику, лишая принадлежащее ему право ограничений и воспроизводя последнее в первоначальном абсолютном объеме. Способность права к самовосстановлению в виде права консолидации, признавалась и римскими юристами (Gai.I.2.4.4; Paul.D.13.7.18.1), современной же цивилистической и романистической литературе для ее характеристики используется термин – принцип эластичности собственности [3, с. 15; 5, с. 341].

Таким образом, определение права собственности посредством указания на вариативность правомочий собственника означает отрицание существования указанного принципа, что видится ошибочным, ведь свойство права приобретать изъятые элементы свидетельствует о невозможности построения дефиниции субъективного права собственности как набора отдельных правомочий – владения, пользования, распоряжения. Понятно, что использование указанного подхода в полной мере не раскрывает реального содержания исследуемой категории, а потому при ее характеристике предлагаем наряду с триадой применять указание на возможность совершения владельцем в рамках закона и других действий в отношении принадлежащего ему имущества.

Вышеприведенные факты сводят таким образом на «нет» в избытке распространенные в историко-юридической литературе попытки ученых доказать историческую взвешенность триады и ее возникновение в римском праве. Действительно, в первоисточниках в контексте толкования отдельных собственнических казусов, не трудно найти указания на отдельные правомочия: *uti, frui, habere, possedere* или *ius utendi, fruendi et abutendi*, построенные по принципу исчерпывающего перечня, однако они употреблены в различных, часто взаимоисключающих значениях. Так, терминам «*mancipium, possessio usufructus, usufructus, dominium*» отвечали правомочия владения; владения, связанного с использованием; собственности, неполной собственности» [6, с. 25].

Кроме того, как отмечает Д. В. Дождев, формула «*ius utendi et abutendi re sua*» («право пользоваться и злоупотреблять своей вещью»), служившая с легкой руки средневековых юристов определением права частной собственности была выведена путем искажения слов Ульпиана (D. 5.3.25.11) о добросовестных владельцах, отвечающих по иску об истребовании наследства [5, с. 341].

Интересно, что попытки классического юриста Юлия Паула разложить содержание права собственности на составляющие, оспаривалось его современником Домицием Ульпианом, отрицающего любые попытки вычленения отдельных элементов права собственности и отмечал единство господства лица над вещью [7, с. 179].

Вместе с тем сторонники есть у каждой их указанных позиций: вслед за Павлом выделять элементы-правомочия права собственности предпринимали попытку, например, В. В. Ефимов, Л. Б. Дорн, из современников – А. А. Пидопригора, А. И. Косарев и др.; на нецелесообразности разделения настаивали Г. Ф. Пухта, Д. В. Дождев и др. В частности, А. А. Пидопригора отмечал, что в состав права собственности входят *ius possidendi* – право владения, *ius utendi et fruendi* – пользование вещью с получением плодов от нее, *ius disponendi* – распоряжение и *ius vindicandi* – право истребования имущества из чужого незаконного владения [8, с. 130].

В. В. Ефимов, приводя собственную классификацию, счел нужным разделить права на присущие только собственнику и способные передаваться другому лицу, отнеся к первой категории *ius disponendi de substantia* – право распоряжения, связанное с возможностью изменения сущности вещи; *ius alienandi* – право отчуждения (в форме передачи вещи, отказа и допущения чужого влияния); *ius*

vindicandi – право защиты собственности; ius prohibendi – право возражения постороннего пользования; а вторую группу составив из: ius possidendi – права владения; ius utendi salva rei substantia – пользование с сохранением целостности субстанции; ius fruendi – право на получение плодов и имущественных приращений [9, с. 300]. Е. О. Харитоновым и И. О. Харитоновой наоборот отмечена возможность довольно приблизительного определения права собственности в Древнем Риме как максимально полного господства лица над вещью, дополненного правом определения юридической и физической судьбы последней [10, с. 80].

Доминирующее значение для доктринальной характеристики содержания права собственности постепенно приобрела все же тенденция обобщенного подхода, кратко выраженного Гаем как «plena in re potestas» – полная власть над вещью (Gai.I.2.30). Вместе с тем, отсутствие в первоисточниках четкого определения и понятного разъяснения сущности права собственности, стало началом его «расщепления» посредством перечисления отдельных прав (правомочий) личности по отношению к вещи. Поэтому возможно с уверенностью сказать, что римское частное право не передало средневековью ни понятия собственности как совокупности отдельных правомочий, ни тем более идеи триады – творение европейской средневековой юриспруденции.

Анализ исторических условий имплементации концепции триады в законодательство Российской империи натолкнул А. А. Рубанова к выводу о почти случайности ее внедрения ст. 420 т. X ч. 1 Свода законов 1832 г., связанной с попыткой М. Сперанского приспособить либеральную модель Гражданского кодекса Франции 1804 г. к условиям тогдашней России [11, с. 105]. По мнению Е. О. Суханова, триада как содержание права собственности свойственна только отечественному правопорядку [12, с. 21]. Действительно, согласно §903 Германского гражданского уложения 1896 г. «Собственник вещи может, если ему не препятствуют закон или права третьих лиц, распоряжаться ею по своему усмотрению и устранять любое постороннее вмешательство» [13, с. 206]; ст. 947 Гражданского кодекса канадской провинции Квебек 1991 г. «собственность есть право свободного и безраздельного пользования и распоряжения имуществом» [14, с. 161].

Исследователями же англо-американского права в свою очередь насчитано в нем от 6 до 12 различных правомочий – в частности, английским юристом В. Харном важнейшими среди них определено право владения, пользования, производства, распоряжение при жизни и на случай смерти, право на расточительство и на возражения вмешательства любых лиц в имущественную сферу собственника [15, с. 218], а А. Оноре найдены 11 элементов: право владения, пользования, управления, отчуждения, расточительства, право прохода, безопасности, передачи, право запрета использования вещи в ущерб другим, возможность изъятия ее за долги и остаточную правомочность, необходимую для обеспечения восстановления нарушенного права [1, с. 101–147].

Исходя из вышесказанного, есть все основания утверждать о нецелесообразности и необоснованности определения дефиниции субъективного права собственности посредством перечисления трех отдельных правомочий, ни

по римскому, ни по современному отечественному гражданскому праву. Таким образом, использование триады для конкретизации содержания предоставленных собственнику возможностей не выполняет поставленной задачи, что свидетельствует об отсутствии практической ценности триады, одновременно оставляя вопрос поиска доминирующего критерия для характеристики сущности права собственности открытым. Считаем, последний должен иметь характерную черту – основание для отделения исследуемого явления среди других, аналогичных по юридической природе прав, а потому его следует искать в плоскости разграничения подобных категорий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дзера, О. В. Розвиток права власності громадян в Україні: монографія / О. В. Дзера. – К.: Вентурі, 1996. – 272 с.
2. Цивільне право: підручник для студентів юрид. вузів та факультетів / Д. В. Боброва, О. В. Дзера, Н. С. Кузнецова, О. А. Підпригора. – Ч. 1. – К.: Вентурі, 1997. – 544 с.
3. Венедиктов, А. В. Государственная социалистическая собственность / А. В. Венедиктов. – М., Л.: ЛГУ, 1948. – 839 с.
4. Савельев, В. А. Римское частное право (проблемы истории и теории) / В. А. Савельев. – М.: Юрист, 1995. – 175 с.
5. Дождев, Д. В. Римское частное право: учебник для вузов / под ред. члена-корр. РАН, проф. В. С. Нерсесянца. – М.: Издательская группа ИНФРА М – НОРМА, 1996. – 704 с.
6. Смирин, В. М. Римская familia и представления римлян о собственности: В кн.: Быт и история античности / отв. ред. Г. С. Кнабе. – М.: Наука, 1988. – 272 с.
7. Римское частное право: учебник / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. – М.: Юристъ, 1994. – 544 с.
8. Подопригора, А. А. Основы римского гражданского права: учеб. пособие для студентов юрид. вузов и факультетов. – 2-е изд., перераб. – К.: Вентри, 1995. – 288 с.
9. Ефимов, В. В. Догма римского права: лекции / В. В. Ефимов. – СПб., 1894. – 640 с.
10. Харитонов, С. О. Рецепції приватного права: парадигма процесу / С. О. Харитонов, І. О. Харитонova. – Кіровоград: Єлисавет, 1999. – 342 с.
11. Рубанов, А. А. Проблемы совершенствования теоретической модели права собственности // В кн.: Развитие советского гражданского права на современном этапе / отв. ред. В. П. Мозолин. – М.: Наука, 1986. – С. 195–234.
12. Суханов, Е. А. Лекции о праве собственности / Е. А. Суханов. – М.: Юрид. лит., 1991. – 240 с.
13. Германское право. Ч. 1: Гражданское Уложение / Серия: Современное зарубежное и международное частное право. – М.: Международный центр финансово-экономического развития, 1996. – 552 с.
14. Гражданский кодекс Квебека = Code civil du Quidbec / науч. ред. и авт. предисл.: О. М. Козырь, А. А. Маковская; авт. введ.: Джон Е. К. Брайерли. – М.: Статут, 1999. – 470 с.
15. Советское и иностранное гражданское право (проблемы взаимодействия и развития) / В. В. Безбах, М. И. Кулагин, В. П. Мозолин; отв. ред. В. П. Мозолин. – М.: Наука, 1989. – 335 с.

Поступила в редакцию 05.05.2019 г.

TO THE QUESTION OF THE CONTENT OF OWNERSHIP

The article raises the problem of the content of property rights, in particular, raises the question of the appropriateness and validity of the definition of a definition of subjective property rights by listing three separate powers. The author analyzes the relevant provisions of both Roman law and modern Russian civil law. It is concluded that there is no practical value of the «classical triad».

Keywords: ownership, powers of the owner, possession, use and disposal.

Степанова Юлия Сергеевна

старший преподаватель кафедры теории
и истории государства и права
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: julias.stepanova@yandex.ru

Stepanova Julia

Senior Lecturer at the Department of Theory
and History of State and Law of Donetsk
National University
DPR, Donetsk
E-mail: julias.stepanova@yandex.ru

УДК 341.3

Тимофеева А.А.

ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ ПРИНЦИПЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА

В данной статье рассмотрены основополагающие принципы международного гуманитарного права, различные подходы к их классификации с учетом научных исследований и положений международно-правовых актов. Выявлены некоторые проблемы систематизации принципов международного гуманитарного права.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, основополагающие принципы, принцип проведения различия, запрещение причинения излишних страданий, принцип соразмерности.

Для любой отрасли права, в том числе и для международного, центральное место занимают принципы, определяющие исходные начала.

В совокупности принципы международного права выступают регулятором общественных отношений на межгосударственном уровне, выражают основополагающие правила поведения участников, находящихся в сфере регулирования норм международного права [1, с. 33].

Особое значение принципы приобретают в условиях вооруженных конфликтов, как основные начала правового регулирования рассматриваемой сферы общественных отношений в сфере начала и окончания войны, правил ее ведения. Без учета принципов не могут быть поняты и использованы в полной мере смысл и назначение конкретных правил ведения войны [2, с. 110].

Таким образом, целью статьи является рассмотрение проблематики систематизации принципов международного гуманитарного права (далее – МГП) на основе изучения и анализа основных научных подходов к классификации основополагающих принципов международного гуманитарного права с учетом положений международно-правовых актов.

В разное время проблему классификации основополагающих принципов международного гуманитарного права в той или иной степени в своих работах затрагивали такие ученые как И. И. Котляров, Р. С. Лейендеккер, С. И. Леншин, А. И. Полторак, Л. И. Савинский и др. Следует отметить особый вклад в формирование принципов таких известных ученых как Ф. Ф. Мартенса и Ж. Пикте.

Несмотря на бесспорное значение принципов в условиях вооруженных конфликтов, до сих пор отсутствует единая и четкая систематизация принципов международного гуманитарного права. Более чем за столетний период было разработано и принято множество международно-правовых актов, регулирующих отношения между государствами в период вооруженного конфликта.

© Тимофеева А. А., 2019

Впервые основополагающие принципы были установлены в Санкт-Петербургской декларации об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль 1868 года, которые стали основой для всего последующего международно-правового регулирования ведения военных действий. К ним относятся:

1) Принцип проведения различия, исключаящий любые нападения на гражданское население и любые неизбирательные нападения.

2) Запрещение причинения излишних страданий. Согласно формулировке Санкт-Петербургской декларации «употребление такого оружия, которое по нанесении противнику раны без пользы увеличивает страдания людей, выведенных из строя, или делает их смерть неизбежною, должно признавать не соответствующим упомянутой цели».

3) Принцип соразмерности, который нацелен на запрещение действий, способных повлечь разрушения или человеческие потери, которые не соответствуют цели ослабления военных сил неприятеля – не продиктованы настоятельной военной необходимостью или чрезмерны по отношению к конкретному и непосредственному военному преимуществу, которое предполагается таким образом достичь [4, с. 4].

В настоящее время основополагающие принципы Санкт-Петербургской декларации рассматриваются в качестве норм обычного международного гуманитарного права [5, с. 3–10, 303–312, 348–350].

Основополагающие принципы Санкт-Петербургской декларации тесно связаны с «оговоркой Мартенса», текст которой был включен в Конвенцию о законах и обычаях сухопутной войны, принятой в 1899 году на Первой Гаагской мирной конференции.

Оговорка содержит следующий текст: «Впредь до того времени, когда представится возможность издать более полный свод законов войны, Высокие Договаривающиеся Стороны считают уместным засвидетельствовать, что в случаях, не предусмотренных принятыми ими постановлениями, население и воюющие остаются под охраной и действием начал международного права, поскольку они вытекают из законов человечности и требований общественного сознания» [6].

Оговорка Мартенса, сформировав главную идею системы права вооруженных конфликтов, служит фундаментом для формирования многих его основных принципов и одновременно определяет тенденции развития данной правовой системы [2, с. 118–120, 129].

В Консультативном заключении от 08.07.1996 г. Международный суд указал, что главными принципами, содержащимися в текстах, составляющих основу МГП, являются следующие:

а) защита гражданского населения и гражданских объектов, различие между комбатантами и некомбатантами; гражданское население никогда не должно быть объектом нападения, и соответственно недопустимо применение оружия, которое своим действием охватывает не только военные, но и гражданские объекты;

б) запрещение причинения излишних страданий комбатантам; соответственно запрещено применение оружия, причиняющего им такие страдания или бессмысленно усиливающего их страдания [7, с. 509–514].

В юридической литературе также встречается различный подход к классификации принципов международного гуманитарного права.

В зависимости от сферы распространения некоторые авторы выделяют:

– общеправовые принципы: справедливость, гуманизм, демократизм, сочетание убеждения и принуждения;

– межотраслевые принципы (если проявляются признаки нескольких отраслей права): неотвратимость ответственности должностных лиц государств, физических лиц за нарушение норм международного гуманитарного права; принцип состязательности и гласности при рассмотрении вопросов международных военных преступлений, преступлений против человечества;

– отраслевые принципы: принцип гуманности, принцип недопустимости дискриминации, принцип ответственности за нарушение норм международного права, принцип ограничения воюющих в выборе средств и методов вооруженной борьбы, принцип разграничения объектов на военные и гражданские при планировании боевых ударов по целям, принцип защиты участников вооруженной борьбы (комбатантов и некомбатантов), принцип обеспечения безопасности, защиты, гуманитарной помощи гражданскому населению [8, с. 23].

Учитывая особенности предмета правового регулирования международного гуманитарного права, помимо уже перечисленных принципов, таких как: защита жертв войны; ограничение воюющих в выборе методов и средств ведения войны; защита гражданских объектов – дополнительно вводится принцип охраны окружающей среды [3, с. 17].

Некоторые ученые видят систему принципов следующей:

– принцип гуманности как центральный принцип системы, обеспечивающий ее логическую завершенность и связывающий все принципы воедино. Все остальные принципы по существу являются его конкретизацией;

– принцип недопустимости применения варварских и бесчеловечных средств ведения вооруженной борьбы, или принцип ограничения воюющих в выборе средств и методов ведения войны;

– принцип защиты гражданского населения и гражданских объектов;

– принцип военной необходимости;

– принцип ответственности участников вооруженных конфликтов за военные преступления [9, с. 36].

Несмотря на различные подходы к вопросу классификации принципов международного гуманитарного права, многие авторы сходятся во мнении, что наиболее правильной представляется классификация, предложенная Ж. Пикте, согласно которой принципы международного гуманитарного права в период вооруженных конфликтов делятся по содержанию на следующие:

– основополагающие, которые должны соблюдаться безусловно и при любых обстоятельствах;

– общие (основные), которые связаны с соблюдением и защитой прав человека – его права на жизнь, физическую и психологическую неприкосновенность;

– запрет пыток, унижительного и бесчеловечного обращения; специальные принципы в отношении жертв вооруженных конфликтов и ведения военных действий [10].

Безусловно, можно согласиться с данной классификацией, но с той лишь оговоркой, что принципы должны быть указаны содержательно в более подробном варианте, чтобы не создавать в дальнейшем сложностей по правоприменению.

Учитывая вышеизложенное, порядок систематизации принципов можно свести в формулу, предложенную Э. Давидом: не нападать на кого попало, на что попало и как попало [11, с. 268]. Т.е. принципы международного гуманитарного права, применяемые в период вооруженных конфликтов можно разделить на три группы:

1. Общие принципы.

2. Принципы, регулирующие средства и методы вооруженной борьбы.

3. Принципы защиты участников вооруженной борьбы, а также гражданского населения.

Немаловажным в установлении принципов являются положения о том, что принципы международного гуманитарного права должны соответствовать общепризнанным принципам общего международного права, которые содержатся в Уставе ООН, Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, 1970 г. и в Заключительном акте Хельсинкского Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. [3, с. 16].

Отсутствие единого подхода к систематизации основополагающих принципов международного гуманитарного права можно объяснить несколькими причинами: стремительное и постоянное развитие научно-технического прогресса и, следовательно, международного гуманитарного права; заимствование принципов МГП из различных отраслей права; расширение сферы действия МГП [12, с. 17].

Считаем, что для решения этой проблемы необходимо, прежде всего, кодифицировать уже существующие принципы международного гуманитарного права, которые прошли апробацию временем и отдельными ситуациями. Это в конечном итоге явилось бы значительным вкладом в его прогрессивное развитие, способствовало бы демократизации и гуманизации международных отношений [3, с. 19].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тункин, Г. И. Право и сила в международной системе / Г. И. Тункин. – М.: Международные отношения, 1983. – 200 с.
2. Полторак, А. И. Вооруженные конфликты и международное право: Основные проблемы / А. И. Полторак, Л. И. Савинский; [Предисл. чл.-кор. АН СССР, засл. деят. науки РСФСР Г. И. Тункина]; АН СССР, Ин-т государства и права. – М.: Наука, 1976. – 416 с.
3. Международное гуманитарное право: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / [С. С. Маилян и др.]; под ред. И. И. Котлярова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. – 271 с.
4. Маммадов, У. Санкт-Петербургская декларация и оговорка Мартенса – вклад России в формирование принципа гуманности // Материалы круглого стола «Вклад России в формирование МГП и идей гуманности: исторические, правовые, дипломатические и культурные аспекты» 18 мая 2018, Гуманитариум, Москва. – С. 1–9.
5. Обычное международное гуманитарное право: пер. с англ. / Международ. ком. Крас. Креста. – М.: Международ. ком. Крас. Креста, 2006. – Т. 1: Нормы / Ж.-М. Хенкертс,

- Л. Досвальд-Бек; при уч. К. Алверман, К. Кермана, Б. Ролла. – 2006 – 818 с. / Электрон. версия печ. публикации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elibrary.tsutmb.ru/dl/docs/elib45.pdf> (дата обращения 28.02.2019). – Загл. с экрана.
6. Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны // Международное право и права человека [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.memo.ru/prawo/hum/haag07-1.htm> (дата обращения 28.02.2019). – Загл. с экрана.
7. Лейендеккер, Р. С. Международное гуманитарное право. LEYENDECKER R.S. In tema di diritto internazionale umanitario / Р. С. Лейендеккер // Nuova antologia. – Firenze, 1999. – А. 134, № 2210. – Р. 509–514.
8. Леншин, С. И. Правовой режим вооружённых конфликтов и международное гуманитарное право: монография. Серия «Право в Вооруженных Силах – консультант» / С. И. Леншин. – М.: «За права военнослужащих», 2009. – Вып. 94. – 240 с.
9. Капустин, А. Я. Международное гуманитарное право: учеб. пособие / А. Я. Капустин, Е. В. Мартыненко. – М.: Изд-во Ун-та дружбы народов, 1991(1992). – 77 с.
10. Пикте, Ж. Развитие и принципы международного гуманитарного права: Курс, прочит. в июле 1982 г. Жаном Пикте в Страсбург. ун-те в рамках информ. сес., орг. Междунар. ин-том прав человека: [перевод]. – Б. м.: Б. и., 1994. – 127 с.
11. Давид, Э. Принципы права вооруженных конфликтов: Курс лекций, прочитанных на юридическом факультете Открытого Брюссельского университета. – М.: Международный Комитет Красного Креста, 2011. – 1144 с.
12. Пустогаров, В. В. Международное гуманитарное право / В. В. Пустогаров. – М.: Институт государства и права Российской Академии наук, 1997. – 55 с.

Поступила в редакцию 31.05.2019 г.

FUNDAMENTAL PRINCIPLES OF INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW

This article describes the fundamental principles of international humanitarian law, different approaches to their classification, taking into account scientific research and the provisions of international legal acts. Some problems of systematization of the principles of international humanitarian law are revealed.

Keywords: international humanitarian law, fundamental principles, principle of distinction, prohibition of unnecessary suffering, principle of proportionality.

Тимофеева Анна Анатольевна
старший преподаватель кафедры
конституционного и международного права
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: aries_a@rambler.ru

Timofeeva Anna
Senior Lecturer, Department of Constitutional
and International Law of Donetsk National
University
DPR, Donetsk
E-mail: aries_a@rambler.ru

УДК 343.2

Тимошенко Н. А.
Герасименко В. К.

ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ЕГО ВИДЫ

В данной статье рассмотрена роль объекта преступления как элемента состава преступления, а также важность его установления при квалификации преступления для правомерного привлечения преступника к уголовной ответственности. Так же рассмотрены различные определения понятия объекта преступления и его видов, приведенных авторами в научной литературе.

Ключевые слова: объект преступления, состав преступления, уголовная ответственность, виды объекта преступления, общественные отношения, права и свободы.

В современном обществе взаимоотношения людей требуют определенного регулирования со стороны государства, чтобы права и интересы одного человека не нарушали права и интересы другого. Таким образом, государство в целях защиты общественных отношений использует свой аппарат и создает определенные рамки, за нарушение которых предусматриваются меры государственного принуждения. В Конституции Донецкой Народной Республики, закреплены наиболее важные права и свободы, принадлежащие каждому человеку и гражданину и подлежат уголовно-правовой защите, а так же содержится в нормах Особенной части Уголовного кодекса.

Каждое общественно опасное деяние признается преступлением только при наличии всех признаков состава преступления. Эти признаки принято делить на объективные и субъективные, в зависимости от того отражают ли они внешнюю или внутреннюю сторону преступления соответственно. Всего в состав преступления входят четыре элемента: объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона. Признаки состава преступления указывают на отличительные особенности каждого состава и позволяют ограничивать их друг от друга. Признаки состава преступления находят свое закрепление в диспозициях норм Особенной части Уголовного Кодекса Донецкой Народной Республики.

Состав преступления – это совокупность всех элементов характеризующих конкретное деяние как преступление. Элементы состава преступления между собой тесно взаимосвязаны и лишь при наличии их всех образуют юридическое основание уголовной ответственности на что указывает ст. 8 УК ДНР, которая гласит, что «Основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим кодексом» [1, с. 3]. Отсутствие в содеянном хотя бы одного из указанных элементов,

приводит к отсутствию состава преступления в целом, а значит и к отсутствию основания уголовной ответственности.

В научной литературе авторы приводят множество трактовок определений объекта преступления, например:

«Объект преступления – это тот, против кого совершается преступление, то есть отдельное лицо или некое множество лиц, материальные или нематериальные ценности которых, будучи поставленными под уголовно-правовую охрану, подвергаются преступному воздействию, в результате чего этим лицам причиняется вред или создаётся угроза причинения вреда» [2, с. 212–213].

«Объект преступления – это общественные отношения, регулируемые уголовным законом, обеспечивающие охрану социально значимых благ (ценностей, интересов), на которые посягает лицо, совершающее преступление, и которым в результате его совершения причиняется или может быть причинён существенный вред» [3, с. 202–203].

«Объект преступления – это то, на что приходится удар, нанесённый субъектом преступления, то, чему причиняется вред его преступным деянием» [4, с. 381];

«Объект преступления – это то, на что посягает лицо, совершающее преступное деяние, и чему причиняется или может быть причинён вред в результате преступления» [5, с. 156];

«Объект преступления – это охраняемые уголовным законом социально значимые ценности, интересы и блага, на которые посягает преступление и которым в результате его совершения причиняется или может быть причинён вред» [6, с. 142].

В целом, преступление, в какой бы форме оно не выразилось, всегда направленно на причинение либо угрозе причинения вреда интересам и общественным благам. Исходя из этого, следует, что объектом преступления является совокупность охраняемых уголовным законом общественных отношений, на которое направлено преступное посягательство, причиняющее или создающее угрозу причинения им вреда. Сам же объект преступления является обязательным элементом любого преступления, без которого совершенное деяние не может быть преступным, так как не посягает на те общественные отношения, которые охраняются уголовным законом. Исходя из объекта преступления оценивается общественная опасность совершенного деяния и чем ценнее блага и общественные интересы, на которые посягает преступник, тем выше степень общественной опасности содеянного.

Объект преступления имеет важное значение для того чтобы привлечь преступника к уголовной ответственности по определенной статье УК ДНР, так важно правильно установить, какому именно объекту был нанесен вред преступным деянием либо была угроза совершения такого вреда. Правильно определение объекта преступления дает основание для установления юридической природы конкретного преступления и в некоторых случаях имеет важное значение для разграничения сходных между собой преступлений и их правильной квалификации. Так же значение объекта преступления определяется важностью ограничения преступных деяний от иных правонарушений. Для этого необходимо установить

охраняется ли то общественное отношение, которому был причинен вред или была угроза причинения такого вреда, уголовно-правовой нормой или нет. В том случае, если в УК ДНР отсутствует конкретная норма, охраняющая отношение, на которое было направлено посягательство, то данное деяние нельзя признать преступлением.

Обязательным при квалификации преступного деяния по соответствующей статье Особенной части Уголовного кодекса является правильность установления объекта преступления. Уголовным законодательством строго установлен перечень личных и общественных интересов, а так же благ, которые подлежат защите.

В статье 2 УК ДНР обозначены задачи уголовного кодекса, исходя из которых, в целом указан перечень общих объектов преступления, охраняемых уголовным законодательством. А именно, к объектам преступления относятся: личность, права и свободы человека гражданина, собственность, общественный порядок и общественная безопасность, окружающая среда, конституционный строй, мир и безопасность человечества.

Объект преступления подразделяется на общий, родовой, видовой и непосредственный.

Общий объект – это совокупность всех общественных отношений, благ и интересов, которые охраняются уголовном законодательством. Такой вид конкретизируется путем определения родового и непосредственного объекта. Общий объект преступления является единым для всех преступлений. Если посягательство не имеет какой-либо части общего объекта, не может быть ни его родового, ни видового объекта, а значит, будет отсутствовать и само преступление. Значение общего объекта преступления состоит, прежде всего, в том, что он определяет сущность уголовно-правовой политики по противодействию преступности, четко указывает, какие именно общественные отношения находятся под охраной уголовного закона [7, с. 11].

Родовой объект – это группа схожих между собой, однородных, взаимосвязанных общественных отношений, обладающих связью и защищаемая уголовным законодательством. Родовые объекты преступления, посягающие на однородные общественные отношения объединяются в соответствующие разделы и главы Особенной части Уголовного кодекса ДНР. И если общий объект является сложным, составным, то каждая его часть представляет собой отдельный родовой объект: общественные отношения в сфере охраны прав и свобод человека и гражданина, в сфере охраны собственности, в сфере охраны общественного порядка и общественной безопасности, в сфере охраны окружающей среды, в сфере охраны конституционного строя, мира и безопасности человечества [7, с. 11].

Видовой объект преступления соотносится с родовым как часть с целым, без которой не может быть общего представления о деянии. Так, представления о личности неразрывно связаны как с её биологической (жизнь, здоровье), так и с духовной сущностью, мировоззрением, составными частями которых являются честь, достоинство, свобода, личная неприкосновенность, и без этих духовных ценностей не может быть целостного представления о личности. К тому же они относятся к числу неотъемлемых прав и свобод человека [7, с. 13]. Исходя из изложенного, видовой объект – это совокупность общественных отношений

входящих в состав родового объекта и отражающих сторону функционирования родового объекта.

Непосредственный объект состава – это конкретное общественное отношение, интерес или благо, охраняемое уголовным законодательством, на которое непосредственно направлено преступное посягательство, в результате чего ему причиняется вред либо создаётся угроза причинения такого вреда.

Каждому преступлению присущ свой непосредственный объект, «Непосредственный (индивидуальный) объект преступления (охраны) — это предусмотренное уголовным законом социально значимое конкретное общественное отношение (отношения), которое охраняется уголовным законом от отдельных видов преступных посягательств, выраженных в уголовно-правовых нормах посредством конкретных составов преступлений» [8, с. 19].

Соотношение видового и непосредственного объекта определяется следующим образом: «Видовым объектом является тот объект, на который посягает преступление отдельного вида (убийство, хищение, оскорбление, дезертирство, взяточничество и т. п.). Непосредственный объект – это уже нарушенное общественное отношение, т. е. объект, который уже изменен отдельным конкретным преступлением или который поставлен в условия реальной опасности» [8, с. 19].

На уровне видового, родового и общего объектов преступления социальный вред причиняется только через посредство повреждения или угрозы повреждения непосредственного объекта [8, с. 19].

Современная наука уголовного права значительно расширила представление о непосредственном объекте преступления. И если раньше оперировали общим понятием «непосредственный объект преступления», то в настоящее время различают следующие виды непосредственного объекта преступления: основной, дополнительный и факультативный. Они имеют место в так называемых многообъектных преступлениях, когда виновное лицо одним деянием причиняет вред не одному, а нескольким общественным отношениям [7, с. 15].

Основным непосредственным объектом преступления является общественные отношения на причинение вреда которому направлено преступное деяние и которые находятся под охраной уголовного законодательства.

Дополнительным непосредственным объектом преступления выступают те общественные отношения, которым был причинен ущерб, но самое преступное деяние изначально не было направлено на них. Так, например, при краже, совершенной с проникновением в жилище, основным объектом будет являться право на имущество, а дополнительным объектом – неприкосновенность жилища.

Факультативный непосредственный объект преступления – это тот объект преступления, который не указывается в диспозиции статьи Особенной части УК, но и ему был причинен ущерб совершённым общественно опасным деянием. Иначе говоря, факультативный непосредственный объект преступления – это то, общественное отношение, посягательство на которое не является целью виновного лица, но которому причиняется ущерб наряду с основным либо дополнительным непосредственным объектом преступления. Наличие в деянии лица и дополнительного, и факультативного объекта преступления не влияет на

квалификацию преступления, но свидетельствует о его повышенной общественной опасности, что учитывается при назначении наказания [7, с. 16].

Подводя итоги, можно сделать вывод, что объект преступления является один из четырех связных, неразрывных между собой элементов состава преступления, а также является неотъемлемой частью любого преступления. Установление объекта обязательно для квалификации преступления чтобы четко указать, каким общественным интересам был причинен вред. Объект преступления – это непосредственно те общественные отношения, блага и интересы, на которые был причинен ущерб или существовала такая угроза. Объект преступления – это те общественные отношения, блага и интересы, находятся под охраной уголовного законодательства, и содержатся в Конституции Республики и Особенной части УК.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики с изм., внесенными Законом от 23.09.2014 № 35-1/1 (утв. Постановлением Верховного Совета Донецкой Народной Республики № ВС 28-1 от 19.08.2014) / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 28.05.2019). – Загл. с экрана.
2. Козаченко, И. Я. Уголовное право. Общая часть / отв. ред. И. Я. Козаченко. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: НОРМА, 2008. – 720 с.
3. Уголовное право России. Общая часть: учебник / Ф. Р. Сундуrow, И. А. Тарханов, С. А. Балеев; под ред. Ф. Р. Сундуrow. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2009. – 751 с.
4. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право. Часть общая: в 2 т. – Тула: Автограф, 2001. – Т. 2. – 686 с.
5. Наумов, А. В. Российское уголовное право: Общ. часть: Курс лекций / А. В. Наумов; Ин-т государства и права Рос. Акад. наук. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: БЕК, 2000. – 572 с.
6. Уголовное право России. Части общая и особенная: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция», специальностям «Юриспруденция», «Правоохранительные органы» / [Блинников А. В. и др.]; под ред. А. В. Бриллиантова. – М.: Проспект, 2011. – 1232 с.
7. Попов, А. Н. Объект преступления: учебное пособие / А. Н. Попов, Л. С. Аистова; Санкт-Петербургский юридический ин-т (фил.) Акад. Генеральной Прокуратуры Российской Федерации. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический ин-т (фил.) Акад. Генеральной Прокуратуры Российской Федерации, 2014. – 39 с.
8. Мальцев, В. В. Понятие непосредственного индивидуального объекта преступления / В. В. Мальцев // Уголовное право. – 2011. – № 5. – С. 13–19.

Поступила в редакцию 19.06.2019 г.

OBJECT OF CRIME AND ITS TYPES

This article discusses the role of the object of crime as an element of the offense, as well as the importance of its establishment in qualifying a crime for the lawful prosecution of a criminal.

Various definitions of the concept of the object of crime and its types, given by the authors in the scientific literature, are also considered.

Keywords: object of crime, corpus delicti, criminal liability, types of object of crime, public relations, rights and freedoms.

Тимошенко Нина Александровна

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права
и процесса ГОУ ВПО «Донецкий
национальный университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: n.timowenko@gmail.com

Timoshenko Nina

PhD in Law, Associate Professor, Associate
Professor of the Department of Criminal Law
and Procedure of Donetsk National
University
DPR, Donetsk
E-mail: n.timowenko@gmail.com

Герасименко Владислав

студент магистратуры юридического
факультета ГОУ ВПО «Донецкий
национальный университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: gerasimenkovk1@gmail.com

Gerasimenko Vladislav

Master's degree student at the Faculty of
Law of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: gerasimenkovk1@gmail.com

УДК 343. 98

Хань Г. А.
Бубела Н. И.
Круть О. В.

ОСОБЕННОСТИ ПЛАНИРОВАНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ОРГАНИЗОВАННЫМИ ПРЕСТУПНЫМИ ГРУППАМИ

В статье рассмотрены особенности планирования расследования преступлений, совершенных организованными преступными группами. Выявлен ряд особенностей деятельности организованных преступных групп и предложены рекомендации направленные на повышение эффективности планирования и организации расследования преступлений.

Ключевые слова: организованная преступность, планирование расследования преступлений.

Организованная преступность является наиболее опасной формой криминальных проявлений в жизни любого общества. В последние годы преступность приобрела ярко выраженный организованный характер, на фоне общего процесса криминализации общества отмечается значительный рост организованной преступности. Наличие преступной группы, на наш взгляд, является обязательным условием перерастания общекриминальной преступности в организованную. Вместе с тем, невзирая на достаточно высокие количественные показатели выявленных организованных преступных групп и совершенных ими преступлений, деятельность подразделений МВД в борьбе с организованной преступностью остается еще недостаточно эффективной. Надо отметить, что в последнее время изменялась динамика отдельных видов преступлений, совершенных организованными группами и преступными организациями. Зафиксировало уменьшение количества разбойных нападений, бандитизма, вымогательства, краж, но увеличилось количество выявленных преступлений в сфере незаконного обращения наркотических средств и легализации (отмывание) доходов, полученных преступным путем.

В криминалистической литературе проблемы борьбы с организованной преступностью исследовались в трудах таких ученых как Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, О. Я. Баев, В. А. Васильев, А. Ф. Волынский, И. Ф. Герасимов, А. И. Гуров, Л. Я. Драпкин, Ю. Г. Корухов, В. А. Образцов, В. Ю. Шепитько, А. Г. Филиппов, Н. П. Яблоков и другие. Однако в целом отдельные вопросы отмеченной проблематики еще не достигли надлежащего научного освещения.

Организованная преступность в своей внутренней сущности имеет ряд особенностей, которые отличают ее от общекриминальной и профессиональной

преступности. Эти особенности также могут иметь значение для решения криминалистических задач. К ним можно отнести:

- высокий уровень технической оснащенности и вооруженности преступных формирований;
- жестокость, насильственный характер деятельности многих из них;
- наличие внутри преступной группы определенных норм поведения;
- создание многими группами системы безопасности, которая содержит в себе разведывательную и контрразведывательную деятельность;
- пространственный размах, межрегиональный, а иногда и межгосударственный характер преступной деятельности;
- разграничение функций между участниками преступной деятельности.

Все эти факторы, которые отличают организованную преступную деятельность, привели к тому, что в криминалистике наметилась необходимость создания отдельной криминалистической методики расследования преступлений, совершенных организованными преступными группами. Однако, как правильно отмечает В. Ю. Шепитько, неразработанными сегодня остаются такие положения отмеченной методики, как особенности начального и последующего этапов расследования, выявления специфики следственных действий и оперативно-розыскные мероприятия, установления их последовательности осуществления, разработка и предложение наиболее целесообразных тактических операций, определения ситуационной обусловленности следственных действий и их тактического своеобразия [1, с. 125–126].

Кроме отмеченных проблем, на наш взгляд, следует отметить, что традиционная по своему элементному составу криминалистическая характеристика отдельных видов преступлений оказывается малопригодной для расследования преступлений этой категории. Механизм организованной преступной деятельности более сложен, чем механизм совершения преступлений отдельными личностями и даже групповыми преступлениями.

По нашему мнению, неправильно рассматривать организованную преступную деятельность как разновидность профессиональной групповой преступности, потому что в отличие от ситуационных преступных групп с низким уровнем организованности, организованная преступность имеет характерные черты, которые резко повышают ее общественную опасность и возможности противодействовать расследованию. Этим, и определяется необходимость создания отдельной криминалистической методики расследования организованной преступной деятельности, которая представляет собой сложную динамическую систему, характеризуется длительностью существования и имеет многовекторный характер.

Целью исследования является изучение особенностей планирования расследования преступлений, совершенных организованными преступными группами. Необходимо выявить особенности деятельности организованных преступных групп и разработать рекомендации направленные на повышение эффективности планирования и организации расследования преступлений.

Стоит согласиться с мнением В. Ю. Шепитько, что главным критерием оценки всего многообразия групп является их функциональное назначение. Идет речь о

главных целях групп и организаций [2, с. 279]. Для создания криминалистической характеристики организованной преступности перспективным является использование так называемого базового элемента.

Базовым элементом называют постепенно сформированный или избранный преступным содружеством (группой, группировкой) основной способ достижения преступных целей, который включает в себя один или несколько близких по существу и содержанию, взаимозависимых преступных деяний, зафиксированных в Уголовном кодексе [3, с. 315]. Выделяются такие элементы, как сферы, ячейки и узлы проявления организованной преступной деятельности, а также данные о типичной обстановке совершения отдельных преступлений, которые исполняют роль базовых элементов.

Используя критерий направленности деятельности, все организованные преступные формирования можно разделить на основные группы.

В первую группу можно отнести организованные преступные формирования, деятельность которых имеет ненасильственный характер. К числу наиболее привлекательных видов преступной деятельности таких групп можно отнести: наркобизнес, контрабанду, коррупционные действия, хищения на предприятиях разных форм собственности, фальшивомонетничество, разные виды преступлений в сфере банковской и кредитно-финансовой деятельности. Для таких преступных групп обязательным элементом является существование развитой сети коррумпированных связей, достаточно высокий социальный статус и образовательный уровень лидеров и организаторов преступной деятельности. Противодействуя расследованию, такие группы используют, как правило, ненасильственные методы в виде административного давления, шантажа, подкупа.

Ко второй группе принадлежат преступные формирования, деятельность которых имеет корыстно-насильственный характер. Преступные группы, ориентированные на совершение заказных убийств и других насильственных преступлений, включают заказчиков, организаторов, лиц, которые осуществляют подготовительную, вспомогательную и разведывательную работу, и непосредственных исполнителей преступных действий. К числу наиболее распространенных видов преступлений корыстно-насильственного характера, которые совершаются организованными преступными группами, стоит отнести: убийства, как по заказу, так и с целью запугивания, сокрытия преступлений или облегчения их совершения, торговля людьми, грабежи и разбойные нападения, вымогательство, похищения и истязания людей с целью получения выкупа или других материальных благ, бандитизм. Для таких групп характерными являются использования в своей преступной деятельности огнестрельного и холодного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, жестокость в достижении своих преступных целей, осуществление давления на сотрудников правоохранительных органов, свидетелей и потерпевших насильственными методами.

Широкий диапазон направлений организованной преступной деятельности, высокая степень продуманности и подготовленности совершенных преступлений, наличие больших возможностей активного противодействия расследованию значительно осложняют борьбу с организованной преступностью. Сложность

расследования преступлений этой категории определяется их многоэпизодностью, разнообразием составов совершенных преступлений и участием в их совершении организованной преступной группы. В этой связи большое значение приобретает планирование расследования организованной преступной деятельности.

Отсутствие планирования приводит к пробелам в расследовании и потере доказательств, нагромождению бессистемных разрозненных данных о событии преступления, которое не дает возможность сложить целостное представление о том, что случилось, и в результате заводит расследование в тупик. В этой связи, как отмечает М. С. Гурев, показателен тот факт, что по делам, связанным с деятельностью организованных преступных группировок, расследование по которым было прекращено в связи с невозможностью установления виновных, в соответствии с проведенным исследованием, планирование не велось в 65% случаев вообще, а в других делах каждый второй план был формальным, не предназначенным для решения задач расследования и раскрытия преступлений. Вместе с тем планировалось расследование во всех делах, которые были направлены в суд или приостановлены в связи объявлением в розыск конкретных, установленных в ходе расследования преступников [4, с. 139–140]. Очевидно, что связь планирования расследования по делам этой категории с его результативностью, на наш взгляд, трудно отрицать.

Следует отметить, что на начальном этапе расследования деятельности организованной преступной группы правоохранительные органы имеют незначительную и разрозненную информацию. Планирование расследования организованной преступной деятельности на начальном этапе имеет ярко выраженную ситуационную обусловленность.

Первый тип следственной ситуации характеризуется тем, что правоохранительные органы уже имеют определенную информацию о деятельности организованной преступной группы. Процесс раскрытия преступной деятельности организованных преступных групп и содружеств чаще всего начинается с оперативно-розыскной деятельности, в ходе которой выявляется существование той или иной преступной организации и собираются данные, о ее криминальной деятельности [5, с. 108]. В этой ситуации появляется задача связать деятельность преступной группы с совершением конкретных преступлений. Второй тип ситуации обусловлен тем, что расследование может начинаться с выявления факта преступного деяния, в котором проглядывается почерк какой-то еще не известной организованной преступной группы [5, с. 108]. В зависимости от первого или второго типа следственной ситуации планирование расследования будет иметь свои специфические особенности.

Целесообразно выделить основные направления деятельности по планированию расследования. Как первое направление предлагаем планировать мероприятия относительно выяснения:

- состава организованной преступной группы;
- лидеров группы;
- иерархии;
- связей;

- основного или подавляющего направления преступной деятельности;
- совершение конкретных преступлений.

Если уголовное дело возбуждено по факту совершения конкретного преступления, планирование проводится в соответствии с методикой расследования этого вида преступлений. Но при этом выявляются признаки, которые характеризуют причастность организованной преступной группы к совершению этого преступления. Большое значение может иметь использование криминалистических учетов, в частности учета по способам совершения преступлений.

Для установления конкретных элементов состава и деятельности организованной преступной группы планируется выяснить данные о членах группы, их численность, техническую оснащенность. Относительно преступной деятельности планируется устанавливать направленность организованной преступной группы, определять сферу ее криминальных интересов, основные, сопутствующие и случайные виды преступлений, совершенных группой, степень латентности совершенных преступлений, территориальный фактор (преступные связи группы), длительность и объем криминальной деятельности (число совершенных преступлений). Особенно важно планировать выявление криминального потенциала организованной преступной группы, ее коррумпированных связей, рассчитанных на утечку конфиденциальной информации из государственных органов, других криминальных группировок, попыток уничтожения следов преступления, документов, в том числе на компьютерных носителях [6, с. 516].

Вторым направлением планирования расследования деятельности организованной преступной группы предлагаем считать планирование:

- тактических операций;
- следственных и организационных действий;
- оперативно-розыскных мероприятий, связанных с задачами по розыску и задержанию членов организованной преступной группы, нейтрализации возможного противодействия расследованию, установлению мест сокрытия имущества, добытого преступным путем, предотвращению совершения новых преступлений.

Наиболее широкое взаимодействие следственных и оперативно-розыскных органов происходит во время проведения тактических операций. Планирование тактической операции заключается в том, что определяются ее задачи, количество и профессиональный состав участников, порядок действий и распределение ролей, время и место проведения, формы взаимодействия, тактические особенности во время проведения отдельных действий. Проверка следственной версии требует выполнения разнообразных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Последовательное выполнение этих действий может быть заменено тактической операцией, проведение которой поможет установить многие обстоятельства по делу. Тактическая операция позволит объединить разные действия в единый комплекс, выполнение которого поможет быстро и качественно решить конкретную задачу расследования. Особенно важная роль для принятия

решения о проведении тактической операции уделяется анализу следственной ситуации. Результатом анализа является с одной стороны, определение задач по выявлению доказательственной информации, с другой – ее реализация в тактической операции [7, с. 142–144]. Уголовные дела, возбужденные в связи с расследованием деятельности организованной преступной группы, чаще всего расследуются следственно-оперативными группами, которые нередко имеют межрегиональный и межведомственный характер.

Поэтому третьим направлением деятельности по планированию расследования должно стать планирование взаимодействия и координации деятельности разных государственных органов и служб.

В ходе планирования расследования деятельности организованной преступной группы выдвигается общая версия – о наличии организованного преступного формирования, его целях, составе, связях, криминальной направленности, причастности к совершенным преступлениям. Кроме общей версии выдвигается система частных криминалистических версий. Типичными при этом есть версии о причастности к преступному формированию тех или иных конкретных лиц, организаторах и лидерах преступной группировки, местах хранения имущества, добытого преступным путем, оружия, о преступных замыслах.

Планируя расследование дел этой категории, важно использовать не только имеющуюся информацию о деятельности организованной преступной группы, но и опираться на личный опыт следователя, а также использовать системы типичных версий (обобщенный опыт расследования деятельности организованных преступных групп). При этом в работе следователя складывается определенная технология использования системы типичных версий, что позволяет экономить процессуальные ресурсы и повышает эффективность планирования расследования.

В. М. Варцаба предлагает такую систему типичных версий:

- 1) о специфическом объекте – организованной преступной группе (далее – ОПГ);
- 2) о взаимодействии и связи ОПГ;
- 3) об организаторах ОПГ;
- 4) о базовой направленности ОПГ;
- 5) о коррупционных связях ОПГ;
- 6) о длительности существования ОПГ;
- 7) о территориальной распространенности ОПГ;
- 8) о наличии или отсутствии дисциплины в группе;
- 9) о наличии преступного почерка, типичных способах;
- 10) о мотивах совершения преступлений;
- 11) о распределении ролей, иерархии [8, с. 12].

Как обязательное условие планирования расследования преступлений, совершенных организованными преступными группами, стоит назвать составление письменного плана расследования. Письменный план является не только организующим началом процесса расследования, но и средством, которое содействует логическому развитию такого планирования на всех этапах расследования, оптимальному сочетанию обобщенного опыта и фактических данных события, которое расследуется [9, с. 167].

Устная (мысленная) форма плана применяется на начальном этапе планирования, но обязательно должна быть реализована в письменной форме, из-за сложности, многоэпизодности дел этой категории и большого количества информации, которую надо учитывать во время расследования. Виды и техника планирования по делам этой категории не имеют принципиальных отличий. Характерным является только то обстоятельство, что для эффективного расследования необходимо использовать все возможности, которые предоставляет письменная форма планирования.

Поскольку расследование деятельности организованной преступной группы ведется следственно-оперативными группами или бригадным методом в нескольких направлениях и необходимо взаимодействие всех участников расследования, то создается система письменных планов расследования, связанная единственным замыслом, которая находится под контролем руководителя расследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Денисюк, С. Ф. Обыск в системе следственных действий (Тактико-криминалистический анализ): научно-практическое пособие / С. Ф. Денисюк, В. Ю. Шепитько. – Харьков: Консум, 1999. – 160 с.
2. Шепитько, В. Ю. Теория криминалистической тактики: монография / В. Ю. Шепитько. – Харьков: «Гриф», 2002. – 349 с.
3. Криминалистика: учебник / под ред. проф. А. Г. Филиппова (отв. ред.) и проф. А. Ф. Волынского. – М.: Издательство «Спарк», 1998. – 543 с.
4. Гурев, М. С. Убийства на «разборках» (методика расследования): монография / М. С. Гурев. – СПб: Питер, 2001. – 288 с.
5. Яблоков, Н. П. Расследование организованной преступной деятельности: монография / Н. П. Яблоков. – М.: Юристъ, 2002. – 172 с.
6. Криминалистика. Криминалистическая тактика и методика расследования преступлений: учебник для студентов юридических вузов и факультетов / под ред. проф. В. Ю. Шепитько. – Харьков: ООО «Одиссей», 2001. – 528 с.
7. Коновалова, В. Е. Версия: концепция и функции в судопроизводстве: монография / В. Е. Коновалова. – Харьков: Консум, 2000. – 176 с.
8. Варцаба, В. М. Расследование преступлений организованных преступных групп (тактико-психологические основы): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Варцаба В. М. – Харьков: НЮАУ, 2003. – 20 с.
9. Матусовский, Г. А. Экономические преступления. Криминалистический анализ: монография / Г. А. Матусовский. – Харьков: Консум, 1999. – 480 с.

Поступила в редакцию 27.03.2019 г.

FEATURES OF PLANNING OF THE INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED BY ORGANIZED CRIMINAL GROUPS

The features of planning of investigation of the crimes accomplished by the organized criminal groups are considered in this article. The row of features of criminal activity of the organized criminal

groups is educed and recommendations offer planning and organizations of investigation of crimes sent to the increase of efficiency.

Keywords: the organized crime, planning of investigation of crimes.

Хань Геннадий Анатольевич

кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного права и процесса
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: khan-genadii@mail.ru

Бубела Николай Иванович

старший преподаватель кафедры
уголовного права и процесса
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: bubela.n.i@mail.ru

Круть Оксана Валерьевна

заведующая криминалистической
лаборатории кафедры уголовного права и
процесса
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: Krut.oks@mail.ru

Khan Gennady

PhD in Law, Associate Professor, Associate
Professor of the Department of Criminal Law
and Procedure of Donetsk National
University
DPR, Donetsk
E-mail: khan-genadii@mail.ru

Bubela Nikolay

Senior Lecturer at the Department of
Criminal Law and Procedure of Donetsk
National University
DPR, Donetsk
E-mail: bubela.n.i@mail.ru

Krut Oksana

Manager of criminalistics laboratory
departments of criminal law and process
of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: Krut.oks@mail.ru

УДК 347.763.13

Харжевская Т. С.

ТАМОЖЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПЕРЕВОЗКИ ОСОБО ОПАСНЫХ ГРУЗОВ

В статье рассмотрены процедуры таможенного оформления перевозки особо опасных грузов, рассмотрено таможенное оформление международной перевозки особо опасных грузов.

Ключевые слова: особо опасный груз; таможенное оформление; транспортные услуги; транспортные перевозки.

Становление Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) в условиях рыночных реформ сегодня зависит от решения многих правовых проблем, в том числе в сфере транспортных услуг. Транспорт является одной из важнейших отраслей национальной экономики, от функционирования которой зависят все сферы общественного производства, распределения и обмена. Для того чтобы хозяйственная система государства существовала и развивалась, необходим целый ряд элементов, которые охватываются понятием транспортной системы, стабильной и развитой. С развитием государства, создаются свои национальные транспортные правовые нормы, которые закрепляются законодательно.

ДНР, как и любое государство, заинтересовано в эффективном регулировании транспортных перевозок, в частности, перевозки опасных и особо опасных грузов, не только внутренних, но и международных. Бесспорно, что транспортировка таких грузов связана с особой угрозой жизни и здоровью человека и общества в целом, окружающей среде, поэтому требует особого внимания со стороны государства, и совершенствования правового регулирования.

Весьма важным элементом регулирования грузовых перевозок является обеспечение таможенного контроля за ввозимыми и вывозимыми из страны товарами, в том числе опасными грузами. Необходимость более пристального изучения правовых вопросов перевозки таких грузов обусловлена, прежде всего, потребностями практики.

Перспектива интеграции ДНР в мирохозяйственные связи вызывает необходимость совершенствования таможенного регулирования перевозки опасных грузов как важного инструмента в использовании различных форм экономического сотрудничества. Актуальность подобной регуляции заметно возрастает для национальной экономики, осуществляющей структурную перестройку.

Степень научной разработанности темы исследования. Договоры перевозки всегда были объектом пристального внимания ученых, однако изучению перевозки опасных и особо опасных грузов, их таможенному оформлению уделено не так

много внимания. В основу работы были положены труды таких ученых как И. С. Дзюба, Д. В. Зеркалова, Е. Кравченко, А. Пахно, В. Шок, Н. В. Пеньшин, В. С. Горюшинский, Е. И. Харитоновна и другие. Таким образом, научную разработанность данной темы нельзя признать достаточной, поскольку за пределами указанных исследований осталась масса вопросов и проблем.

Цель настоящего исследования заключается в изучении процедуры таможенного оформления при перевозке особо опасных грузов.

Методы исследования составляют частно-научные и общенаучные методы познания: нормативно-логический, исторический, сравнительного правоведения, аналитический, синтеза, системно-правовой и др. При проведении исследования автор стремился обеспечить системный подход к анализируемому материалу. Общее направление исследования определено с помощью диалектического метода, формирующего последующие методологические установки. Среди наиболее востребованных автором необходимо отметить нормативно-логический и сравнительный методы.

Таможенное регулирование перевозки опасных грузов включает в себя систему мер по перемещению опасных грузов через таможенную границу ДНР. Такая перевозка всегда сопровождается таможенным оформлением грузов.

Таможенное оформление является обязательным для международных перевозок грузов. Произведенный или приобретенный в другой стране опасный груз может быть перемещен в другую страну лишь после соответствующего оформления и прохождения таможенного контроля.

Таможенное оформление представляет собой действия должностных лиц таможенных органов с соблюдением действующего законодательства и таможенного контроля.

Для пересечения границы товар должен пройти таможенную очистку, т.е. набор процедур, совокупность необходимых таможенных операций.

Участниками процедуры таможенного оформления выступают: декларант, таможенный брокер, таможенный перевозчик, таможня.

Таможенное законодательство в соответствии с Законом ДНР «О таможенном регулировании в Донецкой Народной Республике» предусматривает несколько стадий таможенного оформления, такие как: прибытие товаров на таможенную территорию ДНР, внутренний таможенный транзит, временное хранение, декларирование и выпуск товаров, убытие товаров с таможни.

Таможенное оформление представляет собой действия должностных лиц таможенных органов, осуществляемые в установленной последовательности и направленные на обеспечение соблюдения действующего законодательства и установленного порядка перемещения товаров и транспортных средств через таможенную границу.

Таможенное оформление производится одновременно с таможенным контролем и включает в себя также соблюдение мер таможенно-тарифного и нетарифного регулирования при помещении товаров и транспортных средств под определенный таможенный режим. Чтобы товар смог пересечь границу, он должен пройти таможенную «очистку». В профессиональных кругах под этим термином

понимается весь набор процедур, необходимых для ввоза товара на таможенную территорию страны.

Процедура оформления опасных грузов является обязательной в международной торговле и относится к различным видам грузов. Это совокупность необходимых таможенных операций, которые возникают во время перемещения опасных грузов через границу, а также в случае изменения таможенной процедуры.

В качестве участников процедуры таможенного оформления выступают:

1. Декларант – лицо, которое декларирует товары, транспортные средства и иные предметы либо от имени которого декларируются товары, транспортные средства и иные предметы.

2. Таможенный брокер – это субъект хозяйствования (юридическое лицо, физическое лицо-предприниматель), действующий на основании лицензии, выданной республиканским органом исполнительной власти, реализующим государственную политику в сфере, который предоставляет услуги по декларированию товаров, транспортных средств и иных предметов, которые перемещаются через таможенную границу ДНР.

3. Таможенный перевозчик – лицо, осуществляющее перевозку товаров, транспортных средств и иных предметов и (или) пассажиров через таможенную границу и (или) перевозку товаров, находящихся под таможенным контролем в пределах таможенной территории ДНР, или являющееся ответственным за использование транспортных средств.

4. Таможенный орган (таможня или таможенный пост).

Рассмотрим подробнее стадии таможенного оформления, предусмотренные законодательством.

Стадия прибытия товаров и транспортных средств на таможенную территорию ДНР допускает прибытие товаров и транспортных средств в пункты пропуска через государственную границу ДНР в рабочее время таможенных органов. Перечень таможенных постов, на которых проводится таможенное оформление товаров, транспортных средств и иных предметов утвержден приказом Министерства доходов и сборов Донецкой Народной Республики от 23 ноября 2016 г. № 339 «О декларировании товаров, транспортных средств и иных предметов».

Перевозчик следом за пересечением таможенной границы должен предоставить ввезенные им товары и транспортные средства в пункт пропуска и предъявить их в таможенный орган. После прибытия товаров и транспортных средств на таможенную территорию ДНР перевозчик должен предоставить таможенным органам документацию и сведения, зависимо от вида транспорта, которым осуществлял перевозку.

Важнейшая стадия таможенного оформления – это декларирование товаров. Под ним понимают заявление в таможенный орган сведений о товарах и транспортных средствах, которые перемещаются через таможенную границу, об их таможенном режиме, а также других сведений в любой установленной в законодательстве форме.

Декларирование должно снабжать таможенные органы необходимыми для таможенных целей сведениями о товарах и транспортных средствах; подтверждать

декларантом законность производимых действий в отношении товаров и транспортных средств, которые помещаются под выбранный таможенный режим.

Необходимо отметить, что таможенное декларирование товаров совершается декларантом или таможенным представителем, который действует от имени и по поручению декларанта. Лица, которые вправе входить в правоотношения, которые связаны с таможенным декларированием товаров, это таможенные представители.

Общепринято, что декларантом может выступить лицо, которое:

– заключило внешнеэкономическую сделку или от имени (по поручению) которого данная сделка заключена;

– имеет право владения, пользования и (или) распоряжения товарами – при отсутствии внешнеэкономической сделки.

Таможенное декларирование производят в письменной и (или) электронной форме при использовании таможенной декларации. Учитывая международный опыт, представляется, что имеющийся уровень формирования информационных технологий в государствах содействует все наиболее обширному применению именно электронной формы декларирования, понемногу оставляя письменную форму декларирования товаров.

К разновидностям таможенных деклараций относятся:

- 1) декларация на товары;
- 2) транзитная декларация;
- 3) пассажирская таможенная декларация;
- 4) декларация на транспортное средство.

Учитывая специфику опасных грузов рассмотрим только интересующий нас декларации. Декларации на товары применяются при таможенном декларировании товаров (опасных грузов), транзитная декларация является особым видом таможенной декларации, используемая только при помещении товаров под таможенную процедуру таможенного транзита. Декларацию на транспортное средство используют при таможенном декларировании транспортных средств международной перевозки.

Формы и порядок заполнения грузовой таможенной декларации определяются Инструкцией о порядке заполнения грузовой таможенной декларации и транзитной декларации, утвержденной приказом Министерства доходов и сборов ДНР от 01 июля 2016 года № 188.

При рассмотрении процедуры выпуска товаров, нужно отметить, что это действие таможенного органа, которое заключается в разрешении заинтересованным лицам пользоваться и (или) распоряжаться товарами в соответствии с заявленной таможенной процедурой. Данная таможенная процедура применяется таможенным органом в случае:

– когда при таможенном оформлении и проверке товаров таможенным органом не были выявлены нарушения таможенного законодательства;

– когда в таможенный орган предоставлены лицензии, сертификаты, разрешения, которые подтверждают соблюдение ограничений;

– когда декларантом были соблюдены все нужные требования и условия для помещения товаров под выбранный таможенный режим либо применения соответствующей таможенной процедуры;

– когда в отношении товаров были выплачены таможенные пошлины, налоги или предоставлено обеспечение уплаты таможенных платежей.

Процедура выпуска для свободного обращения ввезенных на таможенную территорию ДНР опасных грузов, как и любых других товаров, применима лишь при условии поступления сумм таможенных пошлин и налогов на счет таможенного органа. Погрузка-выгрузка опасных грузов на транспортное средство возможна лишь после принятия таможенной декларации. В случае направления запроса заинтересованным лицом таможенный орган может разрешить проводить погрузку-выгрузку вне определенного рабочего времени этого органа.

Общие условия таможенного оформления можно разделить на несколько классификационных групп: временные границы таможенного оформления; место производства таможенного оформления; документы и сведения, необходимые для таможенного оформления; взимание таможенных сборов за таможенное оформление; привлечение к таможенному оформлению заинтересованных лиц; очередность таможенного оформления (всего пять классификационных групп).

Временные границы таможенного оформления – это правила о сроках начала и завершения таможенного оформления. В соответствии с Законом ДНР «О таможенном регулировании в Донецкой Народной Республике» таможенное оформление начинается при ввозе товаров и завершается совершением таможенных операций, необходимых для применения к товарам таможенных процедур.

Места осуществления таможенного оформления, как общее условие, также урегулировано в Законе ДНР «О таможенном регулировании в Донецкой Народной Республике». Местами перемещения товаров через таможенную границу являются пункты пропуска через государственные (таможенные) границы ДНР либо иные места, определенные законодательством. Место доставки – место, определенное таможенным органом ДНР для доставки и предъявления таможенному органу назначения товаров, транспортных средств, иных предметов и товаросопроводительных документов на них, с целью размещения их в зоне таможенного контроля и дальнейшего осуществления таможенных процедур.

При прибытии товаров на таможенную территорию ДНР перевозчик представляет документы. Независимо от вида транспорта, на котором осуществляется перевозка, при уведомлении таможенного органа о прибытии товаров на таможенную территорию ДНР представляются документы, подтверждающие соблюдение запретов и ограничений. Документы, необходимые для таможенного оформления, могут быть представлены в форме электронных документов.

За таможенное оформление, как правило, взимаются таможенные платежи. Таможенными платежами являются обязательные платежи, взимаемые таможенными органами за совершение ими действий, связанных с выпуском товаров, таможенным сопровождением товаров, хранением товаров. При перемещении опасных грузов через таможенную границу ДНР, в зависимости от специфики груза, могут уплачиваться следующие таможенные платежи: таможенная пошлина, акцизный налог, таможенные сборы.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

Во-первых, таможенное оформление перевозки опасных грузов является одной из функций таможенных органов. Правовым обоснованием для включения таможенного оформления перевозки опасных грузов в систему функций таможенных органов являются положения, закрепленные в Законе ДНР «О таможенном регулировании в Донецкой Народной Республике» и Закон ДНР «О перевозке опасных грузов».

Во-вторых, содержание функции таможенного оформления опасных грузов определяются через общие условия оформления товаров.

В-третьих, общие условия таможенного оформления – это самостоятельная правовая категория, которая представляет общие правила организационно-правового характера, определяющие наиболее целесообразные время, место, силы и средства для успешного производства таможенного оформления опасных грузов.

В-четвертых, общие условия таможенного оформления опасных грузов целесообразно представить в виде нескольких классификационных групп: временные границы таможенного оформления опасных грузов; место производства таможенного оформления опасных грузов; документы и сведения, необходимые для таможенного оформления опасных грузов; взимание таможенных платежей за таможенное оформление опасных грузов; привлечение к таможенному оформлению опасных грузов заинтересованных лиц; очередность таможенного оформления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О таможенном регулировании в Донецкой Народной Республике: Закон ДНР от 25.03.2016 г. № 116-ІНС / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-tamozhenom-regulirovanii-v-donetskoj-narodnoj-respublike/> (дата обращения 05.06.2019 г.). – Загл. с экрана.
2. О декларировании товаров, транспортных средств и иных предметов: приказом Министерства доходов и сборов Донецкой Народной Республики от 23 ноября 2016 г. № 339 / Официальный сайт Министерства доходов и сборов ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mdsdnr.ru/index.php/tamozhnya/15-tamozhnya/1453-perechen-tamozhennykh-postov-na-kotorykh-provoditsya-tamozhennoe-oformlenie-tovarov-transportnykh-sredstv-i-inykh-predmetov-5> (дата обращения 03.06.2019 г.). – Загл. с экрана.
3. Искокова, М. В. Таможенное декларирование товаров в Таможенном союзе / М. В. Искокова // Таможенное дело. – 2013. – № 3. – С. 8–11.
4. Хрешкова, В. В. Правовое регулирование таможенного декларирования товаров в Таможенном союзе ЕврАзЭС / В. В. Хрешкова // Реформы и право. – 2011. – № 2. – С. 32–40.
5. Об утверждении Инструкции о порядке заполнения грузовой таможенной декларации и транзитной декларации: Приказ Министерства доходов и сборов ДНР от 01.07.2016 г. № 188 / Официальный сайт Министерства доходов и сборов ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mdsdnr.ru/index.php/tamozhnya/15-tamozhnya/727-prikaz-ot-01-07-2016-188> (дата обращения 04.06.2019 г.). – Загл. с экрана.
6. Перевозка опасных грузов: метод. указания / Н. В. Пеньшин, В. С. Горюшинский. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2010. – 48 с.

7. Перевозка опасных грузов автомобильным транспортом: пособие для консультантов / А. Пахно, В. Шок. – М.: Спецпортал, 2016. – 342 с.
8. Об утверждении Порядка определения мест доставки товаров транспортными средствами: Приказом Министерства доходов и сборов ДНР от 21.03.2017 № 97 / Официальный сайт Министерства доходов и сборов ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://mdsdnr.ru/tamozhnya/15-tamozhnya/1019-poryadok-opredeleniya-mest-dostavki-tovarov-transportnymi-sredstvami> (дата обращения 03.06.2019 г.). – Загл. с экрана.
9. Об утверждении Временного положения о таможенном тарифе Донецкой Народной Республики: Постановление Совета Министров ДНР от 16.10.2015 г. № 19-29 / Государственная информационная система НПА [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://gisnra-dnr.ru/npa/0003-19-29-2015-10-16/> (дата обращения 08.06.2019 г.). – Загл. с экрана.

Поступила в редакцию 13.06.2019 г.

CUSTOMS REGULATION OF THE TRANSPORT OF SPECIALY DANGEROUS GOODS

The article discusses the procedures for customs clearance of particularly dangerous goods, the customs clearance of international transport of especially dangerous goods.

Keywords: especially dangerous goods; customs clearance; transportation services; transportation.

Харжевская Татьяна Сергеевна
старший преподаватель кафедры
гражданского права и процесса
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: harzhevskaya@gmail.com

Kharzhevskaya Tatyana
Senior Lecturer, Department of Civil Law
and Procedure of Donetsk National
University
DPR, Donetsk
E-mail: harzhevskaya@gmail.com

УДК 336.2

Чихрадзе А. М.

СООТНОШЕНИЕ НАЛОГОВОЙ ТАЙНЫ С ИНЫМИ ВИДАМИ ТАЙН, ОХРАНЯЕМЫХ ЗАКОНОМ

В статье определяется место налоговой тайны среди иной информации с ограниченным доступом по законодательству Донецкой Народной Республики. Поскольку этот правовой институт является достаточно новым для отечественного законодательства, рассмотрены проблемы, которые могут возникнуть в правоприменительной практике, поскольку одни и те же сведения могут одновременно охраняться несколькими правовыми режимами. Так, в статье рассмотрены тайны, которые согласно действующему законодательству им охраняются и определены характерные черты налоговой тайны как самостоятельного правового института.

Ключевые слова: налоговая тайна, служебная тайна, государственная тайна, информация с ограниченным доступом.

В XXI веке чрезвычайно важную роль во всех сферах жизнедеятельности общества играет информация – она служит регулятором межгосударственных, межсоциальных, межличностных отношений, выступает главным условием эффективности любой деятельности. Важное значение она имеет для функционирования органов государственной власти, поскольку выполнение возложенных на них задач и функций невозможно без получения, поиска, хранения, использования информации.

Кроме положительных результатов информационной эры развития человеческой цивилизации, информация одновременно может создавать определенную угрозу информационной безопасности человека, общества и государства – разглашение информации, которая имеет стратегическое значение для государства или отдельных граждан, использование информации, которая может нанести вред здоровью, чести, достоинству, правам и свободам граждан, приводят к финансовым, моральным, репутационным потерям. Поэтому данные вопросы требуют особого внимания к информационной составляющей законодательства в этой сфере.

В последние десятилетия во многих государствах вопросам информационной безопасности в законодательстве уделено особое внимание, принимаются соответствующие законы. Однако говорить о сформированности и эффективности информационного законодательства невозможно в силу его высокой динамичности. Кроме того, стихийность и фрагментарность нормативно-правового регулирования в этой сфере усложняют процесс правореализации исполнительными и правоохранительными органами. Причем, это касается всех отраслей права, в том числе – налогового. Кроме того, хотя правовая природа и место налоговой тайны

© Чихрадзе А. М., 2019

являются объектом исследования таких ученых как И. И. Кучеров, А. В. Торшин, Д. Г. Коровяковский, А. В. Вороновой, Н. О. Овчинниковой, И. А. Яковлевой, Е. Н. Холопова, дискуссионными остаются вопросы границ правового регулирования налоговой тайны, соотношения ее с другими видами тайн, что подтверждает актуальность темы исследования.

Целью научного исследования является определение места налоговой тайны в системе тайн, охраняемых законом, а также выявить их соотношение. Для достижения поставленной цели необходимо решить такие задачи: во-первых, определить какие виды тайн, охраняемых законом, выделяет законодательство Донецкой Народной Республики; во-вторых, определить место налоговой тайны, ее соотношение с иными видами информации, охраняемой действующим законодательством из различных отраслей права.

Вопрос соотношения тайн в праве обычно изучается в двух аспектах: как определить, к какому виду тайны (или к каким видам тайн) относится конфиденциальная информация и как обеспечить соблюдение режима одной тайны при «конкуренции» с другой [1, с. 143]. Если врачебная тайна, тайна завещания, тайна исповеди имеют четко очерченный предмет правового регулирования, то взаимоотношения налоговой тайны с коммерческой, служебной, банковской тайной могут вызывать затруднения. Причем, одна и та же по содержанию экономическая информация может защищаться одновременно как в одном, так и в нескольких видах правовых режимов, то есть, являться одновременно налоговой, служебной, коммерческой, банковской, и нерешенным остается вопрос, какой правовой нормой руководствоваться в данной ситуации [2, с. 89].

К государственной тайне, согласно Закону ДНР «О государственной тайне», относятся защищаемые государством сведения в области его военной, внешнеполитической, экономической, разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, распространение которых может нанести ущерб безопасности Донецкой Народной Республики [3]. Эта тайна имеет особый режим охраны, и лица, допущенные к государственной тайне, предварительно знакомятся с порядком работы со сведениями, составляющими государственную тайну.

Некоторые ученые, как например, А. В. Торшин, полагают, что «экономическая информация, охраняемая в режиме государственной тайны, не может составлять налоговую тайну ни при каких обстоятельствах» [4, с. 46]. Однако, по мнению М. Ю. Костенко «сведения, составляющие государственную тайну, одновременно могут являться и налоговой тайной (например, полученные органом доходов и сборов в ходе налогового контроля сведения о предприятиях оборонной промышленности, отнесенные к государственной тайне)».

Стоит отметить, что в перечень сведений, составляющих государственную тайну в ДНР, в том числе входит информация о финансах и бюджетной политике (кроме обобщенных показателей, характеризующих общее состояние экономики и финансов), об источниках поступления в республиканский бюджет валютных средств [3]. В данном случае одна и та же информация будет охраняться и в режиме государственной тайны и в режиме налоговой тайны одновременно. При этом,

если такие сведения вследствие объективных обстоятельств будут рассекречены согласно закону, то в режиме охраны налоговой тайны они будут охраняться и далее. Поскольку, согласно закону, срок засекречивания сведений, составляющих государственную тайну, не должен превышать 30 лет, а срок действия налоговой тайны не ограничен во времени, можно отметить различие их по сроку действия. Также следует отметить, что общим признаком этих тайн является то, что органы доходов и сборов не являются собственниками информации, а значит, и они не могут распоряжаться ею по своему усмотрению, а только использовать в своей деятельности [5, с. 28].

Соотношение банковской и налоговой тайны также имеет свои особенности. Так, согласно Временному положению о банковской тайне в Донецкой Народной Республике, банковской тайной, в частности, являются сведения о банковских счетах клиентов, в том числе корреспондентских счетах банков [6], а Закон «О налоговой системе», например, обязывает банки направить органу доходов и сборов уведомление об открытии или закрытии счета налогоплательщику в течение трех рабочих дней со дня открытия/закрытия счета [7], или сведения о наличии всех открытых счетов и остатков денежных средств на счетах налогоплательщика. Такое пересечение с институтом банковской тайны создает проблемы, в результате чего банки не спешат выполнять предписанные законом требования [8, с. 46], хотя очевидно, что вся полученная информация будет охраняться в режиме налоговой тайны.

Представляется целесообразным рассмотреть варианты решения этой проблемы в зарубежных странах. В некоторых странах (Люксембург, Германия) существует абсолютная банковская тайна, то есть предоставление банком сведений о состоянии счетов клиентов налоговым органам недопустимо почти не при каких условиях, поскольку эти данные считаются сведениями, относящимися к частной жизни лица. Согласно германскому налоговому законодательству, в каждом банке присутствует должностное лицо налогового органа, которое ежедневно проверяет правильность уплаты налогов банком, но при этом отдельные банковские счета и их владельцев на предмет полноты уплаты налогов не проверяются [9, с. 268]. Очевидным недостатком такой системы является нарушение конституционного принципа равенства, поскольку налогоплательщики, имеющие счета в банках, могут не декларировать свои денежные средства, находящиеся на счетах, и не платить налоги, а налоговые органы не могут это проверить. В таких странах, как США, Дания, Нидерланды налоговые органы имеют постоянный законный доступ в компьютерную базу данных банков с целью проведения налогового контроля за тем, как плательщики налогов и сборов выполняют добровольно свою налоговую обязанность.

На сегодняшний день определение коммерческой тайны в законодательстве Донецкой Народной Республики отсутствует. Так, согласно Гражданскому кодексу Украины, коммерческой тайной является информация, которая является секретной в том смысле, что она полностью или в определенной форме и совокупности ее составляющих не является легкодоступной и имеет коммерческую ценность и является предметом адекватных существующих обстоятельствам мер по

сохранению ее секретности, принятых лицом, законно контролирующим эту информацию. Коммерческой тайной могут быть различные сведения: технического, организационного, коммерческого, производственного и иного характера, за исключением тех, которые согласно закону, не могут быть отнесены к коммерческой тайне [10]. Федеральный закон Российской Федерации «О коммерческой тайне» определяет ее как «режим конфиденциальности информации, позволяющий ее обладателю при существующих или возможных обстоятельствах увеличить доходы, избежать неоправданных расходов, сохранить положение на рынке товаров, работ, услуг или получить иную коммерческую выгоду» [11].

Общим признаком обеих видов является то, что утечка секретной информации или разглашение коммерческой тайны могут обернуться для организации убытками, так же, как и распространение сведений, составляющих налоговую тайну. Органы доходов и сборов в процессе своей деятельности могут получить в свое распоряжение сведения, представляющие коммерческую ценность, но непосредственно не имеющие отношения к налогообложению. Осложняет ситуацию для установления режима коммерческой тайны отсутствие в законодательстве механизма определения стоимости сведений, составляющих ее. Известная ученая И. А. Яковлева называет «ценностью коммерческой тайны свойство, обеспечивающее удовлетворение, как частного интереса ее обладателя, так и публичного интереса» [12, с. 330]. Кроме того, поскольку в перечень сведений, которые не могут являться коммерческой тайной, налоговые декларации не входят, то они могут являться коммерческой тайной, что организация может закрепить в своем нормативном документе – Положении о коммерческой тайне.

Очевидно, что информация, составляющая коммерческую тайну, в момент ее получения органом доходов и сборов становится налоговой тайной, точнее, ее частью, поскольку налоговая тайна по своему содержанию шире, включая не только коммерческую тайну, но и сведения, не являющиеся таковой. По мнению Н. О. Овчинниковой, если информация, входящая в состав налоговой тайны, отвечает всем условиям отнесения ее к коммерческой тайне, то правомочие на ее защиту будет в комплексе регулироваться как нормами налогового законодательства, так и нормами законодательства о коммерческой тайне [9, с. 267].

В настоящее время ни в законодательстве, ни в научной доктрине не существует единого подхода к роли и месту института служебной тайны. Положения о служебной тайне содержатся в ряде нормативно-правовых актов, наравне с ней в законодательстве как Донецкой Народной Республике, так и Российской Федерации, и Украины, используется термин «служебная информация» [13], что говорит об отсутствии единого понятийного аппарата для данной правовой категории. Г. Д. Отнюкова, рассматривая различия коммерческой и служебной тайн, выделяет тот факт, что сведения, относящиеся к служебной информации, не являются обычно предметом самостоятельных сделок, однако их разглашение может причинить имущественный вред организации и или ее деловой репутации [14, с. 56]. Следовательно, сохранение в тайне служебной информации, как правило, не обусловлено ее коммерческой ценностью – это сведения о гражданах. Полученная информация не является оборотоспособной – лица, получившие

сведения о гражданах при исполнении служебных обязанностей, являются лишь владельцами этих сведений и не могут распоряжаться ими по своему усмотрению.

Ученые выделяют следующие четыре характерных признака служебной тайны [15, с. 3]:

– признаком отнесения информации к данному виду тайны выступает государственная и муниципальная служба, в силу исполнения обязанностей которой лицу становится известной информация ограниченного доступа;

– информация, отнесенная к служебной тайне, имеет двухуровневую систему: субъективный (зависит от решения конкретного должностного лица отнести информацию к служебной тайне) и объективный (не зависящий от решения должностных лиц – это сведения, составляющие коммерческую, врачебную, банковскую тайну, персональные данные и др.) уровни;

– нераспространение на данный режим статуса государственной тайны;

– нераспространение на данный режим требований обязательного открытого доступа для определенных категорий информации.

Защита профессиональной тайны прописана в Законе ДНР «Об информации и информационных технологиях». Согласно ч. 5 ст. 9 этого закона, профессиональная тайна – это информация, полученная физическими лицами при исполнении ими профессиональных обязанностей или юридическими лицами при осуществлении ими определенных видов деятельности [16]. Согласно той же статье, профессиональная тайна подлежит защите в случаях, если на эти лица законами Донецкой Народной Республики возложены обязанности по соблюдению конфиденциальности такой информации.

У служебной и профессиональной тайн есть общие черты – это доступ лиц к конфиденциальной информации, составляющей эти тайны, в силу служебного положения. Однако, собственником информации, составляющей профессиональную тайну, является гражданин, доверивший сведения врачу (врачебная тайна), нотариусу (нотариальная тайна), адвокату (адвокатская тайна) и пр., а собственником информации, составляющей служебную тайну, является организация, установившая перечень сведений, отнесенных к служебной тайне, в которой работает лицо, имеющее доступ к этим сведениям. Таким образом, различием этих видов тайн выступает право собственности на составляющую их информацию. Исходя из этих соображений, налоговая тайна не включает профессиональную тайну (поскольку содержание объекта налоговой тайны ограничено сведениями, относящимися к конкретному налогоплательщику). Однако, по мнению Н. О. Овчинниковой, из этого правила существуют исключения, когда налоговой тайной охватываются сведения, которые лицо, связанное профессиональной тайной, обязано предоставлять налоговому органу по закону [9, с. 268].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. с появлением в законодательстве ДНР института налоговой тайны был сделан значительный шаг вперед по совершенствованию защиты прав и законных интересов налогоплательщиков. Степень доверия между гражданином и государством, способствующая правильному исчислению и уплате налогов, в том

числе зависит от того, каким образом государство распорядится сведениями, полученными при осуществлении налогообложения;

2. налоговую тайну необходимо воспринимать как режим конфиденциальной информации о налогоплательщике;

3. информация, составляющая налоговую тайну, порождает целый ряд регулируемых общественных отношений по ее сбору, получению, режиму хранения, распространению, защите, а также ответственности за неправомерное разглашение и использование. Это позволяет сделать вывод о том, что институт налоговой тайны является полноправным и самостоятельным институтом налогового права.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Налоговое право. Общая часть: учебник и практикум для академического бакалавриата / под ред. И. И. Кучерова. – М.: Издательство Юрайт, 2014. – 760 с.
2. Кучеров, И. И. Налоговая тайна: правовой режим защиты информации / И. И. Кучеров, А. В. Торшин. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2003. – 328 с.
3. О государственной тайне // Закон ДНР от 12.12.2014 г. № 03-ІНС (с изменениями и дополнениями): Принят Народным Советом ДНР от 12.12.2014 г. / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakon-dnr-o-gos-tajne/> (дата обращения: 03.03.2019). – Загл. с экрана.
4. Торшин, А. В. Соотношение налоговой тайны с другими режимами защиты конфиденциальной экономической информации / А. В. Торшин // Финансовое право. – 2002. – № 1. – С. 45–49.
5. Коровяковский, Д. Г. Налоговая тайна и её соотношение с другими видами тайн / Д. Г. Коровяковский // Международный бухгалтерский учет. – 2003. – № 3. – С. 22–31.
6. Временное положение о банковской тайне в Донецкой Народной Республике. Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 04.12.2015 г. № 24-1 / Официальный сайт Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnr-online.ru/download/postanovlenie-soveta-ministrov-donetskoj-narodnoj-respubliki-ot-04-12-2015-g-24-1-ob-utverzhenii-vremennogo-polozeniya-o-bankovskoj-tajne-v-donetskoj-narodnoj-respublike/> (дата обращения: 03.03.2019). – Загл. с экрана.
7. О налоговой системе // Закон ДНР от 25.12.2015 № 99-ІНС (с изм. и доп.): Принят Народным Советом ДНР от 25.12.2015 г. / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakon-o-nalogovoj-sisteme-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 04.03.2019). – Загл. с экрана.
8. Воронова, А. В. Налоговая тайна: можно поделиться? / А. В. Воронова // Налоговая политика и практика. – 2009. – № 9. – С. 44–50.
9. Овчинникова, Н. О. Налоговое планирование и налоговый контроль со стороны правоохранительных органов: Практическое пособие / Н. О. Овчинникова. – М.: Дашков и К., 2008. – 310 с.
10. Цивільний кодекс України // Відомості Верховної Ради України. – 2003. – № 40-44. – Ст. 356.
11. Федеральный закон «О коммерческой тайне» от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ (ред. от 18 апреля 2018 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901904607> (дата обращения: 12.12.2018). – Загл. с экрана.

12. Яковлева, И. А. Теоретические и практические проблемы правового регулирования банковской, налоговой и коммерческой тайны в предпринимательской деятельности / И. А. Яковлева // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. – 2014. – № 5. – С. 326–331.
13. Указ Главы Донецкой Народной Республики №155 от 01.06.2016 «О мере по защите сведений, составляющих государственную тайну, а также служебную информацию» / Официальный сайт Министерства промышленности и торговли ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mptdnr.ru/documents/42-ukaz-o-mere-po-zaschite-svedenii-sostavljayuschih-gosudarstvennuyu-tainu-a-takzhe-sluzhebnyuyu-inf.html/> (дата обращения: 12.12.2018). – Загл. с экрана.
14. Отнюкова, Г. Д. Коммерческая тайна / Г. Д. Отнюкова // Закон. – 1998. – № 2. – С. 55–59.
15. Холопова, Е. Н. Современное состояние правового института налоговой тайны / Е. Н. Холопова, А. В. Дегтярев // Российская юстиция. – 2017. – № 1. – С. 2–5.
16. Об информации и информационных технологиях // Закон ДНР от 07.08.2015 № 71-ІНС (с изм. и доп.): Принят Народным Советом ДНР от 07.08.2015 г. / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-ob-informatsii-i-informatsionnyh-tehnologiyah/> (дата обращения: 03.03.2019). – Загл. с экрана.

Поступила в редакцию 04.06.2019 г.

RELATIONSHIP OF TAX SECRET WITH OTHER TYPES OF SECRETS PROTECTED BY LAW

The article defines the place of tax secrecy among other information with limited access under the laws of the Donetsk People's Republic. Since this legal institution is rather new to domestic legislation, problems that may arise in law enforcement practice are considered, since the same information can be protected by several legal regimes simultaneously. Thus, the article discusses secrets that, according to the current legislation, protect and identify the characteristic features of tax secrets as an independent legal institution.

Keywords: tax secret, official secret, state secret, information with limited access.

Чихрадзе Анна Михайловна
старший преподаватель кафедры
административного и финансового права
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: aniamako@rambler.ru

Chikhradze Anna
Senior Lecturer, Department of
Administrative and Financial Law
Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: aniamako@rambler.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. В печать принимаются научные статьи на русском и английском языках, которые имеют необходимые элементы:

 постановка проблемы в общем виде и её связь с важнейшими научными и практическими задачами;

 анализ последних достижений и публикаций, в которых рассмотрена данная проблема и на которые ссылается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, на решение которых направлена данная статья;

 формулирование цели и постановка задач;

 изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов;

 выводы из этого исследования и перспективы дальнейших исследований в данном направлении.

2. Основной текст статьи – шрифт Times New Roman, размер 14 пт., с выравниванием по ширине. Аннотация (до 500 знаков с пробелами; ориентировочно 10 строк), ключевые слова (не менее 5), список литературы, таблицы, подрисуночные подписи – шрифт Times New Roman, размер 12 пт. Без автоматической расстановки переносов. Таблицы располагаются по тексту строго в пределах печатного поля книжной ориентации страниц после первого упоминания. Каждый рисунок имеет подпись (не совмещенную с рисунком), а таблица – заглавие (выравнивание – по центру). Все рисунки и таблицы должны быть последовательно пронумерованы арабскими цифрами. Сканированные рисунки не принимаются. При наличии рисунков и таблиц их необходимо предоставлять в отдельном файле с возможностью редактирования.

3. Объем статьи — 7–10 страниц печатного текста формата А4. Поля: левое – 3,0 см, нижнее – 1,5 см, правое – 1,5 см, верхнее – 2,0 см. Междустрочный интервал – полуторный. Абзацный отступ – 1,25 см.

4. Текст рукописи должен соответствовать следующей структурной схеме:

– Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (14 кегль, без абзацного отступа).

– НАЗВАНИЕ статьи — полужирный, выравнивание по центру без абзацного отступа (прописными буквами без переноса слов, 14 кегль);

– Через строчку: аннотация на русском языке, которая должна кратко отражать цели и задачи проведенного исследования, а также его основные результаты и ключевые слова. Таким же образом оформленные аннотация и ключевые на английском языке (12 кегль, абзацный отступ 1,25, выравнивание по формату, одинарный интервал);

– В конце статьи копирайт ©, фамилия и инициалы автора(ов), год (12 кегль, выравнивание по правому краю);

– Словосочетание СПИСОК ИСТОЧНИКОВ (полужирный, все прописные, 12 кегль без абзацного отступа с выключкой по левому краю). Перечень литературных источников (СПИСОК ИСТОЧНИКОВ) приводится общим списком в конце рукописи в порядке появления ссылок в тексте (а не в алфавитном порядке) на языке оригинала и оформленные в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание». Ссылка на источник дается в тексте статьи и оформляется в квадратных скобках ([5, с. 22]). Ссылки допускаются только на опубликованные работы по исследуемому вопросу. Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

5. В конце статьи обязательно указываются следующие сведения об авторах: фамилия, имя, отчество всех авторов полностью (на русском и английском языке); ученая степень и звание (на русском и английском языке); полное название организации – место работы каждого автора в именительном падеже, страна, город (на русском и английском языке); адрес электронной почты каждого автора и телефон для контактов.

6. Текст статьи должен быть тщательно выверен, без орфографических ошибок. Сокращения слов, кроме общепринятых, не допускаются или обязательно даётся их расшифровка.

7. Если статья подается на английском языке, то прилагается её русский вариант.

8. Аспиранты и соискатели вместе со статьей подают рецензию научного руководителя.

9. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений. К статье в обязательном порядке прилагается отчет о проверке научной работы на уникальность и поиск заимствований.

10. Рукопись проходит независимое анонимное рецензирование специалистами на предмет научной ценности статьи, её соответствия профилю и требованиям журнала. По рекомендации рецензентов редколлегия принимает решение о возможности и условиях опубликования статьи.

11. Публикация статей в журнале бесплатная.

Научное издание

**Вестник Донецкого национального
университета.
Серия Е: Юридические науки**

2019. – № 2

Технический редактор: А. К. Миронова

Адрес редакции:

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк
Тел.: +38(071) 36-707-35, +38(099)226-26-74 (Viber)
E-mail: jur.conf@donnu.ru; redact@donnu.ru
URL: <http://donnu.ru/vestnikE>

Подписано в печать

Формат 60x84/8. Бумага офсетная.

Печать – цифровая. Усл. печ. л. 13,37

Тираж 100 экз. Заказ. №

Издательство ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.

Тел.: +38 (062) 302 92 27.

Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности
в Государственный реестр серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.